

ЛИУТПРАНД КРЕМОНСКИЙ

АНТАПОДОСИС

MEDIAEVALIA

LIUDPRANDO
EPISCOPI CREMONENSIS

ΑΝΤΑΡΟΔΟΣΕΟΣ

HISTORIA OTTONIS

RELATIO DE LEGATIONE
CONSTANTINOPOLITANA

Серия «MEDIÆVALIA:
средневековые литературные памятники и источники»
основана в 2005 г.

ЛИУТПРАНД
КРЕМОНСКИЙ

ΑΝΤΑΠΟΔΟΣΙΣ

КНИГА ОБ ОТТОНЕ

ОТЧЕТ О ПОСОЛЬСТВЕ
В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Издание подготовил
И. В. ДЬЯКОНОВ

Москва
«РУССКАЯ ПАНОРАМА»
2006

ИЗДАНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ПЕЧАТИ И
МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ В РАМКАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ
«КУЛЬТУРА РОССИИ»

Издание подготовил
И. В. Дьяконов

Лиутпранд Кремонский.
Л64 АНАТАПОДОСИС; КНИГА ОБ ОТТОНЕ; ОТЧЕТ О ПОСОЛЬСТВЕ В
КОНСТАНТИНОПОЛЬ / Перевод с лат. и комментарии И.В. Дьяконо-
ва. – М.: «SPSL»–«Русская панорама», 2006. – 192 с., табл., ил., карты. –
(MEDIÆVALIA: средневековые литературные памятники и источники).

ISBN 5-93165-160-8

Среди историков X в. Лиутпранд занимает видное место как по своему таланту, так и по значительности описываемых им событий. В настоящую книгу вошли *все три* произведения кремонского епископа, сочинения которого историки ставят выше Видукиндовых. Сочинения Лиутпранда служат важным источником не только по истории Священной Римской Империи, но и по русскому Средневековью. Читателю дается возможность в контексте книги (никогда ранее целиком не издававшейся на русском языке) оценить столь часто цитируемое норманистами упоминание Лиутпранда о русах как «нордманнах» (которыми оказались также (*Ant. I, 11*) венгры, печенеги, хазары, по «месту жительства» – на севере (*Ant. V, 15*)). В книге V «Анатаподосиса» приводится подробный рассказ о неудачном походе князя Игоря на Византию. Несколько панегирическая хроника «О деяниях Оттона» (император-саксонец был покровителем Лиутпранда), содержащая, правда, интереснейшие подробности быта и нравов того времени, на русском языке публикуется впервые. «Отчет о путешествии в Константинополь» публикуется в новом переводе, специально выполненном для настоящего издания.

Для историков, студентов гуманитарных специальностей вузов, а также широкого круга любителей истории.

ББК 84(4Гем) 4

ISBN 5-93165-160-8

© И.В.Дьяконов, перевод с латинского, комментарии, указатели, 2006.
© Оформление. «SPSL», 2006.
© НП ИД «Русская панорама», 2006.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	6
I. Жизнь	6
II. Труды Лиутпранда	7
III. История текста	9
IV. Важнейшие посвященные Лиутпранду монографии	12
<i>АНТАПОДОСИС (или Воздаяние). В 6 книгах</i>	13
Книга первая	15
Книга вторая	33
Книга третья	55
Книга четвертая	47
Книга пятая	91
Книга шестая	105
<i>КНИГА ОБ ОТТОНЕ</i>	111
Книга Лиутпранда о короле Оттоне	113
<i>ОТЧЕТ О ПОСОЛЬСТВЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ</i>	123
<i>ПРИЛОЖЕНИЯ</i>	149
Итальянские Каролинги, а также короли Италии, маркграфы Тосканы, Фриули, Ивреи, Камерино и Сполето (генеалогическая таблица)	150
Империя Каролингов в эпоху расцвета (карта)	152
Государства Каролингов в середине IX в. (карта)	154
Священная Германская империя с вассалами и соседями (карта)	156
Комментарии и примечания	158
Указатель имен	175
Указатель географических названий	186

ВВЕДЕНИЕ

I. Жизнь

Будучи отпрыском знатной фамилии лангобардского происхождения, Лиутпранд (краткая форма его имени – Лиуцо) родился около 920 г. в неизвестном месте. Его отец отправился в 927 г. в качестве посла короля Гуго в Византию и умер вскоре после своего возвращения оттуда. Отчим его также был послом при византийском дворе в 942 г. Сам Лиутпранд еще ребенком был принят ко двору короля и приобрел его особое расположение. Несмотря на некоторые недостатки своего церковного образования, он избирает духовную карьеру и становится дьяконом церкви в Павии. Когда король Гуго был изгнан в 945 г. Беренгаром Иврейским, новый правитель взял дьякона в свою канцелярию и поручил ему в 949 г. посольство в Византию, расходы на которое должен был взять на себя его отчим. По неизвестным причинам Лиутпранд впал в немилость у Беренгара (короля с 950 г.) и бежал ко двору короля Оттона. Тот в скором времени одарил талантливого, высокообразованного и знающего свет клирика полным доверием¹ и пожаловал ему во время своего 2-го Итальянского похода (конец 961 г.) епископство Кремонское². В последующие годы епископ Кремоны принимал активное участие во многих политических событиях и дипломатических переговорах на итальянской земле (указания на события, связанные с его должностью епископа см. *Josef Becker, Vorrede, S. IX–XII*). Наряду с посольством в Рим (вместе с Отгером, еп. Шпейера) для избрания преемника папы Льва VIII летом 965 г. и участием в Равеннском соборе на Пасху 967 г. здесь прежде всего следует упомянуть о его участии в коронации императором на Рождество 967 г. Оттона II, ради которого он в качестве свата отправился в следующем году в Византию. Последнее достоверное известие о его пребывании в собственном епископстве относится к 15 и 20 апреля 970 г. Если же верить менее достоверному преданию (см. *Josef Becker, Vorrede, S. XII, прим. 6*), то Лиутпранд принял еще и участие в посольстве, которое отправилось в Византию во главе с Кельнским архиепископом Геро за невестой императора Оттона II Феофано, но умер или по пути в Грецию, или вскоре после своего возвращения в первые месяцы 972 г. Уже 5 марта 973 г. в качестве епископа Кремоны документально засвидетельствован его преемник Ульрих (*Monum. hist. patriae* 13, Nr. 1298. 1300).

II. Труды Лиутпранда

«Антоподосис», главный труд Лиутпранда, и неоднороден и неокончен, что в значительной мере затрудняет как освещение истории его возникновения, так и объективную его оценку. К написанию своего труда его побудило общение с испанским епископом Эльвиры Рецемундом, который в качестве посла Кордовского халифа Абд-аль-Рахмана III находился в 956 г. при дворе Оттона I. По его просьбе Лиутпранд взялся во Франкфурте в 958 г. за написание «*Gesta regum ac principum totias Europae*»³ – задачу, которая превосходила как его знания, так и склонности. Так, вне поля его зрения оказались и англосаксы, и всё западное Средиземноморье; только однажды (*Ant. I, 15*) коснулся он истории западных франков и, после задуманного как *captatio benevolentiae* высказывания о сарацинах во Фраксинете (*Ant. I, 1–4*), он приводит еще, – причем без всякой внутренней связи, – лишь несколько отрывков из истории Византии и Италии. Вторая книга оканчивается смертью Беренгара I в 924 г. Третьей книге предшествует второе вступление, в котором вводится новое заглавие и поясняется, что *Антоподосисом* этот труд следует назвать потому, что задача его – служить «воздаянием» Беренгару и его супруге Вилле, причинившим столь много зла автору, изобразившему в нем все их позорные деяния, и одновременно доставить удовольствие тем, кто оказал ему благодеяния. Благодаря этому становится еще более ясным, насколько тесно подборка материала и его изложение связаны с самой личностью автора. Поэтому его исторический труд относится скорее к жанру мемуарной литературы. Правда, в третьей книге, которая доводит историю Бургундии, Италии и Византии до 935 г., это не столь заметно, ибо Лиутпранд при освещении это периода все еще пользуется сообщениями других людей, в чем сам признается в начале четвертой книги. Эта (4-я) книга поначалу продолжает историю Италии и только в 15-й главе обращается к истории Германии. С уверенностью можно предположить, что Лиутпранд излагает здесь официальную версию саксонского двора. В пятой книге опять излагаются события итальянской и византийской истории до 947 г. В шестой книге, – после того, как автор во введении еще раз сетует на судьбу, – он ставит на первый план свое посольство в Византию, но совершенно внезапно прерывает весьма обстоятельный рассказ. Несмотря на упоминание о коронации Оттона I императором (2 февраля 962 г.; *Ant. VI, 4*), работа не была продолжена далее. Вероятно, Лиутпранд намеревался довести историю Беренгара II по меньшей мере до его низложения и заключения в крепости Сан-Леон осенью 961 г., а затем, пользуясь случаем, привести причины, по которым он впал в немилость у Беренгара и его супруги и, обратившись к Оттону, по благодарить его за оказанные им благодеяния, которые начались принятием его ко двору и завершились на тот момент возведением в сан епископа Кремоны.

Никто при подобных обстоятельствах не станет измерять историка Лиутпранда строгими мерками, которые применимы к исторической монографии и которые были достигнуты каролингской анналистикой. Несмотря на узость его кругозора, Лиутпранда постоянно ставят выше Видукинда. Кроме того, в глаза неоднократно бросается отсутствие точных хронологических указаний, так что определить вре-

менную последовательность приводимых им данных зачастую невозможно или, по крайней мере, датировка их спорна. Материал, без раскрытия внутренних взаимосвязей, распределен между 3-мя темами – историей Византии, Италии и Германии – и изложен в последовательности, схему которой привел Й. Беккер (Vorrede, S. XVIII). Подборка и подача материала весьма и весьма субъективна: приятная обстоятельность вместе с искусной риторикой, и в то же время частая злоба и ирония, приправленные неоднократно вставками греческих отрывков, многочисленными цитатами и стихотворениями собственного сочинения. Нельзя отделаться от впечатления, что автор заботился прежде всего о том, чтобы показать свое превосходное образование и злой язык, особенно в своем последнем произведении – отчете о посольстве.

Придворная школа в Павии и соборная в Милане – наиболее значительные центры образования Верхней Италии – дали молодому Лиутпранду наряду с духовным образованием также удивительное для его времени знание классической литературы. Цитаты и ссылки свидетельствуют о знакомстве Лиутпранда со следующими поэтами античности: Теренцием («Комедии», за исключением «Свекрови»), Лукрецием, Вергилием, Горацием (за исключением «Речей»), Овидием («Метаморфозы», «Фасты» и «Любовные элегии»), Сенекой («Федра»), Персием, Ювеналом, Марциалом, Пруденцием, Седулием («Пасхальные песни»), Катонем («Дистихи») и Кверолом («Комедии»). Из прозаиков ему были известны: Цицерон («Речи против Катилины», «В защиту Суллы», «Об ораторах», «Письма к друзьям», «Тускуланские беседы», «Лелий» и «Парадоксия»), Саллюстий, Плиний («Естественная история»), Светоний, Вегетий, Иероним, Августин, Боэций, Кассиодор, Иордан и Исидор. Известно, что Лиутпранд владел современным ему греческим языком и немного знал также древнегреческий. По разу цитирует он «Государство» Платона, «Галла» Лукиана и «Писание об Антихристе» Ипполита. Как кажется, знаком он был также с работами современных ему византийских историков (Köhler NA 8, 74 f.).

Можно предположить, что Лиутпранд своей работой над историческим произведением обратил на себя внимание Оттона I. Во всяком случае, при проведении своей итальянской политики тот задумал использовать дипломатический и публицистический талант епископа Кремонского. Как глава посольства Лиутпранд в 963 г. отправляется к папе Иоанну XII, который, однако, не только враждебно встретил послов императора, но и бежал из Рима. На соборе, который Оттон I созвал по этому поводу в церкви св. Петра 6 ноября 963 г., епископ Лиутпранд выступил в качестве рупора императора, ибо тот мог говорить только по-саксонски. Собор завершился низложением папы (4 декабря) и избранием в качестве его преемника протоскриниария Льва (Лев VIII). Лиутпранд не только сообщил об этом, но и дал, – вероятно, по поручению императора, – обзор всей итальянской политики от 960 г. до Латеранского собора 964 г., на котором Бенедикт V сложил с себя папское достоинство, в книге, которая дошла до нас оборванной на полуслове и без названия⁴. Хоть книга и начинается с очень грубых выпадов в адрес Беренгара и его сына Адальберта, в целом она носит объективный характер и, будучи стилистически обработана и украшена цитатами из Теренция, Горация и Ювенала, опирается, как кажется, на документальные материалы (Акты собора). Озаглавленная

в средневековых библиотечных каталогах как «История Оттона», она, скорее всего, была написана Лиутпрандом в Германии после возвращения из Италии, но еще до смерти папы Льва VIII (март 965 г.).

В 969 г. Лиутпранд, вернувшись из окончившегося полным провалом посольства в Константинополь, дал отчет о нем обоим императорам Оттонам – отцу и сыну – и императрице Адельгейде, и, дабы отвлечь их внимание от неудачи своей миссии, привел множество подробностей и второстепенных деталей, с одной стороны, стремясь показать свою лояльность к императорскому дому, а с другой, – изобразить в неблагоприятном свете высокомерие греков, их привычки и, прежде всего, личность самого византийского императора. Поскольку Лиутпранд во время своего пребывания в Константинополе имел общение с кругами, враждебно настроенными по отношению к императору Никифору II Фоке, свобода его действий была сильно ограничена, а на обратном пути в Корфу за ним строго следили. В итоге вместо дипломатического отчета появился пасквиль, который показал автора – и как человека, и как писателя – в наилучшем свете, но именно поэтому долгое время рассматривался как целиком недостоверный. Сегодня, исключив грубейшие искажения, ученые расположены дать работе скорее позитивную оценку благодаря обилию в ней драгоценнейших подробностей. Так, можно прочитать благоприятный отзыв Шлумберже в его монографии о Никифоре (Paris, 1890, S. 599), который в своем предисловии повторяет также Йозеф Беккер (стр. XXIII). Острогорский (*Geschichte des byzantinischen Staates*, 2 Aufl. – München, 1952, S. 172) говорит о высокодуховном памфлете неопределенного культурно-исторического значения. Мартин Линцель (*Studien über Liudprand von Cremona*, Eberings Historische Studien 233, 1933, S. 55) видит в произведении политический заказ, цель которого – подготовить общественное мнение в пользу возобновления войны с Восточным Римом, опять вспыхнувшей в Нижней Италии.

Оборванная в конце, работа дошла до нас в единственной, ныне утерянной Трирской рукописи, на основании которой была издана в Ингольштадте в 1600 г. Генрихом Канизием (вместе с «Хроникой» Виктора Тунненского и его продолжателя Иоанна Бикларского)⁵.

III. История текста

Труды Лиутпранда возникли или во время его досуга, как политического беженца при дворе Оттона I, или были написаны им по поручению императора для лиц императорского двора. Напрашивается мысль о том, что забота о сохранении и распространении его работ лежала в первую очередь на плечах лиц, близких к императорскому двору, тем более, когда известно, что епископ Ульрих Кремонский (преемник Лиутпранда), проводя в 984 г. ревизию книг и грамот в сокровищнице своей церкви, не нашел там никаких рукописей своего предшественника.

С другой стороны, Йозеф Беккер настойчиво подчеркивает тот факт, что старейшая и ближе всего стоящая к тексту оригинала рукопись из Фрейзинга (В), в которой хотят видеть даже сам оригинал, обладает очень многими особенностями

в правописании, которые указывают на ее итальянское происхождение, причем у всех 3-х писцов (см. сопоставление *Josef Becker*, *Textgeschichte*⁶, S. 10 и сл.). Чтобы объяснить это, следует допустить, что или здесь сохранился первоначальный почерк самого Лиутпранда, или он пользовался при дворе Оттона I услугами итальянского писца. В Италии Лиутпранд был известен только хронисту из Фарфы, Григорию из Катины (*Muratori*, *Res. Italic. Scriptorum* II 2, 415e) и «Хронике» Андреа Дандоло VIII, 10 (ebda. XII, 199 f.), что выглядит недостаточно убедительно для принятия версии ее итальянского происхождения.

Более древний след ведет на север от Альп, в Мец, где находилась очень старая, ныне утраченная рукопись, из которой происходят *Excerpta Mettensia* X века (*Becker*, *Vorrede*, S. XXV). Архиепископ Меца Дитрих (965–977 гг.), двоюродный брат императора Оттона I, мог получить ее из императорского двора еще при жизни Лиутпранда.

Прочие сохранившиеся рукописи представлены 3-мя, явно отличающимися друг от друга редакциями (которые, возможно, восходят к самому Лиутпранду; *Becker*, *Vorrede*, S. XXIX–XXXI), соответствующими 3-м различным ареалам распространения – Нижней Австрии (А), Баварии (В) и Лотарингии (С). Эти географические названия соответствуют расположению рукописей на исходе средневековья, но никак не исходному пункту их оригинала. Последовательность также не содержит указаний на качество рукописного класса для процесса формирования текста. Поскольку именно лотарингская группа (С), в которой пытались видеть родину оригинала, очень сильно была изменена посредством конъюнктур и произвольных текстовых изменений ради создания хорошо читаемого текста, ее следует отбросить.

В основе группы С возможно лежит ныне утраченная Трирская рукопись, к которой восходят Трирские экцерпты (*Excerpta Trevirensia*) начала XII в. (*Stadt-bibliothek Trier* 388). На Трир указывают также ныне утраченная рукопись, которая содержала в себе только «Отчет о посольстве», далее – оригинал сделанных в монастыре Оттерберг и находящихся ныне в Париже (*Exc. Par.*, *bibl. nat. lat.* 5922, XII в.) экцерптов и, наконец, ныне исчезнувшая рукопись монастыря Лаубах (Лоббес), которая в тамошнем библиотечном каталоге была обозначена под № 1049 г. и использована уже в «Житии» аббата Герхарда фон Бронь (MG SS 15, 664, 38–65). Рукопись этой группы имели в своих руках также Фрутольф фон Михельсберг и Григорий из Катины. До нас дошли списки: С 1, *Harleianus* 3713 – в Британском музее, написанный, вероятно, в конце XII в. в Жамблу и, возможно, в соответствии с утраченным кодексом, который был известен Сигиберту (*De scriptoribus ecclesiasticis*, p. 418 ed. *Miraeus*. – Antwerpen, 1649); С 2, *Bruxellensis* 14923, написанный в то же время, вероятно, в Лаубахе и использованный Альбериком из Труа в Фонтене. Дочерней рукописью является Берлинский кодекс (*Berlin, ms. lat. fol.* 358) конца XII в., с 1627 г. находящейся в монастыре Хаутмонт (Камбрейский диоцез). Первое издание Вильгельма Петита (отпечатано Асцензием в 1514 г. в Париже) также восходит к оригиналу утраченной ныне рукописи этой группы.

Распространенная в Баварии форма текста В, которой Лиутпранд только после изготовления предназначенной для Меца копии придал окончательный вид, представлена Мюнхенско-Фрейзингенским кодексом (*München, lat.* 6388 = *Frising.*

188 = *Cim. II. 2d*), который считается лучшей текстовой основой. Кодекс состоит из двух соединенных между собой в XV в. рукописей: Лиутпранда (л. 1–85) и Регино (л. 86–198). Причем, «Хроника» Регино, очевидно, относится ко времени Фрейзингенского епископа Абрахама (957–993 гг.), ибо на листе 121 имеется его автограф. Вносил ли он какие-то дополнения в повествование Лиутпранда (из Италии или Трира) – точно сказать нельзя⁷. Фрейзингенская рукопись использовалась Отто Фрейзингенским и Рахевином. Уже в конце X – нач. XI вв. с нее были сделаны копии, а именно: *Florenz, Laurentianus Asburnham* 15 (кон. X в.) и Кодекс, приобретенный Тритемием для его монастыря в Спонхейме (нач. XI в.; совр. *Brüssel, bibliothéque royale* 9904). Более поздней копией (XVI в.) является *Harleianus* 3685, хранящаяся ныне в Британском музее, а прежде бывшая во владении Певтингера и иезуитского колледжа в Аугсбурге.

В третьей группе А объединены рукописи из нижнеавстрийских монастырей, однако текст весьма близок к Меттенским эксцерптам. Речь идет о следующих рукописях (при этом обе первые происходят из общего источника):

А 1, *Wien* 427 (*hist. prof.* 338). Рукопись относится к XII в. Состоит из 148 пергаментных листов, из которых листы 46–71 являются позднейшей вставкой. На листе 1-м содержится сообщение архиепископа Даймберта Пизанского о 1-м Крестовом походе; листы 2–41 содержат «Историю Иерусалимского похода» Рудберта; листы 13–71 – Хронологическую таблицу с 167 по 1160 гг., составленную Куспинианом; листы 72–125 – содержат «Хронику» Исидора Севильского; листы 125–132 – «Деяния Карла» Эйнхарда; и, наконец, листы 132–148 – «Историю» Лиутпранда. В 1540 г. рукопись была подарена венским епископом Иоганном Фабером колледжу св. Николая.

А 2, *Klosterneunburg* 741 (XII в.). Состоит из 202 пергаментных листов. Листы 2–41 занимает «Римская история» Евтропия; листы 42–71 – «История» Павла Дьякона; листы 71–82 – «Деяния Карла» Эйнхарда; листы 82–107 – Антаподосис Лиутпранда (I–III 37); и листы 108–202 – «Хроника» Регино.

Сюда относятся также рукописи *Zwettl* 299 (XII в.; 283 перг. листа) и *Wien* 400 (*hist. prof.* 178; XIII в.; 72 перг. листа)⁸.

А 3, *Лондон, Британский музей, Harleianus* 2688 (XIII в.). На 16 исписанных в 2 колонки листах содержит Антаподосис I–V 18.

Данный перевод всех 3-х произведений Лиутпранда на русский язык является первым полным их переводом. Отдельные отрывки из них, правда, переводились еще до революции (см. *Стасюлевич М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 2. – Пг., 1915). Однако перевод Стасюлевича содержит большое количество неточностей и в наше время явно устарел. Перевод некоторых отрывков из «Антаподосиса» и «Отчета о посольстве» был предпринят также в 1970 г. Кузнецовой Т.И. (см. *Средневековая латинская литература IV–IX вв.* – М., 1970). Точность ее перевода по праву заслуживает высокой оценки.

Настоящий перевод «Антаподосиса» и «Книги об Оттоне» сделан по изданию: *Liutprands von Cremona Werke // Quellen zur Geschichte der saechsischen Kaiserzeit.*

Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 8. – Darmstadt, 1977, и сверен с соответствующим немецким переводом. Перевод «Отчета о посольстве» сделан по изданию: *Becker, Joseph*. Die Werke Liutprands von Cremona. – Hannover 1915. Комментарии рассчитаны на широкий круг читателей и носят не текстологический, а скорее общеисторический характер.

IV. Важнейшие посвященные Лиутпранду монографии:

1. *Josef Becker*. Vorrede zur Schulausgabe. S. XXXVIII–XL.
2. *W. Baum*. Die politischen Anschauungen Liudprands von Cremona. Seine Stellung zum Kaisertum. Diss. – Berlin, 1936.
3. *Fr. M. Fischer*. Politiker um Otto d. Gr. 1938, S. 148–160.
4. *H. Jessen*. Die Wirkungen der augustinischen Geschichtsphilosophie auf die Weltanschauung und Geschichtsschreibung Liudprands von Cremona. Diss. – Greifswald, 1921.
5. *M. Lintzel*. Studien über Liudprand von Cremona (*Eberings Histor. Studien* 233). – Berlin, 1933, 76 S. Inhalt: I. Zur Kritik der Historia Ottonis: Beziehungen zwischen der Historia und der Continuatio Reginonis. – Die Kritik des Continuator Reginonis an Liudprands Historia. II. Die Relatio de legatione Constantinopolitana. III. Liudprands Stellung zur Kaiserpolitik.
6. *W. Schlesinger*. Die Anfänge der deutschen Königswahl, Zeitschr. d. Sav. Stiftg. f. Rechtsgeschichte German. Abtlg. 66, 1948, 381–440 (darin S. 410 zu Antap. II 23).

Примечания:

¹ Упоминание в III, I о пребывании на о. Паксу близ Корфу в 960 г. стоит, вероятно, в связи с несостоявшимся посольством в Византию.

² Документально в первый раз он упомянут в качестве епископа только 14 янв. 962 г.

³ В старых библиотечных каталогах (*Lobbes* 1049 и *Stablo* 1105, *Manitius* NA 32, 1907, 689), а также у Сигиберта из Жамблу (*De scriptoribus ecclesiasticis*, 126) труд Лиутпранда указан под названием: *Gesta regum ac principum* (или *imperatorum vel regum*) *partis Europae*.

⁴ Только в рукописи C 1 стоит заглавие: «Начинается книга 7-я о короле Оттоне». Следовательно, рукописное распространение текста произошло из того самого места, которое располагало историческим трудом. Правда, созданное название не соответствовало фактической самостоятельности работы. По-видимому, сам Лиутпранд никак не заботился о распространении оставшейся без названия книжицы. Нет также никаких указаний на то – кто и когда его присвоил.

⁵ Здесь она носит заглавие: «*Legatio Liutprandi Cremonensis episcopi ad imperatorum Constantinopolitanum Nicephorum Phocam pro Ottonibus Augustis et Adelhaida*».

⁶ *Josef Becker*. Textgeschichte Liutprands von Cremona. Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters III 2. – München, 1908; и Vorrede zur Schulausgabe (SS. rer. Germ. ed. tertia), 1915, S. 24 ff.

⁷ Ряд предположений по этому поводу был высказан Х. Бресслау (*H. Bresslau*. NA 25, 1900, 665, прим. 1) и М. Маницием (*M. Manitius*. Gesch. d. lat. Lit. d. MA 1, 1911, 701).

⁸ Эта Венская рукопись применяет название (*Liutprandi Ticinensis historia*), которое помимо Сигиберта из Жамблу известно также утерянной рукописи Эгмонда в каталоге XI века (*Manitius*. NA 32, 1907, 689).

АНТАПОДОСИС

(или Воздаяние)

в 6 книгах

Епископ в облачении для мессы.
С миниатюры XII в.

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА НАЧИНАЕТСЯ КНИГА «АНТАПОДОСЕОС», ТО ЕСТЬ ВОЗДАНИЯ КОРОЛЯМ И ПРАВИТЕЛЯМ ОДНОЙ ЧАСТИ ЕВРОПЫ, НАПИСАННАЯ ЛИУТПРАНДОМ, ДЬЯКОНОМ ТИЦИНСКОЙ ЦЕРКВИ, "EN TH' EHMALOSIA 'AYTOY, EN TI EHMALOSIA AVTY, TO ECTH BO BPEMIA ΠPEBBIΒANIA EΓO HA TCHZBINE, И ПОСВЯЩЕННАЯ РЕЦЕМУНДУ, ЕПИСКОПУ ЛИБЕРРИТАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПРОВИНЦИИ ИСПАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

НАЧИНАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ ПЕРВОЙ КНИГИ

- I. Пролог.
- II. О крепости Фраксинет и ее местоположении.
- III. Как сарацины прежде заняли Фраксинет.
- IV. Как из-за вражды провансальцев сарацины были приглашены ими и опустошили Прованс.
- V. О том, какой император правил тогда греками, какие короли – болгарами, баварами, франками, саксами, швабами, и кто был папой римским.
- VI. Почему император Лев был назван Порфирогенет.
- VII. О дворце «Порфире» и о том, кто его построил.
- VIII. О происхождении Василия и о том, как император Михаил принял его во дворец.
- IX. О болезни императора Михаила, о том, как Василий его убил и сам стал императором.
- X. О том, как Василий увидел во сне Господа нашего Иисуса Христа, упрекавшего его за смерть Михаила, и об епитимьи, которую Василий совершил за это.
- XI. О том, как император Лев был схвачен ночью своими людьми, не признанный, отдан под стражу и избит, как начальник тюрьмы его отпустил и как сам император наказал розгами тех, кто его не бил, наградив тех, кто его бил.
- XII. О превосходной забаве, затеянной императором Львом, о спящих и о золотых монетах.
- XIII. Почему король Арнульф сломал преграды и разрешил уйти венграм.
- XIV. О Видо и Беренгаре, которые клятвенно заключили дружбу, но не сохранили ее и о том, какого рода дружбу сохранить нельзя.
- XV. О том, как Беренгар был поставлен королем Италии после смерти Карла.

- XVI. О том, как Видо из-за вины своего стольника был отвергнут франками.
XVII. О возвращении Видо в Италию.
XVIII. О сражении между Видо и Беренгаром.
XIX. О втором сражении между ними и о бегстве Беренгара.
XX. О сыне Арнульфа Центебальде, которого он отправил в Италию на помощь Беренгару.
XXI. О том, как в лангобард убил в поединке баварца.
XXII. О короле Арнульфе, который пришел в Италию по приглашению Беренгара.
XXIII. О том, как Арнульф взял Бергамо и повесил графа Амвросия.
XXIV. О жителях Милана и Павии, которые пришли к Арнульфу.
XXV. О бегстве Видо из-за Арнульфа.
XXVI. Речь Арнульфа, призывающая к сражению.
XXVII. О том, как был взят «Город Льва».
XXVIII. О том, как Арнульф из-за папы Формоза приказал казнить многих римлян.
XXIX. Отчего возникла вражда между Формозом и римлянами.
XXX. О папе Сергии, который приказал вытащить Формоза из могилы и уже мертвого низложить.
XXXI. О теле Формоза, брошенном Сергием в реку, о том, как рыбаки его нашли и о том, как образа святых приветствовали его.
XXXII. О том, как Арнульф осадил крепость под названием Фирм и принял от жены Видо смертельный яд.
XXXIII. О злодействах, учиненных людьми Арнульфа.
XXXIV. О возвращении Арнульфа и преследовании его Видо.
XXXV. О том, как итальянцы не жаловали Арнульфа и о маркграфе Анскарии, который укрылся в Иврее.
XXXVI. О постыдной смерти короля Арнульфа.
XXXVII. О смерти короля Видо и избрании сына его Ламберта, ставшего теперь королем.
XXXVIII. Об изгнании Ламберта и возвращении Беренгара.
XXXIX. О графе Магинфреде, которого Ламберт казнил за его мятеж.
XL. О маркграфе Адальберте и графе Гильдебранде, которые пришли, чтобы сразиться с Ламбертом.
XLI. О том, как Ламберт ночью напал на Адальберта и Гильдебранда, перебил их воинов, а самих захватил живыми.
XLII. О том, как Ламберт, будучи в Маренго, был убит Гуго, сыном Магинфреда, из мести за своего отца.
XLIII. О том, как Беренгар после смерти Ламберта благополучно стал королем.
XLIV. Похвала королю Ламберту.

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ

I. Достопочтенному и полному всякой святости господину Рецемунду, епископу Либерританской¹ церкви, от Лиутпранда, Тицинской² церкви не по заслугам своим левита, привет!

Два года я по недостатку таланта откладывал, дражайший отец, твою просьбу, в которой ты просил меня изложить деяния императоров и королей всей Европы, как человека, знакомого с ними лично³, а не понаслышке. От того, чтобы взяться за это дело, душу мою отпугивало следующее: во-первых, недостаток красноречия, во-вторых, зависть раздувшихся от спеси и не любящих чтение критиков, которые, по выражению ученого мужа Бозэция, полагают, что облачены в мантию философа, тогда как имеют лишь жалкое ее подобие⁴; издеваясь, они скажут мне: «Наши предки написали так много, что скорее будет недостаток в читателях, чем в книгах», добавив строку из комедии: «Не скажешь ничего уже, что не было б другими раньше сказано»⁵. На эту брань их я отвечу, что подобно тем больным водянкой людям, которые чем больше пьют, тем сильнее испытывают жажду, философы тем ненасытнее стремятся узнать новое, чем больше читают. Кто утомится мудреным чтением красноречивого Туллия⁶, тот отдыхает, слушая подобные безделки. Ведь, если я не ошибаюсь, как взор, если не защитить его чем-либо, притупляется, пораженный солнечными лучами, и видит уже не так ясно, так и ум ослабевает, постоянно размышляя о доктринах академиков⁷, перипатетиков⁸ и стоиков, если не развлечь его благотворным смехом комедий или забавным рассказом о героях. И если уж проклятые обычаи древних язычников, – слушать о которых, говорю я, не только бесполезно, но и в немалой степени вредно, – записаны в книгах ради сохранения их в памяти, то почему следует молчать о войнах современных императоров, по славе равных выдающимся императорам Юлию⁹, Помпею¹⁰, Ганнибалу¹¹ и брату его Гасдрубалу¹², а также Сципиону¹³ Африканскому? Особенно, когда можно [при случае] упомянуть о добrote Господа нашего Иисуса Христа, проявляющейся в них всегда, пока они жили свято, и напомнить о спасительном с Его стороны исправлении, когда они в чем-то грешили. Пусть никого не смущает, если я включу в эту книжицу деяния бессильных королей и женоподобных правителей. Одна ведь есть законная сила у Всемогущего Бога, – то есть Отца, Сына и Духа Святого, – которая справедливо смиряет одних за их преступления и возвышает других, согласно их заслугам. Истинно, говорю я, обещание Господа нашего Иисуса Христа святым людям: «Блуди и слушай глас мой, и буду я врагом врагов твоих, и угнету гнетущих тебя, и пойдет пред тобою ангел мой»¹⁴. Также устами Соломона вещает мудрость, которая есть Христос: «Вся земля будет бороться за него с нечестивыми»¹⁵. То, что это происходит ежедневно, замечает даже тот, кто дремлет. А чтобы привести наиболее яркий пример этого из бесчисленного множества других, я, сохраняя молчание, предоставляю слово крепости под названием Фраксинет¹⁶, которая, как известно, расположена на границе между Италией и Провансом.

II. Чтобы всем было ясно ее местоположение, – я не думаю, что оно тебе неизвестно; скорее, ты знаешь о нем лучше меня, ибо можешь расспросить об этом

местных жителей, платящих дань вашему королю Абдуррахману¹⁷, – скажу, что с одной стороны она окружена морем, а с других – ограждена густым лесом терновника. Того, кто туда войдет, задержит густое переплетение ветвей, пронзят острейшие шипы, и не сможет он, – разве что с большим трудом, – ни пройти вперед, ни вернуться назад.

III. Но, благодаря тайному и справедливому, – иначе и быть не может, – промыслу Божьему, всего 20 сарацин, выйдя из Испании на малом судне, против своей воли были отнесены ветром к этому месту. Высадившись ночью, эти пираты тайно напали на поселок и, перебив, к сожалению, христиан, обратили его в свою собственность, а прилегающую к нему гору Мавр сделали убежищем против соседних народов; терновый лес тот они сделали еще больше и гуще, угрожая каждому, кто срежет там хотя бы одну ветку, смертью от удара меча; таким образом вышло, что все входы туда, кроме одной очень узкой тропки, исчезли. Полагаясь на неприступность этого места, они тайно собирают сведения о соседних народах. Отправив в Испанию послов, чтобы пригласить сюда как можно больше людей, они расхваливали местность, уверяя, что соседи их ничего не стоят. Вскоре [послы] вернулись, приведя с собой оттуда всего 100 сарацин, которые должны были подтвердить истину их рассказов.

IV. Между тем, провансальцы, – соседний с ними народ, – из-за зависти начали ссориться друг с другом, убивать один одного, захватывать имущество и вредить каким только можно измыслить способом. Но так как одна сторона не могла навредить другой так, как того требовали ее ненависть и мстительность, она, призвав на помощь тех сарацин, о которых мы говорили, не менее хитрых, чем коварных, в союзе с ними уничтожила своих ближних. Радовались не только истреблению соотечественников, но и обращению в пустыню плодородной страны. Давайте же посмотрим на плоды этой справедливой, по словам некоего мужа, зависти, о которой он говорит следующим образом¹⁸:

«Нет ничего справедливее зависти, ибо она самого же завистника гложет, душу его истязая».

Пытаясь обмануть, она сама была обманута; стремясь уничтожить, была уничтожена. Что же произошло? Победив одну сторону с помощью другой, – располагая собственными силами, сарадины едва ли бы смогли это, – и получая подкрепления из Испании, они всеми способами стали уничтожать тех, кого сначала, казалось, защищали. Они свирепствовали, изгоняли [людей], ничего не оставляя после себя. Трепетали уже все соседние народы, ибо, по словам пророка, один из них преследовал тысячу, а двое – обращали в бегство 10 тысяч¹⁹. А почему? *Потому, что Бог предал их и Господь заключил их.*

V. В это время империей в Константинополе правил Лев Порфирогенет²⁰, сын императора Василия²¹ и отец того Константина²², который до сих пор жив и благополучно царствует. Болгарами правил Симеон²³, храбрый воин, христианин, но злейший враг своих соседей – греков. Народ венгров, – чью свирепость испытали на себе почти все народы, – настолько утраченный ныне по милости Божьей

силой святейшего и непобедимейшего короля Оттона²⁴, что и пикнуть не смеет²⁵, – более подробно об этом еще будет рассказано, – тогда еще был нам всем неизвестен. Ведь ряд труднопроходимых перевалов, – простой народ называет их «клузы», – отделял его от нас, чтобы не имел он возможности уйти ни в южную, ни в западную сторону²⁶. В течение того же времени, после смерти Карла, имевшего прозвище «Лысый»²⁷, баварами, швабами, тевтонскими франками²⁸, лотарингцами и отважными саксами правил могущественный король Арнульф²⁹. С ним мужественно боролся Центебальд³⁰, князь Моравии. Императоры Беренгар³¹ и Видо³² спорили за корону Италии. Формоз³³, епископ города Порто, был вселенским папой, сидя на верховном престоле в Риме. А теперь, как можно короче, расскажем о том, что произошло под [управлением] каждого из них.

VI. Итак, Лев, благочестивейший император греков, о котором мы упомянули выше, отец Константина Порфирогенета, пребывая в мире с соседями, свято и праведно правил Греческой империей. Порфирогенетом же я называю его не потому, что он был рожден в пурпуре, а потому, что местом его рождения был дворец, который называют Порфира. И поскольку о нем зашла речь, сообщим то, что мы слышали о происхождении этого Порфирогенета.

VII. Император-август Константин³⁴, от имени которого город Константинополь получил свое название, велел построить τὸν οἶκον τοῦτου, тон ойкон тутон, этот дворец, дав ему имя «Порфира»; он желал, чтобы здесь родился на свет наследник его власти, да и вообще, всякий потомок его рода был бы назван этим прекрасным именем «Порфирогенет». Потому-то и полагают некоторые, что ныне правящий Константин, сын императора Льва, ведет свое происхождение от его крови. В действительности же дело обстояло так.

VIII. Император-август Василий³⁵, его дед, происходя из низкого рода в Македонии, τῆς πτοχείας, тис птохейас, то есть побуждаемый бедностью, пришел в Константинополь, чтобы поступить на службу к некоему игумену, то есть аббату. Император Михаил³⁶, который правил в те годы, придя ради молитвы в монастырь, где тот служил, увидел, что красотой он превосходит прочих и, призвав τον ἡγουμένον, тон игуменон, аббата, просил его подарить ему этого мальчика; приняв его во дворец, он даровал ему чин кубикулярия³⁷. А через малое уже время тот стал настолько могущественен, что все называли его 2-м императором³⁸.

IX. Поскольку всемогущий Бог везде, где хочет, посещает в качестве справедливого цензора рабов своих, он допустил, дабы император тот Михаил лишился на время здравого рассудка для того, чтобы тем милосерднее вознаградить его в высших сферах, чем тяжелее унизит его в низших. Ведь, как говорят, во время своей болезни он даже друзей своих велел приговорить к смерти. Придя же в себя, он распорядился таким образом, чтобы, если тех, кого он приказал казнить, уже нельзя вернуть, казни подвергнуть исполнителей приговора. Страх перед этим сохранил жизнь тем, кого он приказал осудить. Когда же вторично он указал на это Василию, тот – о ужас! – получил от своих приверженцев такого рода совет: «Дабы не был приведен в исполнение приказ безумного царя теми, кто не любит тебя, скорее даже ненавидит, ты лучше сам убей его и прими императорский скипетр!».

Отчасти подгоняемый страхом, отчасти сам стремясь к власти, он без промедления осуществил сказанное. Итак, убив [царя], Василий сам стал императором³⁹.

X. Затем, по прошествии малого времени ему явился в видении Господь наш Иисус Христос; держа правую руку господина его императора, которого тот велел убить, он обратился к нему с такими словами: 'ἵνα τί ἔσφαξες τὸν θεολότῃν σου βασιλέα, инати эсфасес тон деспотин су базилеа', что значит: «За что ты убил господина своего императора?». Разбуженный этим, [Василий] осознал, что виновен в тяжком преступлении; быстро, однако, придя в себя, он задумался над тем, что теперь следует делать. Обретя поддержку в том спасительном и действительно приятном обещании Господа нашего, [переданном им] через пророка⁴⁰, согласно которому когда бы грешник ни раскаялся, он будет спасен, со слезами и стонами признал он себя грешником, виновным в пролитии крови невинного. Следуя доброму совету, он приобрел себе друзей богатством неправедным⁴¹, дабы молитвы тех, кого он тешил здесь временными благами, спасли бы его от вечного пламени геенны [огненной]. К востоку же от дворца он выстроил в честь князя высшего и небесного воинства архангела Михаила, которого греки называют архистратигом, церковь, – драгоценное и удивительное строение, – назвав ее Неа, что значит «Новая».

XI. Думаю, будет уместно включить в сию книжицу два достойных памяти и смеха деяния, какие совершил упомянутый выше император-август Лев, сын этого Василия. Город Константинополь, который ранее назывался Византий, а теперь зовется Новым Римом, расположен среди самых диких народов. Ведь на севере его соседями являются венгры, печенеги, хазары, руссы (Rusios), которых мы зовем другим именем, т. е. нордманнами, а также – как наиболее близкие к нему – болгары; [соседом] на востоке является Багдад, на юго-востоке – жители Египта и Вавилона, а на юге – Африка и близкий к ней, лежащий напротив [Константинополя] остров Крит. Остальные же народы, живущие в той климатической зоне, т. е. армяне, персы, халдеи и авасги, усердно ему служат. Жители этого города превосходят названные народы и богатством, и мудростью. Так, чтобы не подвергнуться нападению со стороны соседних народов, они имеют обыкновение каждую ночь выставлять ради защиты города в местах, где сходятся 2, 3 и 4 улицы, вооруженных воинов, которые и охраняют его. Если после наступления темноты стражи обнаружат, что кто-то куда-то идет, его сразу хватают, бьют розгами и, ради бдительной охраны надев кандалы, бросают в тюрьму; там его стерегут вплоть до следующего дня, после чего выводят к народу. Таким-то образом город бдительно оберегается не только от врагов, но и от разбойников.

И вот, как-то император-август Лев пожелал испытать верность и твердость стражей; выйдя после захода солнца из дворца, он направился к первому караулу. Когда стражники увидели, что он бежит и будто от страха пытается скрыться, схватив, спросили его: «Кто он и куда идет?». Тот сказал, что он – один из многих и спешит в бордель. Те тотчас же сказали: «Жестоко выпоров и заключив в кандалы, мы вплоть до следующего дня будем тебя сторожить». А он им в ответ: 'μη ἀδελφοί μη, ми аделфи ми', что значит: «О нет, братья, нет; возьмите все, что у меня есть и разрешите идти туда, куда я хочу». Тогда они, взяв 12 золотых, сразу же его отпус-

тили. А он, уйдя оттуда, пришел ко 2-му караулу. Здесь, как и в первом, его схватили, но, получив 20 золотых, отпустили. А затем, когда он пришел к 3-му, его схватили, но не отпустили, как в первом и втором случаях, за золото, а, отобрав все, заковали в тяжелые кандалы, долго били кулаками и розгами, после чего бросили в тюрьму, чтобы на следующий день вывести [к людям]. Когда те ушли, император, вызвав к себе начальника тюрьмы, сказал ему: *‘φίλε μου, φιλε μου’*, что значит: «Друг мой», и далее: «Знаком ли тебе император Лев?». «Как, – говорит тот, – могу я узнать того, кого никогда толком не видел и не смог запомнить? Ведь когда он выходит к народу, – что бывает достаточно редко, – я, всматриваясь издали, – ибо ближе не могу, – вижу некое чудесное явление, но не человека. Тебе же более к лицу заботиться о том, как невредимым выйти отсюда, чем спрашивать о подобном. Ведь по-разному к вам, *οε εις την φιλακην και αυτον εις το χρυσотρικλινον*, се ис тин филиакин ке автон ис то хрисотриклинон, к тебе в тюрьме и к нему в золотом тронном зале, относится судьба. Раз эти оковы слишком малы для тебя, придется добавить более тяжелые, чтобы не было у тебя времени думать об императоре». «Полно, – говорит ему тот, – полно; ведь я и есть император-август Лев, не в добрый час покинувший великолепие дворца». А начальник тюрьмы, полагая, что это – не правда, сказал следующее: «Неужели, – говорит, – я поверю, что нечестивец, проматывающий все свое добро с блудницами⁴², – император? Поскольку ты пренебрегаешь собой, я за тебя посмотрю на звезды. Так вот, *ακουσον* [слушай]: Марс имеет три угла, Сатурн смотрит на Венеру, Юпитер имеет четыре угла, Меркурий к тебе не расположен, Солнце – круг, Луна – в прыжке; злая судьба тебя ждет⁴³. Император же говорит ему: «Чтобы ты узнал, что я говорю правду, пойдём, когда дадут утренний сигнал, – раньше ведь нельзя, – вместе со мной во дворец, – думаю, под более добрым знаком, чем тот, под которым я уходил. И если ты увидишь, что во мне не признают императора, убей меня! Ведь не меньшим преступлением будет сказать, что я император, если я им не являюсь, чем убить человека. Если же ты боишься претерпеть за это нечто худое, то пусть то же самое Бог сделает мне и еще больше сделает⁴⁴, если ты получишь за это не награду, а наказание». Итак, начальник тюрьмы поверил ему и, когда, как говорил император, дали утренний сигнал, отправился с ним во дворец. Прибыв туда, тот с честью был встречен узнавшими его людьми; спутник же его от крайнего изумления едва не лишился чувств. Увидев, что все должностные лица вышли тому навстречу, воздают ему хвалу, кланяются, снимают обувь, то один, то другой что-то делает для него⁴⁵, он подумал, что лучше уж ему было бы умереть, чем далее жить⁴⁶. Тут император и говорит ему: «Посмотри теперь на звезды, и если правильно назовешь мне тот знак, под которым пришел сюда, докажешь, что ты и впрямь владеешь мастерством авгура. Но прежде, прошу тебя, скажи, от какой болезни ты вдруг стал таким бледным?». А тот ему и говорит: «Лучшая из парк⁴⁷, Клото, уже прекратила прясть, Лахесис не желает более вращать веретено, а самая страшная из них, Атропос, уже сжав пальцы в кулак, ждет только приговора твоей власти, чтобы, собрав нити, перерезать их. Лицо же мое побледнело от того, что душа, уйдя в пятки, увела с собой в нижнюю часть тела и всю кровь». Тогда император, засмеявшись, сказал:

«Бери душу назад, бери ее; а вместе с ней возьми дважды по два фунта золота; отвечать же за то, что я сбежал, ты ни перед кем не будешь». Сделав это, император велел прийти к нему стражникам: тем, которые его, схватив, отпустили, и тем, которые его били, а затем поместили под стражу. И сказал им: «Когда вы сторожили и защищали город, не обнаружил ли кто-нибудь из вас какого-либо вора или прелюбодея?». Те, которые отпустили его, получив деньги, ответили, что никого не видели, а те, которые, избив, поместили под стражу, ответили так: «Приказало ведь θεοποτία σοφὴ ἡ αἴα, деспотия су и агия, т. е. святое твое владычество, чтобы стражники, увидев, что кто-то где-то гуляет после наступления темноты, хватали его, били розгами и помещали под стражу. Итак, повинувшись твоим приказам, святейший государь, мы предшествующей нынешнему дню ночью схватили некоего человека, спешившего в бордель, высекли его и, посадив в тюрьму, сторожили, чтобы затем отвести к святой твоей власти». Тогда император сказал им: «Именем своей императорской власти повелеваю тотчас же привести этого человека сюда!». Не медля, поспешили они привести задержанного. А услышав, что он сбежал, полумертвые [от страха] вернулись во дворец. Когда императору доложили об этом, он быстро обнажил [спину] и, показав следы от тяжких побоев, сказал: «δέυτε, μὴ δίλησεται, девте, ми дилиасете, т. е. входите и не бойтесь; я – тот, кого вы бичевали, тот, кто, как вы сами признались, бежал из тюрьмы. Но я точно знаю и верю, что вы собирались бить не императора, но врага императора. Тех же, кто отпустил меня, не как императора, а как разбойника и человека, покушавшегося на мою жизнь, моя власть не только желает, но и приказывает избить до полусмерти и изгнать из города, а все имущество их конфисковать. Вас же я одарю не только из своих богатств, но и из добра тех злодеев». Насколько мудро он поступил, ваше сиятельство могло бы заметить уже из того, насколько тщательнее прочие стражники охраняли город, боясь отсутствующего [императора] так же, как и присутствующего. И так вышло, что император ночью более не уходил из дворца, а все его люди верно несли сторожевую службу.

XII. Нелепо было бы умолчать также и о второй совершенной им выходке. Так, множество воинов охраняло ради благополучия императора дворец в Константинополе. Не малое количество еды и денег тратилось ежедневно на их содержание. И вот, случилось, что 12 [воинов], насытившись, отдыхали во время полуденной жары в каком-то здании. А император имел обыкновение обходить дворец в то время, как все отдыхали. Придя в тот день туда, где спали 12 упомянутых [нами воинов], он, отодвинув дверной засов небольшой палочкой, – как не новичок в этом деле, – получил возможность войти. Тогда как 11 [человек] спали, 12-й, бодрствуя, начал храпеть, делая вид, будто спит, – так хитрость обманула хитрость, – и, закрыв лицо руками, самым тщательным образом наблюдал за тем, что делал император. А император, войдя и увидев, что все спят, положил на грудь каждому из них по фунту золотых монет; а затем, быстро тайком уходя, закрыл дверь, оставив ее в прежнем состоянии. Сделал же он это затем, чтобы те, проснувшись, обрадовались прибыли и весьма удивились бы тому, как же это случилось. Когда император ушел, тот, кто единственным из всех не спал, поднялся, взял себе золотые монеты

спящих и отложил; а затем также уснул. Император, испытывая из-за этой проделки беспокойство, велел после 9-го часа прийти к нему тем 12 [воинам], о которых мы говорили, и сказал им следующее: «Если кого-то из вас напугало или, напротив, развеселило увиденное во сне, пусть он расскажет об этом всем нам! Это приказ моего величества. Повелеваю также, чтобы тот, кто проснувшись, увидел нечто необычное, открыл бы нам это!». Однако те, ничего не увидев, ответили, что не заметили ничего странного. В крайнем изумлении они молчали, устремив на него полные ожидания глаза⁴⁸. Император же, думая, что они молчат не по неведению, а из-за какой-то хитрости, рассердился и стал грозить молчавшим различными карами. Услышав это, тот, кто единственный из всех знал в чем дело, самым что ни на есть низжайшим и смиреннейшим голосом сказал императору следующее: «φιλάνθρωπε βασιλεῦ, филантропе василеу», что значит: «О человеколюбивейший император! Я не знаю, что видели остальные, но я видел, – о если бы чаще со мной случалось подобное! – приятнейший сон. Сегодня, когда 11 моих товарищей действительно, но не своевременно спали, мне представилось, будто я не сплю, а бодрствую. И вот, мне показалось, будто вы, ваше величество, тайно отворив дверь, вошли и положили на грудь каждому из нас по фунту золота. Увидев во сне, что ваше величество удалилось, а товарищи мои спят, я тотчас же в радости поднялся, взял у каждого из спящих по фунту золотых монет и положил себе в сумку, где также лежал один [фунт], как для того, чтобы в нарушение 10 заповедей не было их только 11, так и для того, чтобы в память об апостолах, с добавлением моего [фунта], их стало 12. Видение это, император-август, было добрым, нисколько меня не напугало, но, напротив, обрадовало. О, да не будет угодно вашему величеству иное его истолкование! Ведь совершенно очевидно, что я μαντήν καὶ οὐρολόιον, мантин ке онирополон, т. е. и провидец, и толкователь снов». Услышав это, император весело рассмеялся; впрочем, будучи более удивлен его мудростью и рассудительностью, он сразу же сказал: «Прежде οὐ οὐτε μαντήν οὐτε οὐρολόιον, се уте мантин уте онирополон, ни о том, что ты провидец, ни о том, что толкователь снов, я не слышал. Теперь же ты открыто поведал нам об этом, безо всякого подвоха⁴⁹. Но, так как способностью бодрствовать или умением ясновидения обладать ты не можешь, – разве что это было дано тебе как божий дар, – то ли правда то, что ты рассказал, – как мы полагаем, скорее даже верим, – то ли ложь, καθὼς ο Λουκιανός, катос о Лукианос, т. е. как говорит Лукиан⁵⁰ о некоем муже, который во время сна видел многое, а проснувшись, ничего не нашел, – пусть все же будет твоим все то, что ты видел, чувствовал и нашел». Прочих [воинов], когда они это услышали, охватила столь же сильная досада, сколь велика была радость [12-го их товарища]; каждому, кто в это вдумается, сие будет понятно.

XIII. Между тем, Арнульф⁵¹, храбрейший король из живущих под Большой Медведицей народов, не сумев победить храбро сопротивлявшегося ему Центебальда⁵², князя Моравии, о котором мы упоминали выше, разрушил, к сожалению, те неодолимые преграды, – которые народ, как мы уже говорили, называет «клузы»⁵³, – и призвал народ венгров, – алчный, свирепый, не знающий всемогущего Бога, но весьма сведущий в разного рода преступлениях и ненасытный в убийстве

и грабеже, – к себе на помощь; если только можно назвать помощью то, что вскоре после его смерти обернулось тяжким бедствием, скорее даже погибелью как для его народа, так и для прочих живущих на юге и западе наций. Что же произошло? Центебальд был побежден, подчинен, стал платить дань; но не только. О, слепая жажда власти короля Арнульфа! О, несчастливый и горький день! Низложение одного человечка обернулось отчаянием для всей Европы. Сколь много женщин стало вдовами, отцов лишилось детей, дев было обесчещено, священников и людей Божьих взято в плен, церковей разрушено, а населенных земель опустошено из-за тебя, слепое честолюбие! Умоляю тебя, читал ли ты те слова, которыми говорит сама истина: *«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»*⁵⁴. Если не пугает тебя суровость праведного судьи, пусть хотя бы мысль о принадлежности твоей к человечеству сдержит твою ярость. Ведь ты был человеком среди людей, если и выше других своим положением, по природе все же не отличный от них. Достоин слез и жалости то положение, когда [различные] виды зверей, гадов и птиц, которых неукротимая дикость и смертоносный яд удалили от людей, как то василиски, гадюки, носороги или грифы, один вид которых внушает всем ужас, ради общности происхождения и обоюдной склонности живут мирно и безвредно друг с другом; человек же, сотворенный по образу и подобию Божьему⁵⁵, знающий закон Божий, владеющий разумом, не только не стремится любить своего ближнего, но люто его ненавидит⁵⁶. Давайте же посмотрим, что сказал о таких людях Иоанн, – не какой-то простой человек, но тот славный девственник, знаток небесных тайн, которому Христос на кресте поручил свою мать⁵⁷ – девственнику девственницу: *«Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца; а вы знаете, что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, в нем пребывающей»*⁵⁸. Но вернемся к теме.

Итак, победив Центебальда, князя Моравии, Арнульф мирно правил королевством. Венгры, между тем, запомнив выход наружу и осмотрев страну, затаили в сердцах то зло, которое позже проявилось открыто⁵⁹.

XIV. Пока это происходило, король Галлии Карл, имевший прозвище «Лысый», скончался⁶⁰. При жизни ему служили 2 знатных господина из Италии, оба – могущественные князья; первый из них звался Видо⁶¹, второй – Беренгар⁶². Они были связаны между собой такими узами дружбы, что клятвенно обещали друг другу, если переживут короля Карла, содействовать взаимному возвышению, а именно: Видо должен был получить Римскую, – как ее называют, – Францию, а Беренгар – Италию. Однако есть ряд ненадежных и непрочных видов дружбы, которые различным образом связывают людей на основании их склонности друг к другу; так, одних побуждает вступать в отношения дружбы предшествующая ей симпатия, других – общность [интересов] в торговле или военном деле, искусстве или науке; но также, как возникают они из различных побуждений или прибыли, или страсти, или других надобностей, так и разрушаются при первом же поводе к разрыву. Есть также, говорю я, такой вид дружбы, – это доказано многочисленными примерами, – при котором те, кто клятвенно вступив в дружеский союз, ни в коем случае не смогут сохранить между собой ненарушимое согласие. Ведь особенно рьяно и

проницательно стремится разрушить дружбу, чтобы сделать людей клятвопреступниками, коварнейший враг рода человеческого. Если кто, не имеющий о том достаточного представления, спросит нас об истинном виде дружбы, мы ответим, что согласие и истинная дружба могут быть прочны только между людьми, обладающими безупречными нравами, а также одинаковыми добродетелями и намерениями.

XV. Итак, случилось, что когда умер король Карл, оба они, т. е. Видо и Беренгар, отсутствовали. Все же, услышав о его смерти, Видо отправился в Рим и был, – без согласия франков, – помазан, как правитель всей Франкской империи⁶³. Франки же поставили королем Одо⁶⁴, ибо Видо отсутствовал. А Беренгар, согласно совету Видо и данному им под присягой обещанию, вступил в управление королевством Италия. Видо же поспешил во Францию.

XVI. Когда же, пройдя королевство бургундов, он хотел вступить во Францию, которую называют Римской, навстречу ему вышли франкские послы, предложив вернуться назад и сообщив, что будучи утомлены долгим ожиданием, они единодушно избрали Одо, ибо не могли долго быть без короля. Передают также причину, по которой франки не избрали Видо своим королем. Так, собираясь прибыть в город Мец, известный, как самый сильный город в королевстве Лотаря⁶⁵, он отправил вперед своего стольника, чтобы тот приготовил ему, согласно королевскому обычаю, съестные припасы. Пока епископ Меца⁶⁶ по обычаю франков готовил королю обильные яства, стольник сделал ему такое предложение: «Если ты подаришь мне коня, я сделаю так, что король Видо удовольствуется лишь третьей частью приготовленной пищи». А епископ, услышав это, ответил: «Не подобает, чтобы нами правил король, который довольствуется дешевой пищей за 10 драхм». Так и вышло, что Видо оставили, а Одо избрали.

XVII. Итак, Видо, немало смущенный посольством франков, начал терзаться различными мыслями, как по поводу Итальянского королевства, обещанного им под присягой Беренгару, так и, в особенности, по поводу Франкского, получить которое, как он теперь понял, невозможно. Колеблясь между этими двумя вариантами, он, поскольку стать королем Франции не было возможности, решился нарушить данную им Беренгару клятву. Собрав сколько мог войска, – часть его он, конечно, набрал из франков, ибо имел среди них много родичей, – он стремительно вступил в Италию и уверенно подошел к Камерино и Сполето, как к своим союзникам⁶⁷; за деньги он приобрел также часть неверных сторонников Беренгара, после чего открыто начал войну против него.

XVIII. Обе стороны, собрав войска, приготовились к гражданской войне; на реке Треббия⁶⁸, в 5 милях от Пьяченцы, дело дошло до битвы, в которой с обеих сторон пало много людей, Беренгар обратился в бегство, а Видо одержал победу.

XIX. Вскоре, буквально по прошествии нескольких дней, Беренгар дал Видо новое сражение на широких полях у Брешии⁶⁹. После случившегося там страшного побоища, Беренгар спасся бегством.

XX. И вот Беренгар, из-за малочисленности войск не имея более возможности противостоять Видо, позвал на помощь могущественнейшего короля Арнульфа, о котором мы говорили выше, обещая служить ему вместе со своими людьми, если,

поддержанный его доблестью, одолеет Видо и вернет себе королевство Италию. Король Арнульф, побуждаемый такими обещаниями, отправил ему на помощь вместе с сильным войском своего сына Центебальда⁷⁰, рожденного ему наложницей, после чего оба войска со всей быстротой подошли к Павии. Видо же так укрепил кольями и войском ту речку, что омывает Павию с одной стороны, – зовется она Вернавола, – что противники, разделенные ею, протекавшей между ними, не могли напасть друг на друга.

XXI. 21-й день прошел уже, а враги, как мы говорили, никак не могли нанести вред друг другу; тогда один из баварцев ежедневно стал осмеивать итальянские войска, громко называя их трусами и не умеющими ездить верхом. Однажды, ради увеличения их позора, он ворвался в их ряды, вырвал копьё из рук одного [воина] и радостный вернулся в свой лагерь. Тогда Губальд, отец того Бонифация⁷¹, который позже, уже в наше время стал маркграфом Камерино и Сполето, стремясь отомстить за столь тяжкое оскорбление, [нанесенное] его народу, взял щит и немедленно устремился навстречу названному выше баварцу. Тот, не только не забыв о своем прежнем триумфе, но став еще смелее, [чувствуя себя] от победы уже вне опасности, с радостью начал то, страстно погоняя, пускать своего изворотливого коня вскачь, то, натянув поводья, осаживать его. Упомянутый же Губальд прямо бросился на него. И, когда он уже был возле него, чтобы обменяться с ним ударами, баварец по своему обыкновению начал поворачивать своего проворного коня в разные стороны, надеясь таким способом обмануть Губальда. Однако, когда он, поступая так, повернулся спиной, чтобы затем быстро обернувшись внезапно поразить Губальда, тот энергично пришпорил коня и, прежде чем баварец успел повернуться, пронзил его копьем через лопатку прямо в сердце. Затем Губальд, схватив за узду коня баварца, самого его, предварительно сняв доспехи, бросил в реку; так он, мститель за обиду, нанесенную землякам, с радостью и триумфом вернулся к своим людям. Событие это внушило баварцам немалый страх, итальянцам же придало отваги. И вот, посоветовавшись с баварцами, Центебальд получил от Видо определенное количество серебра и вернулся домой.

XXII. Итак, Беренгар, видя, что удача отвернулась от него, прибыл вместе с Центебальдом ко двору короля Арнульфа, умоляя и обещая, как и прежде обещал, подчинить его власти себя и всю Италию, если тот лично поможет ему [отвоевать] ее. [Король], прельщенный такими обещаниями, как мы уже говорили прежде, собрал немалое войско и вошел в Италию⁷². Беренгар, чтобы дать веру своим обещаниям, нес, как залог верности, его щит.

XXIII. Принятый жителями Вероны, он отправился затем к городу Бергамо. Когда его жители, полагаясь на крепость городских укреплений, – скорее обманутые ими, – не пожелали выйти ему навстречу, он, разбив там лагерь, штурмом взял город, разорил и перебил [его жителей]. [Арнульф] велел также повесить перед городскими воротами графа города по имени Амвросий, вместе с мечом, перевязью, браслетами и прочими его драгоценными одеждами. Это деяние внушило всем прочим городам и всем князьям немалый ужас; у каждого, кто слышал про это, звенело в обоих ушах⁷³.

XXIV. Итак, жители Милана и Павии, уstraшенные этой вестью, дабы не претерпеть того же, не стали ждать его прихода, но, заранее отправив посольство, обещали повиноваться его приказам. Тогда [король] отправил для защиты Милана Отто⁷⁴, могущественного герцога Саксонии, – он был дедом славнейшего и непобедимейшего короля Оттона, который ныне здравствует и благополучно правит, – а сам прямым путем направился в Павию.

XXV. Видо, не имея сил выдержать его натиск, бежал по направлению к Камерино и Сполето. Король энергично и без промедления преследовал его, силой захватывая все оказавшие ему сопротивление города и замки. Не было такого замка, как бы ни был он укреплен самой природой, который мог бы устоять перед его доблестью. Что удивляться, когда сама царица всех городов, т. е. великий Рим, не смогла выдержать его натиск?⁷⁵ В самом деле, когда римляне из-за присущего им самомнения отказались впустить его в город, он призвал к себе воинов и сказал им следующее:

XXVI. «Великодушные мужи, военным славные успехом,
Те, кто привык, чтоб золотом блистало одно оружие их,
Тогда как Ромула потомки им украшают свои пустые сочиненья,
Воспряньте духом, пусть ярость вам оружием служит!⁷⁶
Нет ни Помпея здесь, ни Юлия, того счастливица,
Кто предков наших диких укротил мечом своим.
Ведь лучшие таланты их увел в Аргос⁷⁷ тот,
Кого на свет произвела британская святая мать⁷⁸.
Стремленье же оставшихся – ловить на удочку⁷⁹
Здесь жирных карасей, а не носить в руках блестящие щиты!»

XXVII. От этих слов души героев загорелись жаждой славы и презрели они саму жизнь. Прикрыв себя щитами и плетенками, они толпой устремились на штурм стен; было приготовлено также множество осадных машин; вдруг, на виду у людей [выскочил] напуганный их криками зайчик и через ряды работающих побежал к городу⁸⁰. Войско, как это обычно бывает, энергично устремилось за ним в погоню, а римляне, полагая, что те идут на штурм, попрыгали со стен. Люди, увидев это, сбросили с себя плащи, а с коней, на которых ехали, седла, [сложили] их у стены и по ним взошли на нее. Другая часть народа, быстро взяв бревно, длиною в 50 футов, протаранила им ворота и силой захватила ту часть города, что зовется «Город Льва»⁸¹ и в которой покоится драгоценное тело блаженного Петра, князя апостолов. Тогда и остальные [римляне], живущие по ту сторону Тибра, пораженные страхом, подчинились власти [Арнульфа].

XXVIII. В это время благочестивейший папа Формоз был тяжело оскорблен римлянами; по его-то приглашению король Арнульф и прибыл в Рим. При вступлении в город, он ради отпущения за обиду, нанесенную папе, приказал казнить многих знатных римлян, поспешивших ему навстречу.

XXIX. Причина же вражды между папой Формозом и римлянами такова. Когда умер⁸² предшественник Формоза, часть римлян избрала папой Сергия⁸³, бывшего дьяконом римской церкви. Другая же часть, – причем не самая малая, – поза-

ботилась о том, чтобы папой стал упомянутый нами Формоз, епископ города Порто, за его истинное благочестие и знание божественных законов. Дело тогда дошло до того, что когда Сергей должен был быть рукоположен в апостольские викарии, та часть, которая поддерживала Формоза, с немалым шумом и оскорблениями прогнала сторонников Сергея от алтаря и поставила папой Формоза.

XXX. А Сергей отправился в Тоскану, чтобы просить о помощи могущественного маркграфа Адальберта⁸⁴ и добился ее. Ведь, когда умер Формоз⁸⁵, а Арнульф испустил дух в своих землях⁸⁶, Адальберт изгнал того⁸⁷, кого поставили папой после смерти Формоза, и поставил на его место Сергея. Став папой, тот, как человек нечестивый и не знающий божественных законов, приказал извлечь Формоза из могилы, обрядить в священнические одежды и посадить на престол римского понтифика. И сказал ему: «Почто ты, епископ Порто, движимый честолюбием, захватил вселенский римский престол?». Исполнив это, он сорвал с него священные одежды, отрезал три пальца и приказал бросить [труп] в Тибр; всех, кого тот рукоположил, он, лишив звания, вторично посвятил в сан. Насколько дурно он поступил, ты, святейший отец, можешь убедиться и сам, ибо даже те, кто получил приветствие или апостольское благословение от Иуды, предателя Господа нашего Иисуса Христа, до его предательства, не были лишены [благодати] и после того, как он совершил предательство и повесился, если только не запятнали себя иными дурными поступками. Ведь посвящение, которое даруется служителям Христовым, нисходит на них не через видимого, а через невидимого священника. Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а все – Бог возвращающий⁸⁸.

XXXI. Сколь велики были авторитет и благочестие папы Формоза, мы можем заключить из того, что когда позднее он был найден рыбаками и отнесен в церковь блаженного князя апостолов Петра, его, лежащего в гробу, почтительно приветствовали образа святых. Я часто слышал об этом от наиболее благочестивых мужей города Рима. Но оставим это и вернемся к порядку изложения.

XXXII. Король Арнульф, достигнув цели своих желаний, не прекращал преследовать Видо; отправившись к Камерино, он осадил крепость Фирм, – твердую и по названию, и по своей природе⁸⁹, – где находилась жена Видо⁹⁰. Видо же скрывался неизвестно где. Поскольку названная крепость была «твердой» и по названию, и по сути, он окружил ее валом и приготовил все осадные орудия для ее взятия, какие только мог. Жена Видо, будучи стеснена со всех сторон и потеряв надежду каким-либо образом бежать, стала со змеиной хитростью изыскивать способ умертвить короля. Призвав к себе одного из наиболее доверенных слуг короля Арнульфа, она, дав ему богатые подарки, просила, чтобы он ей помог. Когда тот заверил ее, что сможет быть ей полезен только в случае передачи города под власть его господина, она еще и еще раз, не только обещая ему горы золота, но и на месте жалую многим, умоляла, чтобы он, по крайней мере, заставил своего господина короля выпить из некоей чаши, которую она ему передала; [напиток] не будет опасен для жизни, но дикий дух [короля] смягчится. Чтобы придать веры своим словам, она в его присутствии заставила выпить напиток одного из своих рабов; в течение часа тот находился у них перед глазами, а затем ушел невидимым. Здесь хотелось бы при-

вести истинно сказанное Мароном наставление: «К чему только не склоняешь ты смертные души, проклятая жажда золота?»⁹¹. Взяв с собой смертоносную чашу, [слуга] поспешно дал королю из нее напиток. Едва выпив, тот сейчас же впал в такой крепкий сон, что крики всего войска в течение 3-х дней не могли его разбудить. Говорят также, что пока слуги беспокоили его то шумом, то толчками, он, открыв глаза, бесчувственно⁹² лежал, совершенно не имея возможности говорить. Казалось, что пока он лежал так, без сознания, он не слова произносит, а мычит. Подобное обстоятельство, конечно, побудило всех к возвращению, а не к битве.

XXXIII. Я верю, что короля Арнульфа такого рода несчастье поразило по справедливому приговору сурового судьи. Ведь пока успех всюду сопутствовал его власти, он все приписывал своей доблести, не оказывая должного почета всемогущему Богу. Служителей Божьих тащили в оковах, дев, посвященных [Ему], насиловали, а замужних бесчестили. Церкви не могли быть убежищем для спасающихся бегством. Ведь в них устраивались пиры и оргии, совершались непристойные деяния и пелись неприличные песни⁹³. Даже женщины в них, – о ужас! – открыто предавались разврату.

XXXIV. Наконец, король Видо по пятам преследовал тяжело больного короля Арнульфа, возвращавшегося домой. А когда Арнульф поднялся на гору Бардо⁹⁴, он решил, – по совету своих людей, – ослепить Беренгара и таким образом надежно овладеть Италией. Однако один из родичей Беренгара, – пользуясь немалой милостью со стороны короля Арнульфа, он постоянно был рядом, – узнав о такого рода совете, без промедления сообщил о нем Беренгару. Как только тот узнал об этом, он, передав другому факел, который держал возле особы короля Арнульфа, бежал и поспешно прибыл в Верону.

XXXV. С тех пор все итальянцы потеряли всякое уважение к Арнульфу и ни во что его не ставили. Потому-то, по приходе его в Павию, в городе поднялся изрядный мятеж; его войску учинили здесь столь страшный разгром, что крипты города, которые иначе зовутся клоаками, наполнились их трупами. Арнульф, узнав про это, решил возвращаться по дороге Ганнибала, которую называют Бардус⁹⁵, и через гору Юпитера⁹⁶, – ведь идти через Верону он теперь не мог. Добравшись до Ивреи, он застал там маркграфа Анскария⁹⁷, по призыву которого и восстал город. Тогда Арнульф дал клятву, что никуда не уйдет от этого места, пока ему не выдадут Анскария. Тот же, будучи человеком весьма боязливым, весьма схожим с тем, о котором Марон говорил: «Щедрый на деньги, в слове богач, но с рукою, холодной в брани»⁹⁸, ушел из замка и укрылся в каменном гроте, недалеко от городских стен. Сделал же он это для того, чтобы [жители] с чистой совестью могли уверить короля Арнульфа, что Анскария нет в городе. Итак, получив от них клятвенное заверение в этом, король продолжил прежний путь.

XXXVI. Прибыв на родину, он скончался от позорнейшей болезни. До крайности замученный малыми червями, которых называют «*pedunculos*»⁹⁹, он испустил дух. Говорят, что названные черви размножились так быстро¹⁰⁰, что никакие медицинские средства не могли их истребить. То ли за столь тяжкое преступление, – за то, что выпустил венгров, – он, по словам пророка, был «стерт сугубым сокру-

шением»¹⁰¹, то ли в результате наказания в настоящем должно последовать прощение в будущем, – предоставим это мудрости того, о ком апостол говорит: *«Не судите прежде времени, пока не придет Господь, который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения; и тогда каждому будет похвала от Бога»*¹⁰².

XXXVII. По справедливости приготовил Бог жене Видо, которая приготовила смерть [Арнульф], горе вдовства. Ведь, неотступно, как мы говорили, преследуя возвращавшегося Арнульфа, король Видо погиб на реке Таро¹⁰³. Беренгар, услышав о его смерти, поспешно прибыл в Павию и силой захватил власть в королевстве. Однако сторонники Видо и верные ему люди, опасаясь мести со стороны Беренгара за нанесенные ему обиды, а также и потому, что итальянцы всегда желают иметь 2-х государей, чтобы одного держать в руках страхом другого, поставили королем Ламберта¹⁰⁴, сына умершего короля Видо, – стройного юношу, только-только достигшего совершеннолетия и весьма воинственного. Тогда народ стал переходить к нему и покидать Беренгара. Беренгар, из-за малочисленности сил не имея возможности выйти против Ламберта, который с большим войском двигался к Павии, ушел в Верону и оставался там в безопасности. По прошествии малого времени король Ламберт, будучи суровым мужем, стал не угоден знати. Поэтому князья отправили в Верону послов, просив короля Беренгара прийти к ним и изгнать Ламберта.

XXXVIII. Кроме того, ему в течение 5 лет¹⁰⁵ оказывал неповиновение Магинфред, весьма богатый граф города Милана; причем он не только защищал тот город, который взбунтовал, т. е. Милан, но и страшно опустошал соседние земли, признававшие власть Ламберта. В результате, король не смог оставить это безнаказанным, часто повторяя строки псалма: *«Когда изберу время, я произведу суд по правде»*¹⁰⁶. И через короткое время он приговорил [графа] к смерти. Событие это внушило немалый страх всем итальянцам.

XXXIX. Наконец, в это же самое время против него попытались восстать Адальберт, светлейший маркграф Тосканы, и могущественный граф Гильдебранд¹⁰⁷. В самом деле, Адальберт был столь силен, что среди всех князей Италии только он один носил прозвище «Богач». Его женой была Берта¹⁰⁸, мать ставшего позже королем Гуго; по ее-то наущению он и начал столь нечестивое предприятие. Собрав войско, он вместе с графом Гильдебрандом поспешно направился к Павии.

XL. Между тем, Ламберт, ничего не зная об этом, был занят охотой в Маренго, примерно в 40 милях от Павии. Только, когда названные маркграф и граф со своим огромным, но слабосильным войском тосканцев перешли гору Бардо, королю Ламберту, который тогда охотился в глубине леса, доложили о случившемся. Он же, будучи тверд душой и могуч телом, решил не ждать своих воинов, но, собрав тех, кого имел с собой, примерно 100 рыцарей, галопом помчался навстречу врагу.

XLI. Он подошел уже к Пьяченце, когда ему сообщили, что [враги] разбили лагерь на реке Стироне, возле замка¹⁰⁹, в котором лежало весьма почитаемое тело святейшего и драгоценного мученика Домнина. Не зная, что готовит им грядущая ночь, одни, опьянев и после ряда бесполезных *tragodimata*, то есть песнопений, заснув, храпели; другие же, из-за проявленной ими неумеренности, блевали. Итак,

король, отважный духом и хитрый нравом, напав на них в безмолвии ночи, перебил спящих и умертвил проснувшихся. Наконец дело дошло до предводителей этого войска. Когда вестником случившегося несчастья к ним прибыл не кто иной, как сам король, страх лишил их возможности не говоря уже – сражаться, но бежать. Все же Гильдебранд обратился в бегство, бросив Адальберта, прятавшегося в стойле среди скота. Когда его нашли и привели к королю, тот сразу же сказал ему следующее: «Теперь мы верим в то, что одержимая духом Сивиллы предсказала жена твоя Берта, обещав, что ты благодаря ее науке станешь или королем, или ослом. Но сделать тебя королем она не захотела или, что более вероятно, не смогла и, чтобы не солгать, сделала тебя ослом, когда заставила искать спасения в стойле, вместе со скотом Аркадии¹¹⁰». Сверх того, вместе с ним были схвачены, связаны, доставлены в Павию и отданы под стражу и другие [уцелевшие в битве].

XLII. После этого король Ламберт опять был занят охотой в названном месте, т. е. Маренго, в то время как совет всей знати решал, как поступить со схваченными. О, если бы охота на зверей не превращалась в охоту на королей! Ведь говорят, что он, как обычно, преследуя кабана на невзнузданном коне, вдруг упал с лошади и сломал себе шею. Однако, говорю я, не следовало бы верить этому рассказу. Ведь есть и другое повествование о его смерти, которое мне кажется более правдоподобным и рассказывается всеми людьми. Магинфред, граф города Милана, о котором мы выше вкратце упоминали, будучи приговорен к смерти за совершенные против государства и короля преступления, оставил единственным наследником своих владений сына Гуго. Король Ламберт, видя, что он многих превосходит и красивой наружностью, и отвагой, постарался смягчить немалую боль души его из-за казни отца многочисленными милостями. Потому-то и отдал он ему предпочтение в дружбе своей перед прочими. И вот, случилось, что когда король Ламберт охотился в названном месте, т. е. в Маренго, – ведь там есть лес необыкновенной величины и красоты, весьма удобный для охоты, – все, как обычно, разбрелись кто куда, а он остался в лесу наедине с Гуго. Ожидая на лесной тропе кабана, король простоял довольно долго; утомившись длительным ожиданием, он решил немного отдохнуть и поручил охрану своей особы этому вероломному человеку, – ибо считал его вполне надежным. Итак, в отсутствие прочих, Гуго, – не страж, а скорее предатель и палач, – забыв о многочисленных, оказанных ему милостях, думал только о смерти отца. Он не подумал о том, что родитель его был казнен справедливо, не побоялся нарушить данную им королю присягу; не постыдился быть названным наместником Иуды, предателя Господа нашего Иисуса Христа; и что особенно тяжко, не побоялся подвергнуть себя вечному проклятию. Итак, схватив огромную дубину, он изо всех сил ударил спящего, сломав ему шею¹¹¹. Он побоялся убить его мечом, чтобы это не выдало его вину. Ведь потому поступил так порочный ум его, чтобы те, кто будет осматривать [труп], увидев не рану от меча, но ушиб от дубины, поверили бы в то, что король упал с коня и, сломав себе шею, умер. В течение долгих лет это дело оставалось нераскрытым. Но, когда со временем король Беренгар, – уже никто не оказывал ему сопротивления, – мужественно овладел королевством, убийца сам признался в своем преступлении, и исполнилось

то, что пел царь и пророк: *«И вот уже хвалится грешник похотью души своей, и убажает себя творящий зло»*¹¹². А что еще он мог сделать, исходя из слов, которыми говорит сама истина: *«Нет ничего тайного, что не стало бы явным, и сокрытого, что не было бы открыто»*¹¹³.

XLIII. После этого король Беренгар больше прежнего стал почитаться как король; а маркграф Адальберт и прочие были отпущены по домам.

XLIV. Хотелось бы, дражайший отец, с плачем написать о смерти столь славного короля, а написав, оплакать. Ведь он обладал и достойной уважения чистотой нравов, и святой и внушающей страх суровостью, сияющая юность украшала его тело, а святая седина – разум. Гораздо больше доставил он чести государству, чем оно ему. Если бы не унесла его быстрая смерть, он стал бы тем, кто после могущества римлян с оружием в руках подчинил бы себе весь мир.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ

КНИГА ВТОРАЯ

НАЧИНАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ ВТОРОЙ КНИГИ

- I. О том, как после смерти Арнульфа королем был поставлен его сын Людовик.
- II. Венгры, услышав о смерти Арнульфа, вторглись в Баварию.
- III. Людовик готовит венграм сражение у р. Лех.
- IV. Венгры, устроив засаду, побеждают рыцарей Людовика.
- V. Людовик бежит; венгры предают грабежу землю франков, саксов и швабов.
- VI. О мятеже графа Адальберта и о том, как обманутый архиепископом Хатто он был казнен.
- VII. О возвращении разведчиков и о том, какой совет они дали.
- VIII. Почему испуганные венгры, вступив в Италию, вернулись.
- IX. О том, как венгры, вновь собрав войско, пришли и как итальянцы выступили против них.
- X. Почему король Беренгар не пошел на войну и почему венгры бежали от итальянцев.
- XI. Бегущие язычники просят христиан о мире, но не получают его.
- XII. О стычке, предшествовавшей сражению, в которой венгры одержали победу, но снова бежали.
- XIII. О том, как из-за уставших коней язычники ожидали христиан на реке Бренге, просили их о мире, но опять его не добились.
- XIV. К какому решению венгры пришли из-за охватившего их отчаяния и что они говорили.
- XV. О том, как венгры, устроив засады, напали на христиан и победили.
- XVI. О том, что победу они одержали не из-за своей храбрости, но из-за грехов христиан.
- XVII. О том, как в то же время умер король франков Людовик и Конрад был поставлен на его место.
- XVIII. О том, какие при нем были князья, среди которых был Генрих, герцог Саксонии.
- XIX. О том, как Генрих и прочие князья восстали против короля Конрада, как они были побеждены и о том, как Арнульф бежал в Венгрию.
- XX. Король Конрад, умирая, призывает всех князей к миру; умоляя их поставить королем Генриха, он отправляет ему королевские регалии.
- XXI. Когда умер король Конрад, Арнульф возвращается из Венгрии и начинает войну с королем Генрихом.

- XXII. Генрих смягчает душу Арнульфа мудрейшими речами.
XXIII. Арнульф по призыву своих воинов стал вассалом короля.
XXIV. Венгры, услышав о смерти Конрада, вторгаются в Саксонию.
XXV. Король Генрих, несмотря на то, что был болен, поспешил им навстречу.
XXVI. О том, как он побуждал к битве своих воинов.
XXVII. О славном обете короля Генриха.
XXVIII. О вестнике, сообщившем, что венгры уже в Мерзебурге.
XXIX. Венгры, расспросив пленных о войне, отправили разведчиков.
XXX. О состоявшемся сражении с венграми.
XXXI. О добром совете короля Генриха, о его победе и о том, где эта победа была изображена.
XXXII. О некоем Людовике, которого итальянцы пригласили, чтобы он правил ими.
XXXIII. О том, что это совершил Адальберт, зять короля Беренгара.
XXXIV. О том же Адальberte, который сначала был добрым, но позже сделался плохим.
XXXV. О том, что Людовик в страхе обещал королю Беренгару и о его возвращении.
XXXVI. О том, как Адальберт, могучий маркграф провинции Тоскана, по наущению своей жены Берты оставил Беренгара и пригласил Людовика.
XXXVII. Людовик принят итальянцами, Беренгар бежит в Верону, но и оттуда изгоняется Людовиком.
XXXVIII. Людовик отправляется в Лукку, где его с почетом принимает Адальберт.
XXXIX. Людовик, увидев могущество Адальберта, преисполнился зависти, из-за чего Адальберт нарушил данную ему клятву верности.
XL. Описание города Вероны, реки Атезис и моста через нее.
XLI. О том, как Людовик, пребывая в Вероне, был схвачен Беренгаром, подкупившим городскую стражу, и ослеплен.
XLII. О венграх, которые в это время опустошали Италию.
XLIII. О сарацинах из Фраксинета, которые, опустошив часть Италии, добрались до Акв.
XLIV. Об африканских сарацинах, которые заняли Апулию, Калабрию и Беневент и укрепили гору Гарильяно.
XLV. По какой причине сарацины ушли из Африки.
XLVI. О том, что это было сделано по воле Господа ради нашего исправления.
XLVII. О том, что Иоанн Равеннский в то время был папой.
XLVIII. Как благодаря блуднице Теодоре был поставлен папа.
XLIX. О некоем африканце, который пришел к папе и дал ему совет, каким образом лучше сражаться с африканцами.
L. О том, как этот африканец, устроив ловушку, погубил многих людей.
LI. О совете Ландольфа, князя Беневентского.
LII. О том, как папа, отправив послов в Константинополь, просил у императора помощи и сражался с пунями.
LIII. О том, как греки, быстро придя, соорудили возле горы крепость.

LIV. О том, как все пуны были перебиты или захвачены в плен, и о том, как во время битвы видели славнейших апостолов Петра и Павла.

LV. Адальберт, маркграф провинции Тосканы, умер, его сын Видо был назначен вместо него, а мать последнего была схвачена Беренгаром.

LVI. О детях, которых, как говорят люди, родила Берта Адальберту.

LVII. О том, как многие князья, в том числе Ламберт, архиепископ Милана, восстали против Беренгара и почему это произошло.

LVIII. О пфальцграфе, которого схватили и неосторожно поручили Ламберту.

LIX. Как Беренгар потребовал его выдачи и почему не смог этого добиться.

LX. О Рудольфе, короле Бургундии, который взял в жены дочь герцога Бурхарда и о том, как итальянцы пригласили его прийти к ним и стать их королем.

LXI. О том, как венгры, друзья короля Беренгара, убили Одельрика и взяли в плен зятя короля Адальберта и графа Гизельберта.

LXII. О хитрости, благодаря которой маркграф Адальберт обманул венгров и бежал от них, заплатив в качестве выкупа ничтожную цену.

LXIII. О Гизельberte, схваченном, избитом, приведенном к королю, и о том, как тот оказал ему почет и милосердно отпустил.

LXIV. О том, как он ушел к королю Рудольфу и пригласил его [в Италию].

LXV. О гражданской войне, возникшей между Беренгаром и Рудольфом.

LXVI. О том, как Рудольф одержал победу благодаря названному Бонифацию.

LXVII. Рудольф с согласия итальянцев возвращается в Бургундию.

LXVIII. О жителях Вероны, которые стоворились убить Беренгара.

LXIX. Мудрая речь короля Беренгара к Фламберту.

LXX. О золотом кубке, переданном королем Фламберту.

LXXI. О том, как по совету Фламберта был убит король Беренгар.

LXXII. О крови короля, которая и в наше время еще остается на камне.

LXXIII. О рыцаре Мило, который отомстил за короля Беренгара, повесив через 3 дня его убийц.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ВТОРАЯ

I. После того, как теплота жизни¹ покинула члены короля Арнульфа, оставив бездыханным его тело, сын его Людовик² всем народом был поставлен королем. Смерть столь славного мужа не могла остаться неизвестной как всем, живущим на свете людям, так и соседям их венграм. День его смерти был для них радостнее всякого праздника, желаннее всех сокровищ. Что же случилось?

II. Уже в первый год после его смерти и назначения его сына, собрав огромное войско, они подчинили себе народ моравов³, который в свое время король Арнульф завоевал с помощью их же доблести; [венгры] заняли также пределы Бава-

рии, разрушили замки, церкви сожгли огнем, народ перебили, а чтобы внушить еще больший ужас, они пили кровь убитых⁴.

III. Итак, король Людовик, узнав о разорении своего народа и о свирепости [венгров], возбудил души всех своих подданных следующей угрозой: было объявлено, что тот, кто уклонится от участия в войне, которую он собрался вести с венграми, вне всякого сомнения будет повешен. Наконец, бесчисленные толпы этого гнусного народа поспешили навстречу его огромному войску. Ни один жаждущий не пьет холодную воду с большей страстью, чем этот свирепый народ ожидает дня битвы; ведь нет для него большей радости, чем борьба. Как я узнал из книги, написанной о происхождении [венгров], их матери, как только рожают мальчика, «острейшим ножом разрезают ему щеки, дабы до того, как вкусить питательное молоко, приучился он терпеть раны»⁵. Рассказу этому придают веры раны, которые в знак скорби по убитым родичам наносят себе оставшиеся в живых. Эти ἄθεοι καὶ ἀσεβοῦς αὐτὶ τῶν δακρυῶν, атеи ке асевис анте тон дакрион, то есть безбожные и нечестивые люди, проливают кровь вместо слез. Король Людовик, собрав большое [войско], прибыл уже в Аугсбург, – город на границе Швабии, Баварии и Восточной Франконии, – когда пришло не столько неожиданное, сколько нежеланное известие о приближении этого народа. Итак, на следующий день оба войска сошлись на полях близ реки Лех, весьма удобных благодаря своей обширности для ратного труда.

IV. Итак, прежде чем «Аврора покинула шафранное ложе Тифона»⁶, жадный до войны и жаждущий крови народ венгров напал на них, то есть на христиан, еще толком не проснувшихся; одни, еще до того, как раздался крик [неприятеля], были разбужены [свистом] стрел, другие же, пронзенные на своих ложах, не проснулись ни от шума, ни от ран; ибо дух покинул их прежде, чем сон. Вслед за тем развернулась тяжелая битва; повернув [к нам] спины, будто обратившись в бегство, турки⁷, выпустив *boelis*, то есть стрелы, поразили многих [из наших].

Когда всемогущий Элоим⁸ тучами мрачными начал
 Закрывать свет почтенный златокудрого Феба⁹,
 Вихрем, криком ужасным все небо гремело,
 Молнии часто сверкали с поникшего трона Тонанта¹⁰;
 И задрожали все те, кто черное делает белым¹¹;
 Ибо прекрасно они сознавали, что грешны,
 Что гибель их ждет пред всевышним Вулканом:
 Так же стрелы летят из опустевших колчанов,
 Крепкие латы собой протыкая.
 Так же, как когда град истребляет посевы
 Шум и грохот стоит, и гуденье по крышам,
 Так и шлемы тугие звенят от ударов мечей,
 Так же падают люди от стрел, валясь друг на друга.

Склоняясь к закату, Феб достиг уже 7-го часа¹²; до сих пор светлый Марс был милостив к силам Людовика, когда турки, – не новички в военном деле, – устроив

засаду, обратились в притворное бегство. Когда же люди короля, не ведая хитрости, в сильнейшем порыве устремились за ними, те внезапно все разом выскочили из засады и вот те, кто казались уже побежденными, сами перебили победителей. Сам король с удивлением увидел, что он из победителя вдруг стал побежденным, и тем тяжелее было для него это несчастье, чем менее он его предвидел¹³. Ты увидел бы лес и поля, всюду покрытые павшими, ручьи и реки, ставшие красными от крови; ржание коней и звуки труб внушали бегущим все больший и больший страх, одновременно возбуждая дух преследователей.

V. Даже после того, как венгры достигли цели своих желаний, столь страшное избиение христиан по-прежнему не удовлетворило их злобу; чтобы насытить свою нечестивую ярость, они прошли земли баварцев, швабов, франков и саксов, все предавая огню. Не было никого, кто ожидал бы их прихода в местах иных, нежели те, что наиболее укреплены самой природой и немалым трудом; на несколько лет народ стал их данником.

VI. Во время правления [Людовика] жил некий Адальберт¹⁴, не простой какой-то человек, но тот великий герой, кто, будучи в своем замке Бабенберге, находился в немалой вражде с государством. Король Людовик, собрав все свои силы, неоднократно ходил против него. Названный же герой вел с ним войну не вблизи своего замка, – как то обычно для большинства [рыцарей], – но вдалеке от своих укреплений. Рыцари короля, прежде чем на деле научились удивляться его храбрости, упреждая короля, замыслили под видом вызова Адальберта на битву выманить его из замка и убить. Однако Адальберт, не только знакомый с такого рода хитростями, но и сам на них мастер, отошел от замка так далеко, что рыцари признали в нем врага только тогда, когда неукротимый меч его, рубя, загулял по их шеям. Итак, когда Адальберт, этот герой, почти 7 лет¹⁵ упорствовал таким образом в мятеже, Людовик, поняв, что мужество его и отвагу нельзя победить иначе, как только прибегнув к хитрости, попросил у Хатто¹⁶, архиепископа Майнца, совета, как ему следует поступить в этом деле. Тот, будучи большим докой по части хитрости, сказал: «Успокойся, я освобожу тебя от этой заботы. Я позабочусь, чтобы он пришел к тебе, а ты уж позаботься, чтобы он не ушел». Итак, Хатто, уверенный в себе, ибо не раз давал удачный оборот дурному положению дел, под видом дружеского участия отправился в Бабенберг¹⁷, к Адальберту. И сказал ему: «Если ты и не веришь в иную жизнь, кроме этой, временной, все же неправильно поступаешь, упорствуя в мятеже против своего господина, особенно когда действия твои совершенно напрасны. Ты не представляешь себе, насколько мил будешь всем и, особенно, королю, если смиришь свою дерзость. Итак, поверь мне, дающему тебе совет; прими клятву в том, что ты беспрепятственно сможешь как выйти из замка, так и вернуться назад. Если не веришь пастырским моим обещаниям, то не сомневайся, по крайней мере, в клятве, согласно которой я обязуюсь как вывести тебя из замка, так и привести назад, целого и невредимого». Итак, Адальберт, прельщенный, скорее обманутый этими сладкими, как мед, речами, принял от Хатто клятву и пригласил его разделить с ним завтрак. Хатто же, помня о коварном плане, который вскоре собирался привести в исполнение, наотрез отказался от этого. Не медля, Хатто покинул замок.

Адальберт тотчас же последовал за ним, держа [архиепископа] за правую руку. Хатто, увидев, что тот находится уже вне замка, сказал: «Досадно мне, славный герой, что я, согласно твоему совету, не подкрепил свое тело чем-либо съестным, особенно, когда предстоит длинный путь». Адальберт, не ведая сколько бед и несчастий несут в себе эти слова, сказал: «Так вернемся, господин мой, и, дабы тело не терзалось муками голода, хоть немного, но подкрепим его пищей». Согласившись с его предложением, Хатто вернулся с ним по той же дороге, по какой и вышел, ведя его назад по-прежнему держа за правую руку. Наскоро пообедав, они в тот же день поспешили к королю. Немалый шум и переполох поднялись в лагере, когда сообщили о приходе к королю Адальберта. Король, весьма обрадованный его прибытием, велел знати собраться и прийти на судебное заседание. И сказал им: «Вот уже почти 7 лет¹⁶ Адальберт проливает нашу кровь, причиняет беспокойство, доставив нам своими грабежами и поджогами большие неприятности, о чем знаем мы не понаслышке, а на собственном опыте. Потому и ожидаем мы при таком положении дел, что приговор ваш будет принят как кара за столь явное преступление». Итак, согласно установлениям древних королей, [Адальберт] по единогласному их решению был присужден, как оскорбивший величие, к отсечению головы. Когда же его, связанного, уже вели на смерть, он, увидев Хатто, сказал: «Ты будешь клятвoprеступником, если допустишь мою смерть». А Хатто и говорит ему: «Я обещал, что как выведу тебя, невредимого, из замка, так и приведу назад; полагаю, что именно это я и сделал, когда вывел тебя из замка, а затем сразу же целым и невредимым привел обратно». Застонав, [Адальберт] слишком поздно понял хитрость Хатто и горько пожалел, что пришел сюда; тем неохотнее последовал он за палачом, чем более хотелось ему жить, если бы это было возможно¹⁸.

VII. Итак, спустя пару лет¹⁹, когда никто уже не оказывал венграм сопротивление ни на востоке, ни на юге, – ведь болгарский и греческий народы стали уже их данниками, – решили они увидеть, – дабы не осталось что-то им неизвестное, – народы, живущие на юге и западе. Итак, собрав огромное, бесчисленное войско, вступили они в несчастную Италию. Разбив палатки, скорее рванье, на реке Бренте, они отправили разведчиков на 3 дня пути, дабы выяснить положение этой земли, а также малое или большое число народа ее населяет; вернувшись, послы дали такого рода ответ: «Равнина эта покрыта рядом холмов и, как вы знаете, с одной стороны окружена весьма крутыми, но плодородными горами, а с другой – Адриатическим морем; имеется несколько городов, но все – сильно укрепленные. Силен или слаб тот народ, мы не знаем, но многочисленность его сразу бросается в глаза. И мы бы не советовали вам нападать на него со столь малыми силами. Есть ряд обстоятельств, которые заставляют нас сражаться; это привычка побеждать, смелость духа, умение драться и, особенно, богатства, стремление к которым гложет нас и которых здесь столько, сколько во всем мире мы и не видели, и не надеялись увидеть; все же мы советуем вам вернуться, – ведь обратный путь не долг и не труден, и пройти его вполне можно за 10 или меньшее количество дней, – а с наступлением весны, собрав самых храбрых из нашего народа, вернуться, внушая страх не только отвагой нашей, но и численностью».

VIII. Послушав их, венгры немедленно вернулись на родину и всю суровую зиму провели, изготавливая оружие, натачивая стрелы и обучая юношей искусству войны.

IX. Солнце еще не успело переступить из знака Рыб в знак Овна²⁰, как [венгры], собрав огромное, бесчисленное войско, вступили в Италию, миновали Аквилею и Верону – наиболее укрепленные города – и, нигде не встречая сопротивления, подошли к Тицину, который ныне носит более благозвучное имя – Павия. Король Беренгар не мог надивиться столь дерзкому и необыкновенному деянию, – ведь прежде он не слышал даже имени этого народа. Отправив к итальянцам²¹, тускам, вольскам, камеринцам и сполетцам – к одним письма, к другим послов, он велел им всем прибыть в одно место; и собралось войско в 3 раза более сильное, чем венгерское.

X. Как только король Беренгар увидел, что в его распоряжении находится столь сильное войско, его обуяла гордыня и, приписывая уже победу над врагом более числу своего [войска], нежели Богу, он вместе с немногими спутниками предался наслаждениям в некоем городке. Что же далее? Венгры, увидев столь великую силу, смутились духом и не могли решить, что теперь делать. Сражаться они боялись, а бежать были не в состоянии. Колеблясь между тем и другим решением, они все же предпочли бежать, нежели сражаться; преследуемые христианами, они вплавь переправились через реку Адду, – причем из-за сильной спешки многие утонули.

XI. Наконец венгры, приняв неплохой совет, через посредников просили христиан, чтобы те, получив от них все награбленное вместе с компенсацией за убытки, позволили им самим невредимыми вернуться домой. К сожалению, христиане наотрез отказались исполнить эту их просьбу, насмеялись над ними и больше думали про цепи, которыми собирались вязать венгров, чем про оружие, чтобы их убивать. Не сумев таким образом смягчить души христиан, язычники сочли за лучшее следовать прежнему своему плану, стараясь спастись бегством; так, убегая, они добрались до широчайших полей у Вероны.

XII. Передовые отряды христиан уже напали на самых молодых из них; произошла стычка, победу в которой одержали язычники. Когда же приблизилось основное войско, те, вспомнив о прежнем плане, опять обратились в бегство.

XIII. Христиане в одно время с язычниками подошли к реке Бренте; ведь из-за сильно уставших коней венгры не могли бежать дальше. И вот, оба войска встретились, будучи разделены только руслом упомянутой реки. Наконец венгры, будучи вынуждены сильным страхом, обещали отдать все запасы, пленных, все оружие и коней, удержав лишь по одному на каждого, чтобы было на чем вернуться домой; сверх того, ради придания веса своей просьбе, они добавили, что если им сохранят жизнь и разрешат вернуться, они, дав в заложники своих сыновей, обещают никогда более не вторгаться в Италию. Но увы! Христиане, ослепленные гордыней и высокомерием, набросились на язычников, будто на уже побежденных, и дали им такого рода апологию ἀπολογία, то есть ответ: «Если бы мы приняли в дар то, что нам и так принадлежит, от людей, которые и так находятся в нашей власти, да еще и заключили бы договор с этими мертвыми псами, сам сумасшедший Орест поклялся бы в том, что мы сошли с ума»²².

XIV. Придя от такого ответа в отчаяние, самые храбрые из венгров собрались воедино и утешили друг друга следующей речью: «Что еще более худшее может случиться с людьми, если та жизнь, которую мы знаем в настоящем, уже погублена, – ведь для просьб более нет места²³, надежда на бегство потеряна, а подчиниться – все равно что умереть, – так стоит ли бояться того, чтобы, бросившись навстречу граду стрел, отомстить за смерть смертью? Не будет ли лучше, если поражение наше припишут судьбе, а не нашей слабости? Ведь умереть, мужественно сражаясь, значит не умереть, но жить. Эту великую славу, эту κλιρονομαίαν клирономиан, то есть наследство, полученное нами от отцов наших, передадим также и нашим потомкам. Нам следует верить себе, своему опыту²⁴, ибо иной раз с малыми силами истребляли мы более многочисленные [войска]. Чем больше толпа бессильного народа, тем удобнее ее резать. Марс часто губит бегущего, тогда как смело сражающегося берет под свою защиту. Те же, кто не помиловал нас, молящих, не ведают и не понимают умом своим, что побеждать прекрасно, но превозноситься в победе крайне пагубно»²⁵.

XV. Воодушевленные такой речью, [венгры] в 3-х местах располагают засаду и, переправившись через реку, врываются в середину врагов. Ведь большинство христиан, устав от длительного ожидания послдов, разбрелось по лагерю, чтобы подкрепиться пищей; одних венгры пронзили с такой быстротой, что проткнули даже хлеб в их глотках, а других, – угнав коней, они лишили их возможности бежать, – они перебили с тем большей легкостью, чем яснее последние сознавали, что лишены коней²⁶. Наконец, для увеличения бедствия христиан, среди них обнаружился немалый раздор. Некоторые не только не вступали в бой с венграми, но радовались, когда падали их близкие; эти негодяи действовали так гнушно потому, что надеялись, когда падут их близкие, править более свободно. Не желая помочь своим ближним в беде, предпочтя их гибель, они сами подверглись той же участи. Итак, христиане бежали, а язычники свирепствовали всюду; они, прежде не сумевшие умолить [христиан] дарами, теперь сами не знали пощады к умоляющим. Наконец, перебив и обратив в бегство христиан, венгры обошли, опустошая, все области королевства. Не было никого, кто мог бы смело ожидать их прихода иначе, чем находясь в самых укрепленных местах. Так велика была их доблесть, что, когда одна часть [венгров] опустошала Баварию, Швабию, Франконию и Саксонию, другая разоряла Италию.

XVI. Но не своей доблести обязаны они были этому успеху; а исполнилось правдивое слово Господа, более прочное, чем земля и небо, в котором он устами пророка Иеремии угрожал всем народам в лице дома Израилева, говоря: *«Вот, я приведу на вас народ издалека, народ сильный, народ древний, народ, языка которого ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб, все они – люди храбрые; и съест он жатву твою и хлеб твой; сожрет сыновей твоих и дочерей твоих, съест овец твоих и волов твоих; съест виноград твой и смолвы твои, и разрушит мечом укрепленные города твои, на которые ты возлагаешь надежды. Но и в те дни, – говорит Господь Бог, – не истреблю вас до конца»*²⁷.

XVII. В это же время умер король Людовик²⁸. Конрад²⁹, происходивший из рода

франков, муж сильный и знаток военного дела, был поставлен королем над всеми народами.

XVIII. При нем могущественнейшими князьями были: Арнульф³⁰ – в Баварии, Бурхард³¹ – в Швабии, Эберхард³² – сильнейший граф во Франконии, Гизельберт³³ – герцог в Лотарингии. Но всех их превосходил славой Генрих³⁴, могущественный герцог Саксонии и Тюрингии.

XIX. Во 2-й год по вступлении его в должность названные князья и, в особенности Генрих, восстали против него. Однако король Конрад победил их не столько силой храбрости, сколько силой мудрости и привел к повиновению. Арнульф же, вынужденный сильным страхом перед ним, бежал вместе с женой и детьми к венграм³⁵ и жил у них, пока в теле короля Конрада теплилась хоть искра жизни³⁶.

XX. Наконец, в 7-й год своего правления, [король] понял, что настало время быть призванным к Богу. Велев прийти к себе названным князьям, – отсутствовал один только Генрих, – он обратился к ним с такой речью: «Пришло, как вы видите, время, когда я вот-вот буду призван от тления к нетлению, от смертности к бессмертию; поэтому я еще и еще раз прошу вас жить в мире и согласии. Пусть, когда я умру, не возбудит вас ни жажда власти, ни честолюбивое стремление к первенству. Изберите королем и поставьте своим государем Генриха, мудрейшего герцога Саксонии и Тюрингии. Ведь он силен как мудростью, так и справедливой строгостью». Сказав это, он велел принести свою собственную корону, – ее украшали, скорее, говорю, обременяли, не только золотом, которым украшены короны почти всех князей, но и драгоценные камни, – а также скипетр и прочее королевское облачение и, пока был в силах, произнес такого рода слова: «Вручая эти королевские регалии Генриху, назначаю его своим наследником и преемником королевского достоинства; и не только советую, но и умоляю вас повиноваться ему». Приказав это, он умер³⁷, и вслед за смертью тотчас же последовало исполнение его воли. Ведь когда он скончался, названные князья доставили герцогу Генриху корону и все королевские регалии, по порядку изложив все, что говорил король Конрад. Тот поначалу смиренно отказывался от королевского достоинства, но чуть погода не ради честолюбия принял его. Истинно, что если бы «бледная смерть, которая одинаково стучит ногой и в хижины бедняков, и в замки королей»³⁸, не похитила короля Конрада столь скоро, он стал бы тем, чье имя властвовало бы над многими народами мира.

XXI. В это же время Арнульф, возвратясь вместе с женой и детьми из Венгрии, был с почетом принят баварцами и восточными франками. И они не только приняли его, но и страстно уговаривали стать их королем³⁹. Король Генрих, узнав, что все подчиняются его приказам и только Арнульф оказывает сопротивление, собрал огромное войско и вступил в Баварию. Услышав об этом, Арнульф не стал дожидаться в Баварии его прихода; собрав какие только мог войска, он поспешил ему навстречу. Ведь он и сам стремился стать королем. Когда оба войска встретились и уже должны были вступить в сражение, король Генрих, муж мудрый и богобоязненный, понимая, что обе стороны могут претерпеть непоправимый ущерб, предложил Арнульфу переговорить с ним с глазу на глаз. Арнульф, полагая, что вызван им на поединок, прибыл в назначенное время в условленное место.

XXII. Король Генрих обратился к нему, спешащему навстречу, с такой речью:

«Почто ты в безумьи противишься воле Господней?

Знай же: стал королем я желаньем народа,

И властью Христовой, который является мира опорой;

Тартар⁴⁰ дрожал перед ним, и боялся его Флегетон⁴¹.

Власть королей тех блестящих, что ужас всем людям внушали⁴²,

Он сокрушил и возвысил убогих,

Дабы должную славу Ему в веках они воздавали.

Ты ж вероломный, прегордый, преступный, гнусный также,
суровый, жестокий,

Страстью мерзкой проникнутый, а также свирепым стремленьем,

Столь сильно жаждешь погибели тел христианских?

Если б народ захотел предпочесть тебя моей скромной особе,

Я был бы первым, кто это желанье б одобрил».

Итак, король Генрих, сумев благодаря своей мудрости смягчить душу Арнульфа этой речью, – ведь, она обладала 4-мя достоинствами: была содержательна, кратка, сжата и цветиста, – вернулся к своим.

XXIII. Арнульф же, сообщив все это своим людям, услышал от них такого рода ἀλόκριον, апокрисин, то есть ответ: «Кто может оспорить изречение того мудреца, скорее изречение самой мудрости, где говорится: *‘Мною царствуют цари, властвуют князья, а мудрые вершат правосудие’*⁴³, а также другое, сказанное апостолом, о том, что *‘всякая власть – от Бога, и кто противится власти, тот противится установлению Божьему?’*⁴⁴. Ведь никогда бы не был народ при его избрании столь единодушен, если бы не был он избран еще до сотворения мира⁴⁵ верховной Троицей, которая есть Единый Бог. Если он будет хорошим [правителем], его должно любить и славить в нем Бога; если же плохим – безучастно терпеть. Ведь в большинстве случаев, когда подданные не управляют, но угнетаются властью предрержащими, это происходит из-за их собственных грехов. Равно справедливым нам кажется, чтобы ты, не отставая от прочих, избрал его королем, а он тебя, как мужа, которому покровительствует фортуна и к тому же весьма богатого, осчастливил, укротив ярость твоей души тем, что уступил бы тебе то, чего не имели твои предшественники, а именно: подчинил твоей власти епископов всей Баварии и дал тебе право ставить нового прелата на место умершего». Итак, последовав этому превосходному и доброму совету своих людей, Арнульф стал вассалом короля Генриха⁴⁶, а тот, как уже было сказано, почтил его, уступив власть над епископами всей Баварии.

XXIV. В течение того же времени венгры, услышав о смерти короля Конрада и о вступлении на престол Генриха, обратились друг к другу с такой речью: «Возможно, новый король захочет заключить и новые договоры. Давайте, собрав немалое войско, поднимемся и разведем, желает ли король Генрих платить нам положенную дань. Если, как мы верим, он ничем не отличается от прочих королей, мы опустошим его королевство огнем и мечом. Но сначала опустошим пределы не баварцев, а саксов, где пребывает сам король; чтобы, если захочет он собрать войско, – на

что мы не надеемся, — ни из Лотарингии, ни из Франконии, ни из Швабии, ни из Баварии не смог получить он своевременно помощи. К тому же землю саксов и тюрингов легко разорять, ибо не укреплена она ни высокими горами, ни укрепленными городами».

XXV. Король Генрих был тяжело болен, когда ему сообщили о скором приходе венгров. Едва дослушав до конца слова посланника, он, отправив послов по всей Саксонии, приказал каждому под страхом смертной казни явиться к нему в течение 4-х дней. В результате, когда через 4 дня собралось огромное войско, — ведь у саксов есть достойный похвалы и подражания обычай, согласно которому ни один мужчина, достигший 13 лет, не может уклониться от воинского призыва, — он, хоть и слабый телом, зато бодрый духом, как мог, вскочил на коня и, собрав вокруг себя воинов, начал возбуждать их воинский пыл такими словами⁴⁷:

XXVI. «Славным саксы народом,	храбрости львиной,
В войнах славу стяжав,	некогда были.
Дрались с Карлом ⁴⁸ они,	императором славным,
Мир весь себе	суровым мечом подчинившим.
И побежден был тут он,	всех побеждавший.
Если ж вернувшись,	он все же разбил нас,
Божья милость на это была	несомненно,
Чтоб спасти от греха	души саксонцев.
Ныне ж злобный народ	Боготворивный
Турки, не зная Христа,	хвалятся громко,
Желая народ полонить,	преданный церкви.
Горе нам, горе! Герои,	хотят они ныне
Шеи наши склонить	бременем дани!
Духом воспряньте, мужи,	как велит нам обычай!
Режьте, рубите в куски их	сильной рукою!
Жаркая ярость пусть будет	вашим святым устремленьем;
Пусть отправляются венгры	к Стиксу ⁴⁹ с дарами,
И раскаленную треть пусть	кормчему ⁵⁰ там они платят!».

XXVII. Итак, видя, что души людей его в результате этих увещаний восплали воинским духом, король, опять охваченный даром божественного вдохновения, велел всем молчать и добавил следующее: «Пусть деяния древних королей и писания святых отцов научат нас совершить то, что мы должны сделать. Ведь Богу не трудно сокрушить многих с помощью малого [войска], если те, кто стремится свершить это дело, заслужат его своей верой; если будут они верующими не только исповеданием своим, но и делами, не только устами, но и сердцем. Обещаем же и воздадим, по слову псалмопевца⁵¹, обеты; первым воздам их я, кто и достоинством, и рангом первый среди вас. Пусть ересь симонии⁵², ненавистная Богу и проклятая блаженнейшим князем апостолов Петром, которую предки наши до сих пор по недомыслию терпели, будет совершенно изгнана из нашего королевства. Пусть благодать соединит тех, кого разделила хитрость дьявола».

XXVIII. Король хотел сказать еще нечто подобное, когда быстро подъехавший вестник сообщил, что венгры уже находятся у Мерзебурга – крепости на границе саксов, тюрингов и славян. Он также добавил, что они взяли в плен немало количество женщин и детей, перебив огромное множество мужчин; ведь они сговорились не оставлять в живых никого старше 10 лет, дабы внушить этим немалый страх саксам. Король же, будучи тверд духом, не устрасился этим; напротив, еще более настойчиво стал призывать он [воинов] сразиться за отечество и со славой умереть.

XXIX. Между тем, венгры справлялись у пленников – следует ли им опасаться нападения. Узнав от них, что иначе и быть не может, они отправили разведчиков выяснить – так ли это. Разведчики, пустившись в путь, увидели, что король Генрих с огромным войском находится уже вблизи упомянутого города Мерзебурга. Едва успев вернуться к своим, они сообщили им о прибытии врага; ведь никто иной, как сам король предстал перед ними вестником битвы.

XXX. Сразу же началась битва; со стороны христиан слышался святой и чудесный глас: Κύριε ἑλεῖσον, кирие элейсон⁵³, со стороны же [язычников] – мерзкое и дьявольское: «ху, ху!».

XXXI. Перед началом битвы король Генрих дал своим людям такого рода мудрый и спасительный совет: «Когда вы приступите к играм во имя Марса, пусть никто из вас, обладая более быстрым конем, не старается обогнать товарищей. Но, прикрыв друг друга щитами, примите на них первый залп стрел; а затем стремительным бегом и яростнейшим натиском бросайтесь на них, дабы не ранее смогли они выпустить в вас второй залп дротиков, чем почувствуют на себе раны, причиненные вашим оружием». Итак, саксы, не забыв его спасительнейшего наставления, выстроились в правильную линию и помчались [на врага], – причем более быстрый конь не обгонял более медленного; но, как говорил король, закрыв друг друга щитами, они без всякой для себя опасности приняли на них град стрел; а затем, как и советовал им мудрейший муж, бросились на врагов столь стремительно, что со стенанием жизнь их покинула⁵⁴ прежде, чем был выпущен второй залп дротиков. И случилось по милости Божьего дара, что врагам теперь более угодно было бежать, нежели сражаться. Даже быстрый конь казался им теперь слишком медленным. Украшения в виде фалер и почетная роскошь оружия стали теперь для венгров не защитой, но бременем. Выпустив стрелы, бросив луки и сняв также фалеры, – чтобы освободить коней от лишней ноши, – они думали уже об одном только бегстве. Но всемогущий Бог, отняв у них отвагу, чтобы сражаться, лишил их также возможности бежать. Итак, когда венгры были изрублены и обращены в бегство, огромное количество их пленных обрело свободу, и сменился стон их радостной песней⁵⁵. Эту свою победу, столь же достойную славы, как и памяти, король велел изобразить на ζωγραφῆσαν, зографриан, то есть картине, в верхних покоях дворца в Мерзебурге, дабы считали это дело более истинным, чем правдоподобным.

XXXII. Пока это имело место, почти все итальянцы, отправив послов, пригласили к себе некоего Людовика⁵⁶, бывшего родом из Бургундии, дабы он, придя к ним и отобрав у Беренгара королевство, стал ими править.

XXXIII. Инициатором же столь гнусного преступления был Адальберт⁵⁷, маркграф города Ивреи, замуж за которого названный Беренгар выдал свою дочь по имени Гизела⁵⁸; от нее он имел сына, которому дал имя деда⁵⁹. Это тот самый Беренгар⁵⁹, – говорю я, – от безмерной тирании которого ныне стонет вся Италия и из-за козней которого она получает от всякого народа не пользу, но вред. Но вернемся к делу; о нем же пока сказано достаточно.

XXXIV. Сверх того, этот Адальберт, – да уберегут себя от этого все добрые люди, – был человеком самых отвратительных нравов. Правда, пока он был молод и кровь его кипела, он славился удивительной человечностью и святостью; так, если возвращаясь с охоты, встречал он бедняка и не имел с собой ничего, что мог бы ему дать, то сразу же, не задумываясь, уступал ему свой рог, висевший на шее на золотой цепочке, а позже выкупал его обратно за столько, сколько тот стоил. Зато позже он приобрел столь дурную славу, что и стар, и млад пел о нем такую правдивую песню. Чтобы было благозвучнее, скажем ее по-гречески: 'Αδελβέρτος κόμις κούρτις, μακροσπάτις, γουνδοπιότης, Адельбертос комис куртис, макроспатис, гундопистис', что означает: «Длинный меч у него, но короткая верность».

XXXV. По его и некоторых других итальянцев призыву названный Людовик и пришел в Италию. Узнав об этом, Беренгар немедленно вышел ему навстречу. Людовик же, увидев, что войско вышедшего против него Беренгара огромно, а его собственное мало, в страхе был вынужден дать клятвенное обещание, что, если тот его отпустит, он никогда больше не поддастся ничьим уговорам и не придет в Италию. Беренгар же потому так легко изгнал Людовика, что посредством многочисленных даров обеспечил верность Адальберта⁶⁰, могущественного маркграфа Тосканы.

XXXVI. Но по прошествии малого времени король Беренгар стал неугоден названному Адальберту. Свою лепту в это дело внесла его жена Берта⁶¹, мать того короля Гуго⁶², который позже, уже в наше время, правил в Италии. И вот, по совету этого маркграфа, прочие итальянские князья опять пригласили прийти к ним того самого Людовика. Тот же, из-за стремления к власти забыв о клятве, пришел в Италию.

XXXVII. Беренгар, увидев, что Людовик принят как итальянской, так и тосканской знатью, отправился в Верону. Но Людовик вместе с итальянцами не прекратил преследование и, изгнав его также и из Вероны, силой подчинил себе все королевство.

XXXVIII. По свершении этого Людовик, объехав кругом всю Италию⁶³, решил увидеть также и Тоскану. Покинув Павию, он отправился в Лукку, где и был с почетом и удивительным великолепием принят Адальбертом.

XXXIX. Когда Людовик увидел, что во дворце Адальберта столь много славных рыцарей, столь велико достоинство и столь обширны расходы, то, охваченный завистью, сказал потихоньку своим людям: «Его скорее можно назвать королем, а не маркграфом; он ничем не ниже меня, кроме титула». Слова эти не укрылись от Адальберта. А Берта, женщина весьма разумная, услышав об этом, не только отвратила от верности [Людовику] своего мужа, но и настроила против него прочих князей Италии. Потому-то и вышло, что когда тот, вернувшись из Тосканы, пришел в Верону и жил там, ничего не опасаясь и не ожидая ничего дурного, Беренгар, подкупив городских стражей и собрав храбрейших мужей, в ночной тишине вступил в город.

XL. Река Атезис⁶⁴, подобно Тибру в Риме, протекает по самой середине города Вероны. Через нее построен огромный мраморный мост удивительной работы и удивительной величины. С левой стороны реки, обращенной на север, город укреплен крутым и труднодоступным холмом; так что, если та часть города, что лежит на правом берегу упомянутой реки, будет взята врагами, эта вполне может мужественно обороняться. На вершине этого холма была сооружена дорогой работы церковь и освящена в честь блаженнейшего князя апостолов Петра; здесь-то ради церковного наставления, а также из-за укрепленности самого места и пребывал Людовик.

XLI. Итак, Беренгар, войдя, как мы говорили, ночью в город, тайно от Людовика перешел со своими людьми мост и перед самым рассветом добрался до него. Тот, разбуженный шумом и криком воинов, пытался выяснить, что случилось, и бежал в церковь; никто, кроме одного из воинов Беренгара, не знал, где укрылся [Людовик]. Но и он, побуждаемый милосердием, хотел не выдавать его, но спрятать. Все же, опасаясь, что узнанный другими, он будет выдан и наказан смертью, воин пришел к Беренгару и сказал следующее: «Поскольку Бог был столь милостив к тебе, что предал в руки твои врага твоего, то и тебе следовало бы исполнить его наставления, вернее повеления. Ведь говорит Он: *«Будьте милосердны, как был милосерден Отец ваш. Не судите, и не судимы будете. Не осуждайте, и не будете осуждены»*⁶⁵. Тогда Беренгар, как человек весьма разумный, понял, что воин знает, где прячется [Людовик] и дал ему ответ в духе софистов: «Неужели ты думаешь, болван, что я хочу убить человека, тем более короля, которого Бог предал мне? Разве не пощадил святой Давид царя Саула, отданного Богом ему в руки, хотя мог убить его?». Тогда воин, убежденный этими речами, открыл ему место, куда бежал Людовик. Когда его схватили и привели к Беренгару, тот обратился к нему с такой гневной речью: «Доколе же ты, Людовик, будешь злоупотреблять нашим терпением?⁶⁶ Сможешь ли ты отрицать, что и в то время, когда благодаря моей осмотрительности мои отряды окружили тебя, ты еще мог что-то сделать против меня? И что я, склонный к милосердию, которого ты не достоин, отпустил тебя? Разве, – говорю я, – не чувствуешь ты, что запутался в сетях собственного вероломства? Разве не уверял ты меня, что никогда более не вернешься в Италию? Тем не менее, я дарю тебе жизнь, как обещал это тому, кто тебя выдал, но выколоть глаза тебе не только приказываю, но и строго повелеваю». Вслед за тем Людовик был лишен зрения, и Беренгар овладел королевством⁶⁷.

XLII. Между тем, ярость венгров, не имея более возможности изливаться на саксов, франков, швабов и баваров, обрушилась на Италию, где никто не оказывал им сопротивления. Беренгар же, поскольку не мог положиться на верность своих вассалов, сделал венгров своими друзьями⁶⁸.

XLIII. Но и сарацины, которые, как я говорил, заселили Фраксинет⁶⁹, подорвав силы провансальцев, стали производить немалые опустошения в соседних с ними землях Верхней Италии. Разграбив многие города, они подошли к Аквам – городу, отстоящему от Павии почти на 40 миль. Город получил это название от теплых вод⁷⁰, чудесным образом заключенных ради купания в четырехугольное здание.

Это внушило всем такой страх, что никто не ожидал их прихода иначе, как в самых укрепленных местах.

XLIV. В это же время сарацины, отплыв на судах из Африки, заняли Калабрию, Апулию, Беневент и почти все римские города, так что в каждом городе одной половиной владели римляне, другой – африканцы. На горе Гарильяно⁷¹ они соорудили укрепление, в котором в полной безопасности держали жен, детей, пленных и все свое добро. Никто, ни с запада, ни с севера, не мог пройти в Рим, чтобы помолиться у могил блаженнейших апостолов, не будучи схвачен ими и отпущен только за немалый выкуп. Хоть несчастную Италию немало угнетали и венгры, и сарацины из Фраксинета, никто не причинил ей столько зла и несчастий, как африканцы.

XLV. О причине, по которой они отплыли из Африки и прибыли в Италию, говорят следующее. Когда скончались августейшие императоры Лев и Александр, Константинопольской империей правил Роман, – мы еще скажем о нем более подробно⁷², – вместе с Константином, сыном императора Льва, который и поныне жив. И вот, как обычно бывает, в первый год после того, как Роман принял власть, против него попытались восстать некоторые народы, в особенности *ἀνατολική*, анатолике, то есть восточные. Случилось, что пока император отправлял войска для их усмирения, против него восстали Апулия и Калабрия, две области, еще служившие тогда империи. Отправив большую часть войск на Восток и не сумев набрать [нового] необходимого по численности войска, император сначала обратился к ним с просьбой – добровольно вернуться к прежней верности [империи]. Когда же те отказались, сказав, что никогда не сделают этого, он в ярости тотчас же обратился к королю Африки, предлагая ему [щедрое] вознаграждение, если тот с помощью своей доблести подчинит ему Апулию и Калабрию. Король Африки, идя навстречу посольству, отправил на судах в Калабрию и Апулию огромное войско и путем величайшего насилия подчинил обе эти области власти императора. Но, уйдя по прошествии определенного времени из этих областей, [сарацины] обратили свой взор на Рим, сделали гору Гарильяно своим опорным пунктом, напали и силой овладели многими весьма укрепленными городами.

XLVI. Господь наш Иисус Христос, единовечный и единосущный Отцу и Святому Духу, чьим милосердием полна вся земля⁷³, желает, чтобы ни один человек не погиб, но чтобы все спаслись и пришли к познанию истины, дабы не погибнуть; один Бог предвидел это и до сотворения мира, и после сотворения всего, когда создал Он человека, как господина над всеми тварями и правителя, и когда выкупил его в конце времени пролитием собственной крови тот истинный человек и истинный Бог, – не двое, но один, – и одних привлек к любви своей и радости собственной отчизны благодеяниями, а других вынудил к этому страхом, но не ради себя, – ибо ни добро наше не служит Ему к прибыли, как свидетельствует пророк, говоря: *«ибо не нуждаешься в наших милостях»*⁷⁴, ни зло наше не может причинить Ему вреда, – но ради нашей пользы. И вот, поскольку благодеяния Его мы презрели, Ему было угодно на время наказать нас такого рода ужасом. Но, чтобы сарацины не издевались слишком долго и не говорили: *«Где же Бог их?»*⁷⁵, Бог обратил сердца христиан так, что им более хотелось сражаться, чем как прежде бежать.

XLVII. В это время верховным понтификом достопочтенного римского престола был Иоанн Равеннский⁷⁶. Эту высшую духовную должность получил он, нечестиво поправ и человеческие, и божеские законы, следующим образом.

XLVIII. Городом Римом тогда управляла как мужчина, – стыдно и сказать, – бесстыдная блудница Теодора⁷⁷, бабка того Альберика⁷⁸, что недавно умер. Она имела 2-х дочерей – Мароцию⁷⁹ и Теодору⁸⁰, не только подобных ей во всем, но и еще более склонных к разврату. Из них Мароция родила преступным образом от папы Сергия, о котором мы упоминали выше⁸¹, Иоанна⁸², после смерти Иоанна Равеннского получившего должность в Римской церкви, а от маркграфы Альберика⁸³ – Альберика, позже, уже в наше время, захватившего верховную власть над городом Римом. В это же время Равеннский престол, – архиепископ Равенны считался вторым по значению после Римского архиерея, – занимал первосвященник Петр⁸⁴. По долгу службы он весьма часто посылал в Рим к апостольскому владыке названного папу Иоанна, бывшего тогда служителем его церкви; Теодору, бесстыднейшая, как я говорил, блудница, пылая любовной страстью, прельстилась красотой его лица и не просто желала вступить с ним в связь, а и принудила его позже к этому. Пока совершались эти бесстыдства, умер епископ Болонской церкви, и Иоанн был избран на его место. Чуть позже, перед самым днем его рукоположения, умер названный архиепископ Равенны; тогда по наущению Теодоры этот Иоанн, разжигаемый честолюбием, оставил прежнюю Болонскую церковь и вопреки установлениям святых отцов захватил его место. Придя в Рим, он тотчас же был рукоположен в епископы Равеннской церкви. А по прошествии малого времени, будучи призван Богом, умер тот папа, который рукоположил его вопреки праву. Тогда-то извращенный ум Теодоры, подобный уму Глицерии⁸⁵, не имея сил терпеть, что ее любовник из-за расстояния в 200 миль, отделяющего Равенну от Рима, очень редко теперь владеет ею, заставил [Иоанна] оставить архиепископство в Равенне и – о ужас! – овладеть верховным понтификатом в Риме. Итак, когда он был таким образом поставлен наместником святых апостолов, пуны, как я уже говорил, достойным жалости образом опустошили Беневент и римские города.

XLIX. Между тем случилось, что некий пунийский юноша, раздраженный несправедливостью, покинул пунов, пришел к этому папе Иоанну и, вдохновленный божественным пылом, обратился к нему с такой речью: «Если бы ты, великий священник, был мудр, то не позволил бы пунам так тяжко разорять народ и землю, тебе подвластную. Выбери подвижных, быстроногих юношей, которые беспрекословно слушались бы меня, как своего повелителя, наставника и господина. И я не позволю, чтобы они имели с собой более одного щита, одного копья и меча, а также что-нибудь еще сверх простой одежды и малого количества пищи».

L. Наконец, когда 60 [юношей] были отобраны и переданы ему, он выступил против пунов, спрятавшись на узкой тропе, по которой те должны были пройти. И вот, когда пуны, в очередной раз ограбив окрестности, возвращались назад, они внезапно, с громким криком выскочив из засады, перебили их тем легче, чем менее те этого ожидали. Крик из уст и удар от руки следовали друг за другом. И, прежде чем пуны смогли понять, что же произошло, их тела были утыканы копьями. Слух

об этом деле и подобный способ борьбы воодушевили многих римлян, после чего они истребили пунов во многих местах; африканцы, ослабленные в результате столь мудрого образа действий, разорвали договоры и, бросив города, оставили себе в качестве укрепления только гору Гарильяно.

II. Когда Иоанн стал, как мы сказали, папой, весьма славился Ландольф⁸⁶, князь беневентцев и капуанцев, деятельный и знающий военное дело муж. После того, как пунийцы немало потрясли саму основу государства, папа Иоанн обратился к Ландольфу, этому славному князю, за советом – что нужно сделать, чтобы [прекратить] безобразия африканцев. Услышав об этом, князь через послов передал папе следующее: «Дело это, духовный отец, надлежит основательно обдумать. Отправь [послов] к аргосскому⁸⁷ императору, землю которого, лежащую по ту сторону моря, они так же, как и нашу, не перестают опустошать. Пригласи к нам на помощь камеринцев и сполетцев; тогда и начнем с Божьей помощью активную с ними войну. Если мы победим, то да будет победа приписана Богу, а не нашей численности; если же победят пуны, то пусть припишут [поражение] нашим грехам, но не нашей пассивности».

III. Услышав это, папа тотчас же отправил послов в Константинополь со смиренной просьбой к императору оказать ему содействие. Император же, будучи святейшим и богобоязненным мужем, без промедления отправил к нему на судах войска. Когда они поднимались по реке к Гарильяно, туда явился также папа Иоанн, вместе с могучим князем беневентцев Ландольфом, камеринцами и сполетцами. И произошла между ними страшная битва. Пуны же, заметив, что перевес на стороне христиан, бежали на вершину горы Гарильяно, стараясь защищать теперь лишь узкие тропы.

III. С той стороны, где подъем был более труден, пунам же для бегства весьма удобен, греки в тот же день построили укрепление, находясь в котором, следили за тем, чтобы пуны не убежали и, ежедневно вступая с ними в бой, перебили немалое их количество.

LIV. Итак, в результате ежедневных боев греков и латинов, по милости Божьей не осталось ни одного пунийца, который бы не погиб от меча или не был тотчас же взят в плен. В этой битве благочестивые верующие видели святейших апостолов Петра и Павла, чьим молитвам, как мы верим, христиане обязаны тому, что пуны бежали, а сами они одержали победу.

LV. В это время умер Адальберт⁸⁸, могущественный маркграф Тосканы, и сын его Видо⁸⁹ был утвержден королем Беренгаром в отцовской должности маркграфа. Берта же, жена [Адальберта], обладала и после смерти супруга, при своем сыне Видо, не меньшей властью, чем ее [покойный] муж. Хитростью, дарами и любовными интригами сделала она многих верными себе. Потому-то и вышло, что когда вскоре Беренгар схватил ее вместе с сыном и поместил в Мантуе под стражу, она не отдала королю Беренгару ни городов своих, ни замков, но все это удержала, а чуть позже и сама вместе с сыном освободилась из-под стражи.

LVI. Она, как говорят, родила от своего мужа трех детей: Видо, о котором мы уже сказали, Ламберта⁹⁰, который и теперь еще живет лишенный зрения, и дочь

Ирмгарду⁹¹, подобную ей в разврате, которую она соединила узами брака с Адальбертом, маркграфом города Ивреи, после того, как умерла его жена Гизела, бывшая дочерью одного короля Беренгара и матерью другого. Ирмгарда родила ему сына по имени Анскарый, о доблести и мужестве которого поведает следующая книга⁹².

LVII. В те времена против короля Беренгара восстали: тот самый Адальберт, зять короля и маркграф города Ивреи, пфальцграф Одельрик⁹³, бывший родом из Швабии, а также Гизельберт⁹⁴, весьма богатый и деятельный граф, Ламберт⁹⁵, архиепископ Милана, и некоторые другие итальянские князья. Причиной же их мятежа было следующее. Когда Ламберт после смерти своего предшественника должен был стать архиепископом Милана, король Беренгар потребовал от него, вопреки установлениям святых отцов, немалую денежную сумму, а затем, по получении им денег, велел вписать в книги, сколько должны получить кубикюлярии, а также гостиарии, павонарии⁹⁶ и смотрители живности. Тем не менее, Ламберт, охваченный страстной любовью к сану архиепископа, заплатил столько, сколько потребовал от него король; из этого тебе станет ясно все то, о чем будет поведено ниже.

LVIII. Пфальцграфа Одельрика, о котором мы упомянули выше, король Беренгар держал тогда в плену. Поставив Ламберта архиепископом, он поручил ему Одельрика, пока сам не решит, как с ним поступить. А тот, не забыв о больших деньгах, уплаченных им за епископство, стал вместе с пленником обсуждать план восстания против короля.

LIX. По прошествии немногих дней король Беренгар, отправив послов, приказал доставить к нему Одельрика. Но Ламберт не побоялся дать послам такого рода иронический ответ: «Я должен буду лишиться своей пастырской должности, если выдам кого-нибудь на казнь в чьи-то руки». Послы, поняв, что он открыто восстал [против короля], узнали к тому же, что [Ламберт] без разрешения короля отпустил переданного ему последним [пленника]. Сейчас же вернувшись к королю, они [привели] ему вместо ответа строку из Теренция: «Вот кому доверьте порученье! Позаботится!»⁹⁷.

LX. В это время прегордыми бургундцами правил король Рудольф⁹⁸. Свою власть он еще больше увеличил тем, что женился на Берте⁹⁹, дочери Бурхарда, могущественного герцога Швабии. Итак, итальянцы, отправив послов, просили его прийти к ним и изгнать Беренгара.

LXI. Пока все это происходило, случилось, что венгры, два короля которых – Дурсак и Бугат – были лучшими друзьями Беренгара, подошли к Вероне, не будучи никем замечены. И вот, пока маркграф Адальберт, пфальцграф Одельрик, а также граф Гизельберт и многие другие обсуждали на горе у города Брешии, отстоящей от Вероны на 50 миль, план низложения Беренгара, тот обратился к венграм с просьбой, если они его любят, напасть на его врагов. Они же, будучи весьма кровожадны и воинственны, поспешно взяв у Беренгара проводника, зашли к мятежникам с тыла по неведомым тропам и набросились на них с такой скоростью, что у тех не было времени ни надеть доспехи, ни взяться за оружие. Многие были взяты в плен, многие убиты; тогда же погиб, мужественно защищаясь, пфальцграф Одельрик, а маркграф Адальберт и Гизельберт были живыми взяты в плен¹⁰⁰.

LXII. Однако Адальберт, – он не был героем, но был весьма ловким и хитрым мужем, – увидев, что венгры атакуют со всех сторон и нет никакой надежды на бегство, сбросил перевязь, золотые браслеты и все свое дорогое одеяние и облачился в дешевые одежды своего вассала, чтобы венгры не догадались – кто он. А когда его схватили и стали спрашивать – кто он такой, Адальберт ответил, что он – вассал некоего рыцаря. И просил, чтобы его отвели в соседний замок под названием Кальцинария¹⁰¹, где якобы живут его родичи, которые и дадут за него выкуп. Будучи отведен туда, – его так и не узнали, – он был выкуплен за очень малую сумму. Выкупил же Адальберта его собственный вассал по имени Лев.

LXIII. Гизельберт же был узнан, избит, связан и полунагой доставлен к королю Беренгару. И вот, будучи приведен к нему без штанов, одетый в одну лишь короткую рубаху, он, тотчас бросившись королю в ноги, нечаянно открыл свои гениталии так, что все едва не умерли от смеха¹⁰². Король же, любя благочестие, оказал ему милосердие, которого тот не заслуживал, не воздав злом за зло¹⁰³, как того желал народ, но тотчас же, омыв и одев в лучшие одежды, разрешил ему уйти. И сказал ему: «Я не требую от тебя никакой присяги, но уверяю тебя твоей собственной совестью; если ты сделаешь против меня что-то дурное, то дашь в том отчет Богу»¹⁰⁴.

LXIV. Вернувшись домой, он забыл оказанные ему благодеяния и по поручению Адальберта, зятя короля, и прочих участников мятежа отправился к Рудольфу добиваться его прибытия. И 30 дней не прошло, как Гизельберт, выступив в путь, побудил короля прийти в Италию. Принятый всеми, он из всего королевства оставил Беренгару одну только Верону, после чего полновластно правил Италией в течение трех лет.

LXV. Однако, если сам человек в течение 12 часов то нравится себе, то не нравится, то ценит себя, то с презрением отвергает, как может он быть постоянно и в равной мере угоден всем? Итак, по истечении трех лет король Рудольф одним попрежнему был угоден, а другим стал казаться в тягость. Потому-то и вышло, что одна часть народа в королевстве встала на сторону Рудольфа, а другая – на сторону Беренгара¹⁰⁵. [Сторонники обоих] готовились к серьезной гражданской войне; и поскольку Видо, епископ города Пьяченцы, был сторонником Беренгара, они вступили в битву в 12 милях от Пьяченцы, возле Флорентиола¹⁰⁶.

И вот, жестокое, несчастное сраженье
Средь граждан началось, – о ужас!
Дней за 16 до календ секстилия
Пока лучи Феб испускает,
Марс громко в рог трубит военный,
Отец готовит сыну гибель,
А тот – отцу, что за несчастье?!
Вот смерть готовит внуку дед
От рук его же погибая;
И мрачной Фурией гонимый
Вдруг поражает брата брат.
Сам Беренгар король поспешно

Врывается во вражье войско.
 Подобно молнии с небес,
 Как злобное созвездье Рака
 Косит серпом овса колосья,
 Так и другой король Рудольф,
 Отнюдь не дикий, не жестокий,
 Косит мечом простой народец.

LXVI. Король Рудольф выдал свою сестру Вальдраду, – эта славная красотой и мудростью женщина и ныне жива, – замуж за могущественного графа Бонифация¹⁰⁷, который позже, уже в наше время, стал маркграфом Камерино и Сполето. Собрав многочисленное войско, Бонифаций вместе с графом Гариардом¹⁰⁸ пришел на помощь к Рудольфу и, будучи мужем одновременно и хитрым, и отважным, предпочел вместе со своими людьми ожидать, сидя в засаде, исхода битвы, нежели принять на себя ее первый натиск. Только когда уже почти все воины Рудольфа бежали, а Беренгар, дав знак о победе, велел воинам собирать добычу, Бонифаций вместе с Гариардом внезапно выскочили из засады и тем легче [разбили врагов], чем менее те этого ожидали. Гариард пощадил некоторых, разя их не мечом, а копьем; Бонифаций же, никого не щадя, учинил страшное побоище. Итак, Бонифаций протрубил о своей победе; собрались бежавшие сторонники Рудольфа и, начав преследование, обратили в бегство сторонников Беренгара. Сам же Беренгар отправился в своё хорошо известное убежище в Вероне. И так много было убитых в этой битве, что и сегодня ощущается недостаток в рыцарях.

LXVII. Свершив это, король Рудольф силой подчинил себе королевство и, поспешно придя в Павию, сказал всем собравшимся здесь следующее: «Теперь, когда благодаря щедрому дару Всевышнего мне удалось, победив врагов, овладеть королевским престолом, я хочу, вверив королевство Италию вашей верности, посетить старое свое отечество – Бургундию». А итальянцы в ответ: «Если тебе, – говорят, – это кажется наилучшим, то мы все – к твоим услугам».

LXVIII. Итак, после ухода короля Рудольфа жители Вероны, следуя дурному совету, стали покушаться на жизнь Беренгара, что не укрылось от последнего. Виновником и исполнителем столь гнусного преступления был некий Фламберт¹⁰⁹, которого король сделал своим кумом, восприяв из святой купели его сына. За день до того, как все открылось, он велел Фламберту прийти к нему. И сказал ему следующее:

LXIX. «Если бы у тебя не было многих, причем веских причин любить меня, то можно было бы поверить тому, что о тебе говорят. Говорят же, что ты покушаешься на мою жизнь; но я не верю этому. Я лишь хочу, чтобы ты помнил, что все доставшиеся тебе богатства, достаток и почести ты не смог бы получить без моего содействия. А потому расположение твое к нам должно быть таким, чтобы достоинство наше могло прочно полагаться на верность твою и любовь. Полагаю, что никому собственное благо и счастье не были ближе, чем мне твоя честь. К этому были направлены все старания мои, труды, заботы и усилия, а также помыслы [жителей] этого города. Знай одно: если я удостоверюсь, что ты по-прежнему мне

верен, не столь дорого будет мне собственное благо, сколь отрадна возможность отблагодарить тебя за это».

LXX. Сказав это, король протянул ему золотой, немалого веса кубок, прибавив: «Из любви ко мне и за мое здоровье выпей то, что в нем, а его оставь себе». Истинно и несомненно, что когда он выпил этот напиток, в него вошел Сатана, как и про Иуду, предателя Господа нашего Иисуса Христа, написано, что «*после сего куска вошел в него Сатана*»¹¹⁰.

LXXI. И вот, забыв о прошлых и нынешних благодеяниях [Беренгара], провел он эту бессонную ночь, склоняя народ к убийству короля. Король же, как обычно, проводил ночь не во дворце, где мог бы защищаться, а возле церкви, в некоей весьма красивой беседке. Даже стражников этой ночью он не поставил, ибо не ожидал ничего дурного.

Вот раздается поначалу
Крик петуха, будя всех
Смертных, и, как обычно,
Песню Богу поет, звеня,
Глас колокольный;
Он приглашает, поучая,
Отринув сон,
Воздать хвалу Тому, который,
Дав жизнь, нам указал возможность
Искать небесную отчизну;
И вот король заходит в церковь
И славу Господу поет.
Туда же Фламберт устремился,
Ведя с собой толпу народа,
Чтобы убить там короля.
Король, не ведая дурного,
Услышав шум, спешит без страха
Увидеть, что там происходит;
И видит воинов с оружием.
Кричит он Фламберту тогда:
«Что, добрый муж, здесь
За толпа? Чего желает
Народ с оружием в руках?».
Тот отвечает: «Ты не бойся.
Не для того пришел он, чтобы
Тебя убить, но лишь желает
Сразиться с теми, кто стремится
Тебя и дух твой погубить».
Обманут этими речами,
Спешит король среди них укрыться,
Но схвачен будучи коварно,

Он уведен, и в тыл наносит
Удар ему тот нечестивый Рамфей;
И пал тогда благочестивый,
Вручая Господу свой дух!¹¹¹

LXXII. Наконец, на ту невинную кровь, что они пролили, на то преступление, что совершили эти злодеи, если даже мы умолчим, укажет камень, положенный у ворот той церкви, открыто показывая эту кровь всем проходящим мимо. Как ни терли, как ни брызгали его водой, кровь так и не удалось с него смыть.

LXXIII. Король Беренгар воспитал, как родного, некоего юношу, скорее героя, по имени Мило, достойного как похвалы, так и доброй памяти. Если бы король последовал его совету, то не испытал бы столь злой судьбы, – если только божественное провидение не решило бы, что иначе и быть не может. Ведь той ночью, когда был обманут король Беренгар, Мило, призвав войска, хотел приставить к нему ночную стражу. Но король, обманутый обещаниями Фламберта, не только не желал, чтобы Мило его охранял, но и прямо запретил ему это делать. Итак, Мило, как муж верный и честный, не забывший оказанных ему королем милостей, не сумев его защитить, – ибо отсутствовал, – постарался по крайней мере жестоко за него отомстить. На 3-й день после смерти короля, он, силой захватив Фламберта и сообщников его в столь гнусном преступлении, приказал их повесить. Этот муж обладал рядом прекрасных достоинств, о которых я, если по милости Божьей буду жив, не умолчу в соответствующих местах.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КНИГА ВТОРАЯ АНТАПОДОСИСА

КНИГА ТРЕТЬЯ

НАЧИНАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

- I. О заглавии этого труда; почему он называется Антаподосис.
- II. О том, как по смерти Беренгара и уходе Рудольфа из Италии венгры опустошили Италию.
- III. Описание достойного плача сожжения Павии, изложенное в стихах.
- IV. О том, как меч Божий не до конца сокрушил Павию, но благодаря своему милосердию чудесным образом спас ее от венгров.
- V. О том, как город был спасен благодаря заслугам блаженного Сира, его покровителя.
- VI. О том, как блаженный Сир, придя в Павию, пророчествуя, предсказал ее процветание и падение Аквилеи.
- VII. Почему Ирмгарда после смерти своего мужа Адальберта обладала такой властью.
- VIII. Вскоре после того, как Рудольф возвращается из Бургундии, Ирмгарда поднимает против него мятеж и вместе с итальянцами обороняет Павию.
- IX. Король Рудольф с войском подступает к Павии.
- X. О том, как благодаря коварству Ирмгарды Рудольф бросил ночью своих и бежал к ней.
- XI. О том, как, узнав утром об этом деле, воины Рудольфа бежали в Милан.
- XII. Итальянцы посылают за Гуго.
- XIII. Рудольф вторично отправляется в Бургундию и приглашает к себе на помощь своего тестя Бурхарда.
- XIV. По какой причине Бурхард отправился в Милан, и почему, с почетом его приняв, сговариваются о его смерти.
- XV. Бурхард, покинув Милан, прибывает в Новару, где итальянцы убивают его вместе со всеми его людьми.
- XVI. После смерти Бурхарда Рудольф бежит в Бургундию, а Гуго по Тирренскому морю прибывает в Италию.
- XVII. Некоторые итальянцы поспешили в Пизу ему навстречу, куда пришли также послы от папы Иоанна, по приглашению которого [Гуго] отправляется в Павию и становится королем.
- XVIII. О Видо, брате короля Гуго, который тогда владел Тосканой и взял в жены римскую блудницу Мароцию.
- XIX. О многих достоинствах короля Гуго, которые затмило его сладострастие.

- XX. О том, что король Гуго имел тогда 2-х сыновей.
- XXI. О том, что король Гуго приобрел дружбу короля Генриха.
- XXII. Кого король отправил послом в Константинополь к императору Роману.
- XXIII. О 2-х собаках, отправленных к императору, которые хотели его растерзать.
- XXIV. По какой причине посол короля Гуго был удивительно славно принят императором.
- XXV. О диком льве, которого убил Роман.
- XXVI. Как Роман был назначен сперва друнгарием, а затем – василеопатером.
- XXVII. Доместик Фока, сражаясь с болгарским царем Симеоном, добровольно бежал, когда услышал, что Роман стал отцом василевса.
- XXVIII. О том, как Фока, придя в Константинополь, был схвачен Романом и ослеплен.
- XXIX. О Симеоне, болгарском царе, который прежде был монахом, а затем стал царем.
- XXX. О Романе, который дал императору Константину в жены свою дочь Елену.
- XXXI. Почему императоры имеют прозвище «Порфирогенет».
- XXXII. О том, как Василий, убив своего государя, императора Михаила, сам стал императором.
- XXXIII. О том, как Господь наш Иисус Христос посредством видения устранил Василия, [напомнив ему] о смерти Михаила.
- XXXIV. О раскаянии Василия и о церкви прекрасной работы, построенной им в знак покаяния.
- XXXV. О том, как Роман обратился с речью к знати и из василеопатора стал императором.
- XXXVI. О том, что Роман происходил из низкого рода.
- XXXVII. Роман делает императором своего сына Христофора, незаконно ставя его над Константином, своим государем.
- XXXVIII. О том, как между императором Романом и Симеоном был заключен мир.
- XXXIX. О Вальперте и Гецо Павийских, поднявших мятеж против короля Гуго.
- XL. О том, как они были укрошены, обманутые королевским посольством.
- XLI. Чуть позже Вальперт лишается головы, а Гецо – зрения.
- XLII. О епископе Ильдуине и монахе Ратере, из которых Ильдуин был назначен королем Гуго архиепископом Милана, а Ратер – епископом Вероны.
- XLIII. О том, как папа Иоанн был схвачен, брошен под стражу и там умер, о том, кого рукоположили после него, а также о смерти Видо и назначении маркграфом Ламберта.
- XLIV. Мароция приглашает короля Гуго вступить в брак.
- XLV. Об укреплении, расположенном при входе в город Рим, где был принят король Гуго и откуда он чуть позже с позором был изгнан Альбериком.
- XLVI. О том, что это случилось по Божьему промыслу.

XLVII. О том, как и почему король Гуго схватил и ослепил, следуя совету брата Бозо, Ламберта, другого своего брата, отдав Бозо его марку.

XLVIII. Король Гуго принимает клятву от короля Рудольфа и подарками приобретает дружбу короля Генриха.

XLIX. Арнульф, герцог Баварии, устремляется по призыву графа Мило и епископа Ратера в Италию, а король Гуго спешит ему навстречу.

L. О баварах, перебитых воинами короля Гуго.

LI. Почему Мило оставил Арнульфа и пришел к королю Гуго.

LII. Арнульф захватывает крепость в Вероне и возвращается в Баварию.

LIII. О возвращении Вероны королю Гуго, о пленении епископа Ратера и о книге, написанной им довольно искусно.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ТРЕТЬЯ

I. Не сомневаюсь, святейший отец¹, что тебя немало удивляет название этого труда. Возможно, ты скажешь: «Если он повествует о деяниях знаменитых мужей, почему дано ему название *Ανταπόδοσις*, антаподосис?». На это я отвечаю: Труд сей имеет своим назначением отметить, показать и прокричать [на весь мир] о деяниях того Беренгара², который не правит ныне, но тиранствует в Италии, а также жены его Виллы³, достойной имени 2-й Иезавели⁴ за безмерность ее злодеяний и Ламии⁴ – за ненасытную страсть к грабегам. Ведь столько стрел лжи, столько разорительных утеснений и нечестивого рвения выказали они безо всякой на то причины против меня, моего дома, рода и семьи, что ни языком сказать, ни пером описать невозможно. Так пусть же послужат им эти страницы антаподосисом, то есть воздаянием, когда за свои страдания открою я нынешним и будущим поколениям их τῆν ἀσέβειαν, асевичан, то есть их нечестие. Пусть будет он также антаподосисом святейшим и счастливым мужам, оказавшим мне различные благодеяния. Из упомянутых же мною людей или тех, кого я еще только собираюсь упомянуть, нет или почти нет никого, исключая одного нечестивого Беренгара, кому я или родители мои не были бы горячо благодарны за их благодеяния. Наконец-то, что книжица эта написана *ἐν τῇ ἐχθραλοσίᾳ*, эн ти эхмалосия, то есть в плену или, вернее, на чужбине, свидетельствует о нынешнем моем изгнании. Начал я ее во Франкфурте – месте, отстоящем на 20 миль от Майнца, и продолжаю писать на острове Паксу⁶, удаленном от Константинополя примерно на 900 миль. Но вернемся к теме.

II. После смерти Беренгара⁷ и в отсутствие Рудольфа грабежи венгров во главе с Салардом распространились по всей Италии; дошло до того, что они окружили стены города Павии валом и, разбив вокруг нее палатки, закрыли гражданам вход и выход. Последние, из-за грехов своих, не могли ни оказать им сопротивление, ни смягчить дарами.

III. Вот светлый Феб, от знака Водолея удаляясь,
 Вновь восходить к созвездию Зодиака начинает.
 И растоплять снега, лежащие на горных склонах,
 Эол⁸ свои 4 ветра отправляет,
 Когда рука неистовая венгров
 Бросает, радуясь, огонь на город,
 Воспользовавшись ветрами Эола.
 Благодаря тех ветров дуновенью
 Из малой искры возгорелось пламя.
 Но мало венграм лишь огнем губить людей тех,
 Со всех сторон стекаясь, они не только угрожают смертью,
 Но протыкают копьями тех, которых испугало пламя.
 И Павия несчастная, а некогда прекрасная горит.
 Вулкан, вздымая языки благодаря тем ветрам,
 И церкви, и отечество сжигает.
 И гибнут матери, и дети, и девицы.
 И гибнет толпами святой и в вере славный люд.
 Святой подвижник, города епископ погибает,
 Чье имя Иоанн, что значит «добрый».
 То золото, что время долгое хранилось в сундуках,
 Везде лежит, открытое преступным взорам,
 Огнем рассыпано по многочисленным клоакам.
 И Павия несчастная, а некогда прекрасная горит!
 Ты видишь – реки серебра и чаши жертвенные здесь лежат, блистая,
 Тела сожженные прекраснейших мужей.
 Яшмы богатство здесь, зеленые топазы,
 С презрением отвергнуты сапфиры и берилл.
 И к золоту уже не обращает лицо свое достойный ювелир.
 И Павия несчастная, а некогда прекрасная горит!
 Тицин прозрачный кораблей без счета
 Не смог спасти богатством своих вод.
 Сгорела так несчастная, а некогда прекраснейшая Павия

в 924 г. от воплощения Господня, 12 марта, 12 индикта, в пятницу, в 3-м часу.
 Я умоляю вас и каждого, кто прочтет эти строки, милосердно почтить память тех,
 кто сгорел там.

IV. Все же меч милостивейшего и всемогущего Господа, о милосердии и правосудии которого поет пророк и милосердием которого полнится земля, не разрушил ее до конца. Ведь, несмотря на то, что из-за заслуженных нами грехов она и была сожжена, зато не попала в руки врагов. Так исполнилось то, о чем поет царь и пророк: *«Неужели навсегда отринул Господь, и не будет более благоволить? Неужели навсегда престала милость Его из рода в род? Неужели Бог забыл милость? Неужели во гневе затворил щедроты Свои?»*⁹. А вот как обращается к Нему другой пророк: *«Когда будешь во гневе, вспомни о милости»*¹⁰. Уцелевшие жители, оказав венграм

отважное сопротивление, с радостью пели вместе с пророком: «*Вот оно – изменение десницы Всевышнего*»¹¹.

V. Великую помощь и содействие этому оказало славное вмешательство святейшего отца нашего и славного учителя – блаженного Сира, чьи останки покоятся в названном городе. Истинным оказалось его пророчество, согласно которому «названный город Павия падет, пораженный, но милостиво будет спасен Господом». Отправленный ради проповеди блаженным Гермагором, учеником евангелиста Марка, пришел блаженнейший отец в Павию и, вдохновленный пророческим даром, почтил ее такого рода предсказанием:

VI. «Возрадуйся, город Павия, ибо придет к тебе радость с гор чужеземных. Не малым, но самым богатым будешь ты названа среди городов сопредельных». И, чтобы дать больше веры этому пророчеству, он в тот же час сообщил и о падении небезызвестного города Аквилеи в таких словах: «Горе тебе, Аквилея, ибо попадешь ты в руки нечестивцев, будешь разрушена и не восстанешь вовек!». Всем известно, что так и случилось. Ведь Аквилея, некогда очень богатый и многолюдный город, была взята и до основания разрушена¹² нечестивейшим королем гуннов Атгилой¹³, чтобы более, – как видим мы ныне, – уже не подняться. Павию же, как сказал святейший муж, мы и видим, и называем богатым городом; не только соседние, но и отдаленные города превосходит она своими богатствами. Что поминать другие, когда сам знаменитый, известный всему миру Рим уступил бы ей место, если бы не обладал драгоценными телами блаженнейших апостолов. Из этого ясно, что именно вмешательство патрона нашего – блаженнейшего Сира, почтившего Павию столь истинным и дорогим пророчеством, спасло ее. Наконец, предав огню Павию и собрав по всей Италии немалую добычу, венгры возвратились восвояси¹⁴.

VII. В это время, после смерти Адальберта¹⁵, маркграфа города Ивреи, его жена Ирмгарда, дочь Адальберта, могущественного маркграфа Тосканы, и Берты, получила власть над всей Италией. Причиной же ее власти было то, что она, – стыдно и сказать, – вступала в плотские связи со всеми, не только со знатью, но и с простолюдными.

VIII. Примерно в то же время король Рудольф, вернувшись из Бургундии, вступил в Италию и после смерти Беренгара опять овладел королевством. Но уже через несколько дней итальянцы начали ссориться друг с другом. Столь сильное волнение было вызвано из-за слабости плоти красотой Ирмгарды, ибо одним она дарила свою любовь, а другим в ней отказывала. Потому и случилось, что могущественный архиепископ Милана и некоторые другие стояли на стороне короля Рудольфа; с Ирмгардой же было так много мятежников, что они сумели не впустить короля в саму столицу королевства – Павию.

IX. И случилось, что король Рудольф, собрав войска, приступил к Павии, разбив лагерь в миле от города, в месте, где сливаются Тицин и та великая река По, о которой Марон поет следующее: «Царь всех рек Эридан»¹⁶, а также: «О, рогатый поток, владыка вод гесперийских»¹⁷. И вот, ночью Ирмгарда, будучи женщиной коварной, отправила королю Рудольфу через названную реку такого рода послание:

X. «Если бы я хотела тебя погубить, ты бы давно уже был мертв. Ведь будь на то моя воля, все твои люди поспешно бросили бы тебя и перешли ко мне. В этих местах ты был бы уже побежден и схвачен, если бы я последовала их советам». Король не только поверил этому посольству, но и пришел в ужас; отпустив послов, он передал, что сделает все, что она ему советует. Не медля, уже следующей ночью король Рудольф оставил все – палатку, приготовленное ложе, втайне от стражей сел в лодку и, бросив своих людей, как можно быстрее поспешил к Ирмгарде.

XI. Итак, когда наступило утро, королевские вассалы в глубоком молчании столпились вокруг его палатки. Вскоре среди пришедшей знати возникло немалое удивление – почему король вопреки обыкновению спит так долго. Они попытались разбудить его шумом, как некогда евнухи – Олоферна, но, как и последние, не получили никакого ответа. Наконец, войдя в палатку и никого там не найдя, одни закричали, что короля схватили, другие – что он убит. Но никто и мысли допустить не мог, что он сбежал. Пока они, удивленные, не знали, что делать, пришел посол, сообщив, что король Рудольф вместе с врагами желает на них напасть. Пораженные ужасом, они с такой скоростью обратились в бегство, что если бы ты мог их видеть, то сказал бы, что они не бегут, но летят.

XII. Достигнув Милана, как места вполне безопасного, архиепископ Ламберт с общего согласия обратился к Гуго¹⁸, могущественному и мудрейшему графу Прованса, с просьбой – прийти в Италию, отобрать королевство у Рудольфа и самому овладеть им. Ведь он и сам давно уже по многим соображениям пытался овладеть Итальянским королевством. Так, во времена названного короля Беренгара он приходил в Италию с сильным войском; но, так как время царствовать ему тогда еще не пришло, он был устрaшен Беренгаром и обращен в бегство.

XIII. Наконец Рудольф, не сумев из-за неверности своих людей одолеть выше-названных врагов, отправился в Бургундию и просил герцога Швабии Бурхарда¹⁹, на дочери которого был женат, прийти ему на помощь. Тот, собрав войска, немедленно отправился в Италию вместе с Рудольфом. Достигнув Ивреи, Бурхард обратился к Рудольфу с таким предложением:

XIV. «Мне кажется, не глупо было бы, если бы я сам под предлогом посольства отправился в Милан. Ведь в этом случае я смог бы осмотреть город и разведать их настроение». Отправившись в путь и уже достигнув Милана, он, прежде чем вступить в город, свернул ради молитвы к церкви блаженного и драгоценного мученика Лаврентия; но, как говорят, не столько ради молитвы, сколько ради иного дела. Ведь поскольку эта удивительной и дорогой работы церковь располагалась вблизи города, он, как рассказывают, хотел построить там укрепление, посредством которого собирался держать в узде не только миланцев, но и многих других князей Италии. Покинув ее и проезжая верхом вдоль городских стен, он на родном, то есть немецком, языке сказал своим людям следующее: «Если я не сделаю так, что все итальянцы будут иметь только по одной шпоре и будут ездить на гнусных клячах, то я – не Бурхард; крепость и высоту их стен, посредством которых они надеются защитить себя, я ни во что не ставлю; ударом своего копья я замертво сброшу со стен своих врагов». Он говорил так потому, что полагал, будто никто из его врагов

там не понимает его языка. Однако к несчастью для него там стоял некий презренный оборванец, который знал немецкий язык и тотчас же сообщил архиепископу Ламберту обо всем услышанном. Тот, будучи человеком умным, не отвернулся от Бурхарда, но, затаив в душе зло, принял его и оказал великую честь; так, среди прочего, как знак своей любви, он дал ему право охотиться на оленя в своих угодьях, чего никому не разрешал, кроме самых близких и преданных друзей. В то же время Ламберт побуждал всех жителей Павии и некоторых других князей Италии убить Бурхарда, удерживая последнего до тех пор, пока все те, кто должен был его убить, не сумели, согласно его расчетам, собраться.

XV. Итак, случилось, что Бурхард, покинув Милан, в тот же день прибыл в Новару. Проведя там ночь, он встал на рассвете, чтобы продолжать путь в Иврею, как вдруг подвергся нападению многочисленного отряда итальянцев. Он, однако, не выступил против них, как следовало бы воинственному мужу, а тотчас же обратился в бегство. И, так как по словам блаженного Иова «нельзя перейти установленного ему предела»²⁰ и «ненадежен конь для спасения»²¹, конь, оступившись, сбросил его в ров, окружавший городские стены. Здесь, пронзенный копьями напавших на него авзонов, он сменил жизнь на смерть. Его люди, увидев это, поскольку ничего иного не могли, бежали в церковь святейшего исповедника Гауденция. Однако авзоны, возбужденные и озлобленные угрозами Бурхарда, взломали двери церкви и у самого алтаря поразили всех, кого там нашли.

XVI. Рудольф, услышав об этом, покинул Италию и поспешно вернулся в Бургундию. Пока все это имело место, Гуго, граф Арелата и Прованса, взошел на корабль и по Тирренскому морю поспешил в Италию. Итак, Бог, желавший, чтобы он правил в Италии, послав попутный ветер, в самый короткий срок привел его к Алфее, то есть Пизе – столице провинции Тосканы, о которой Марон говорит: «Искони алфейские Пизы»²².

XVII. По прибытии его в Пизу, туда же явился посол от римского папы, то есть Иоанна Равеннского. Прибыли также послы почти от всех итальянцев, всячески предлагая ему править ими. Он же, и сам издавна желая этого, поспешно прибыл в Павию и с общего согласия принял власть в свои руки. Через короткое время [Гуго] отправился в Мантую, где папа Иоанн, выйдя ему навстречу, заключил с ним договор.

XVIII. В это время, после смерти Берты, матери короля Гуго, сын ее Видо, которого она родила от Адальберта, как мы уже сообщали²³, владел Тосканской маркой, взяв себе в жены римскую блудницу Мароцию.

XIX. Король Гуго был не менее мудр, чем отважен, не менее храбр, чем хитер; он почитал Бога, любил любящих святую веру, заботился о нуждах бедных людей и пекся о церковном благополучии; людей, посвятивших себя религии и философии, он не только любил, но и весьма чтит. Однако все эти его блестящие достоинства перекрывала страсть к женщинам.

XX. Так, он взял себе в жены Альду из рода тевтонских франков, которая родила ему сына по имени Лотарь. Кроме него, от одной, весьма знатной женщины – Вандельмоды, он имел еще сына по имени Губерт²⁴, который и ныне жив, считается

могущественным князем в провинции Тоскана. Его деяния, если будет угодно Богу, будут изложены в соответствующем месте²⁵.

XXI. Итак, Гуго, став королем, стал, как мудрейший муж, рассылать послов по всем странам, дабы снискать дружбу многих королей и князей, но в особенности славнейшего короля Генриха²⁶, который, как мы упоминали выше, правил бава-рами, швабами, лотарингцами, франками и саксами. Он подчинил также многочисленный славянский народ, сделав его своим данником; [Генрих] был также первым, кто подчинил данов и заставил их себе служить; именно поэтому имя его сделалось славным у многих народов²⁷.

XXII. Итак, король Гуго, повсюду приобретая дружбу королей и князей, постарался сделать свое имя известным также отдаленным от нас ахейцам²⁸. Ими в то время правил достойный памяти и славы Роман²⁹, щедрый, человеколюбивый, мудрый и благочестивый император; [Гуго] отправил к нему послом моего отца, как человека испытанных нравов и весьма красноречивого³⁰.

XXIII. Прибыв туда, он среди прочих, отправленных королем Гуго подарков, привез императору Роману двух собак, каких в том отечестве никогда не видели. Будучи приведены к императору, они, если бы руки многих людей не удержали их, тотчас же разорвали бы его своими зубами. Я думаю, что [собаки], увидев императора, увенчанного по греческому обычаю теристрой³¹ и одетого в необычное платье, приняли его не за человека, а за чудище.

XXIV. Впрочем, император принял [моего отца] с великим почетом. Причем не столько из-за новизны дела или количества даров, сколько из-за того, что когда мой отец прибыл в Фессалонику, на него напали славяне из тех, что восстали против императора Романа и опустошали его землю. Причем, по Божьей милости случилось, что когда одни из них были убиты, двое славянских князей живыми были взяты в плен. Представив их императору, чья радость была безгранична, отец получил от него богатый подарок и, радостный, вернулся к королю Гуго, который его туда и отправил. Однако через несколько дней после своего возвращения отец заболел и, удалившись в монастырь, принял там святое монашеское облачение, в котором через 15 дней умер, отойдя к Господу и оставив меня малым ребенком. А теперь, поскольку речь зашла об императоре Романоу, то есть Романе, мне кажется не лишним рассказать о том, кто он такой и каким образом достиг вершин власти.

XXV. Когда правил Лев, отец того самого Константина, этот император Романоу, хоть и был πτοχός, птохос, то есть беден, тем не менее считался всеми χριστός, хрисимос, то есть весьма способным. Он был из тех незнатных людей³², которые получали от императора жалованье за службу во флоте. Постоянно проявляя εις την μάχην, ис тин махин, то есть в битвах, свои χρησιότατα, хрисимотата, то есть способности, он ετιχηθη, олос протокаравос, этимити опос протокаравос, то есть был почтен за это первенством, заслужив должность начальника флота. Однажды ночью, когда он отправился на разведку против сарацин, из тростника, – в том месте было болото, густо заросшее тростником, – вдруг выскочил лев и, загнав в болото стадо оленей, задрал одного из них, утолив тем самым свой голод. Ρομανος δὲ τὸν αὐτῶν ψόφον ἀκούων εδεδίλασεν σφόδρα, Романос де тон автон псофон акуон

эдилиасен сфодра, Роман же, услышав издаваемый ими шум, сильно испугался. Ведь он думал, что это отряд сарацин, которые, обнаружив его, хитростью хотят погубить. И вот, встав Ορθρου δὲ βαθεος, орфру де вафеос, то есть рано утром, он тщательным образом все осмотрел, а увидев следы, εὐθέως, эвфеос, то есть тотчас же, понял, что произошло. Итак, поскольку лев прятался в тростнике, Ρομανος, Роман приказал поджечь тростник со всех сторон, метнув в него греческий огонь, который нельзя погасить никакой жидкостью, кроме уксуса. Однако в тростнике была камышовая заросль, куда и бежал лев, спасшись тем самым от огня; дело в том, что ветер, подув с противоположной стороны, отклонил огонь и не дал ему добраться до этой заросли. Когда огонь погас, Роман, надеясь найти там кости или иные следы [зверя], всего с одним провожатым, неся в правой руке меч, а в левой – плащ, отправился осматривать все это место. Ничего не найдя, он уже собирался вернуться, когда заметил, что та заросль уцелела от огня, и решил узнать причину этого чуда. И вот, когда эти двое стояли, беседуя о чем-то друг с другом, лев их услышал, – услышал, ибо пара τῶ χαλῶ, пара то капно, то есть из-за дыма, разьевшего ему глаза, не мог видеть. Желая выместить на них ярость, причиненную огнем, лев, мгновенно прыгнув, бросился на то место, где слышал их голоса – прямо между ними. Роман, в отличие от провожатого, не испугавшись, но сохраняя хладнокровие, – ибо только если мир, распавшись, рухнет, чуждого страха сразят обломки³³, – бросил на лапы льва тот плащ, что нес в своей руке. Лев стал рвать его вместо человека, а Роман сзади изо всех сил вонзил свой меч ему в зад. Разрубив и расчленив кости таза, он лишил льва возможности стоять, после чего тот упал и издох. Итак, убив льва, Роман, увидев издали, что проводник его лежит на земле полумертвый [от ужаса], стал звать его громким голосом. И, поскольку тот не отвечал ни слова, Роман подошел к нему и, пнув ногой, сказал: ‘ἐγείρε’, εἰπεν, ‘ἀθλιε’ καὶ ‘ταλέπορε, μὴ φοβού’, эгире ипен афлие ке талепоре ми фобу, что значит: «Вставай, – говорит, – несчастный» и «не бойся, несчастный». У того, когда он поднялся, дух захватило при виде величины льва. Εξελπισσόντο δὲ πάντες περὶ τοῦ Ρομανοῦ ταῦτα ἀκούσαντες, экзеплиссонто де пантес пери ту Роману тавта акусантес, то есть все удивились, услышав это о Романи. Потому-то и вышло, что как за прочие заслуги, так и за этот славный подвиг, императором Львом была оказана Роману столь великая честь, ολωσ λαῖτα та ллоис, опос панта плия, то есть все корабли были переданы в его руки и должны были исполнять все его приказы.

XXVI. Наконец Лев, благочестивейший греческий император, о котором мы упоминали выше, отдав долг природе и вступив на путь всякой плоти³⁴, оставил наследниками своего царства Александра, родного своего брата, и Константина, единственного своего [сына], который и поныне жив и благополучно царствует, а тогда был ребенком и, как говорят греки, αλαλον, алалон, то есть еще не разговаривал. Для защиты дворца и управления их собственным имуществом он, как это там принято, дал им евнуха в сане паракимомена³⁵, а Фоку сделал δομεστικον μεγαν, великим domestikом³⁶, то есть главой сухопутного войска. Романа же, не за знатность рода, но за величие души, он назначил делонгарην της πλοῦς, делонгарин тис плоос, то есть начальником флота³⁷. Через короткое время Александр умер, оставив

империю малолетнему Константину. В то время, как великий император Лев отходил ко Христу, названный domestиком Фока, глава сухопутного войска, вел армию против царя болгар Симеона, который стремился осадить Константинополь, и мужественно его отразил. Роман же, будучи человеком умным, услышав о смерти обоих императоров, то есть Льва и Александра, собрал флот недалеко от столицы и, отплыв, прибыл с собранными судами к малому острову³⁸ возле Константинополя, став так, чтобы его хорошо было видно из дворца. Однако к самому дворцу не поплыл и хвалебные гимны Порфиригенету, согласно обычаю, не пел. Это вызвало у евнуха-паракимомена и прочей константинопольской знати немалые страх и смятение. Через послов его спросили – что означает эта наглость, почему не идет он к царю и не воздаст положенных ему хвалебных гимнов. А Роман им ответил, что избегает дворца, опасаясь за свою жизнь; и прибавил, что если паракимомен вместе с прочими не придут к нему и не гарантируют под присягой жизнь его и честь, он тотчас же удалится к королю критских сарацин и обрушится с его помощью на Аргосское царство³⁹. Насколько умно он это сказал, стало ясно в дальнейшем. Итак, как мы сказали, вся знать, пораженная страхом и не зная, что скрывает змей в траве⁴⁰, доверчиво вышла к нему, охотно желая исполнить то, чего он добивался. Роман же, следуя доброму совету, схватил их всех и бросил в трюм; затем с большой свитой и без всякого риска поспешил он в город и, очистив дворец от тех, кого подозревал, заменил их своими сторонниками: ректора, магистров, патрикий, логфета, епарха, китонгива, кубикиляриев, протосафариев, сафариев, сафаро-кандидатов и парафалассита назначил он из своих людей; прочих же, как мы сказали, он устранил. А чтобы довести начатое до конца, он вступил в связь с матерью Порфиригенета – Зою, Зоей⁴¹. Как только город оказался в его руках, Роман был провозглашен всеми василеопатором.

XXVII. Между тем, domestiku Фоке, который воевал с болгарами и уже одержал победу над врагом, – ведь он сам стремился стать василеопатором, – сообщили о деяниях Романа. Будучи смущен духом и поражен сильной болью, он немедленно бросил победное знамя, с которым преследовал врагов и обратил тыл, заставив своих людей бежать. Болгары же, следуя призыву Симеона, опять восприняли духом и с успехом погнались теперь тех, от кого прежде, проиграв сражение, бежали; ахейцы подверглись тогда такой резне, что еще долго после этого поле [битвы] было, казалось, полно костей⁴².

XXVIII. Наконец Фока, названный domestиком, с великой поспешностью вернулся в Константинополь, стремясь войти во дворец и силой, а не разумом попытаться стать василеопатором. Но так как «сила без разума губит сама себя»⁴³ и, как говорит Флакк, «разумную силу боги возносят ввысь»⁴³, domestик был схвачен Романом и ослеплен. Еще более увеличив немалую против болгар силу, он вдвойне отплатил им за разорение греческих [земель].

XXIX. Говорят, что этот Симеон был епiαργον, то есть полугреком, ибо в детстве изучал в Византии риторике Демосфена и силлогизмы Аристотеля. Затем, как рассказывают, оставив изучение наук, он принял святое одеяние монаха. Однако позднее, прельщенный жаждой власти, он сменил тишину и покой монастыря на

светские бури, предпочитая следовать скорее примеру отступника Юлиана, нежели блаженнейшего Петра, носящего ключи от царства небесного. У [Симеона] было два сына, из которых одного звали Баяном, а второго – Петром⁴⁴. Последний и поныне жив, сильной рукой правя болгарам. Говорят, что Баян настолько овладел магией, что однажды нечаянно превратился в волка или подобного ему зверя.

XXX. Сверх того, Роман в том же году, когда стал василеопатором, дал своему государю, малолетнему императору Константину Порфирогенету в жены свою дочь Елену. Я называю его Порфирогенетом потому, что, как записано нами выше, он был рожден не в пурпуре, а во дворце Порфире. И поскольку об этом опять зашла речь, будет не лишним повторно изложить то, что мы слышали о происхождении этого Порфирогенета и что ты можешь найти в главах VI, VII, VIII, IX и X первой книги, описанное такими словами⁴⁵:

XXXI. Император-август Константин, от имени которого город Константинополь получил свое название, велел построить τὸν οἶκον τούτων, тон ойкон тутон, этот дворец, дав ему имя «Порфира»; он желал, чтобы здесь родился на свет наследник его власти, да и вообще, всякий потомок его рода был бы назван этим прекрасным именем «Порфирогенет». Потому-то и полагают некоторые, что ныне правящий Константин, сын императора Льва, ведет свое происхождение от его крови. Τῆς γένεσεως δὲ αὐτοῦ ἡ ἀληθεῖα αὐτῆ ἐστίν, тис генесеос де авту алития авти эстин, то есть правда о его происхождении такова.

XXXII. Император-август Василий, его дед, исходя из низкого рода в Македонии, побуждаемый бедностью, пришел в Константинополь, чтобы поступить на службу к некоему игумену, то есть аббату. И вот, император, который правил в те годы, по имени Михаил, придя ради молитвы в монастырь, где тот служил, увидел, что красотой он превосходит прочих и, призвав игумена, просил его подарить ему этого мальчика; приняв его во дворец, он даровал ему чин кубикулярия. А через малое уже время тот стал настолько могущественен, что все называли его 2-м императором. Поскольку всемогущий Бог везде, где хочет, посещает в качестве справедливого цензора рабов своих, он допустил, дабы император тот лишился на время здравого рассудка для того, чтобы тем милосерднее вознаградить его в высших сферах, чем тяжелее унизил его в низших. Ведь, как говорят, во время своей болезни он даже друзьям своим велел объявить смертный приговор. Придя же в себя, он распорядился таким образом, чтобы, если тех, кого он приказал казнить, уже нельзя вернуть, казни подвергнуть исполнителей приговора. Страх перед этим сохранил жизнь тем, кого он приказал осудить. Когда же вторично он указал на это Василию, тот – о ужас! – получил от своих приверженцев такого рода совет: «Дабы не был приведен в исполнение приказ безумного царя теми, кто не любит тебя, скорее даже ненавидит, ты лучше сам убей его и прими императорский скипетр!». Отчасти подгоняемый страхом, отчасти сам стремясь к власти, он без промедления осуществил сказанное. Итак, убив [царя], Василий сам стал императором.

XXXIII. Затем, по прошествии малого времени ему явился в видении Господь наш Иисус Христос; держа правую руку господина его императора, которого тот велел убить, он обратился к нему с такими словами: «Василий, за что ты убил гос-

подина своего, императора Михаила?». Разбуженный этим, [Василий] осознал, что виновен в тяжком преступлении; быстро, однако, придя в себя, он задумался над тем, что теперь следует делать.

XXXIV. Обретя поддержку в том спасительном и действительно приятном обещании Господа, [переданном им] через пророка, согласно которому когда бы грешник ни раскаялся, он будет спасен, со слезами и стонами признал он себя грешником, виновным в пролитии крови невинного. Следуя доброму совету, он приобрел себе друзей богатством неправедным, дабы молитвы тех, кого он тешил здесь временными благами, спасли бы его от вечного пламени геенны [огненной]. К востоку же от дворца он построил церковь, – драгоценное и удивительное строение, – в честь князя высшего и небесного воинства архангела Михаила, которого греки называют архистратигом, то есть военачальником. Одни называют эту церковь Неа, то есть «Новая», другие – Эннеа, что на нашем языке значит «звучащая 9 раз», ибо во время службы церковных часов колокол бьет ровно 9 раз.

XXXV. Итак, на 2-й год после того, как Роман стал василеопатором, он, вызвав к себе знать, обратился к ней с такой речью: «Носители⁴⁶ римского достоинства, то есть магистраты!⁴⁷ Поскольку я не только стал василеопатором благодаря вашей воле, но и связан верностью святейшему императору благодаря родству с *glaucópis*, то есть зеленоглазой Еленой, полагаю, что достоин права обрести хоть какой-то знак императорского убранства, достоинство которого доставило бы мне уважение людей». Итак, народом было решено и постановлено всеми, чтобы, поскольку Роман – человек столь великих достоинств и дочь его *leucolenon*, то есть белорукая Елена, состоит в браке с императорским величеством, следует разрешить ему носить сапоги из красной кожи, как это подобает императорам. Но этого ему показалось мало. В самом деле, по прошествии года, когда власть его стала еще больше, он обратился к знати с новой речью: «Поскольку общим вашим решением было постановлено, чтобы я носил императорские сапоги, то я *περιφανέστατοι πρωσις*, перифанестати, то есть благороднейшие господа, поначалу воспринял это, как *σῦλασ αλινα*, аглаа апина, то есть драгоценный дар, оказанный мне милостью вашей власти; однако по более тщательному размышлению мне стало казаться, что я теперь поступаю по обычаю мимов и шутов, которые красят себя различными красками, дабы тем легче вызвать смех толпы. Я вызываю смех не только у других, но и у самого себя, когда ногами кажусь императором, головой же – простолюдином. Какая комедия, какой мим лучше?⁴⁸ Так вот, или предоставьте мне корону, или заберите императорские сапоги, которые делают меня смешным в глазах людей». Из-за этих ли слов, или скорее из-за того, что силой власти превосходил он прочих, было принято единодушное решение, согласно которому он получил корону, не потеряв украшения в виде сапог. Никто не удивился его мудрости, но все от чистого сердца возблагодарили Бога, который униженных возвышает, узников разрешает, в руке которого чаша чистого вина, из которой он попеременно дарит то одного, то другого⁴⁹.

XXXVI. Происходил же [Роман] из низкого, а именно из армянского, рода и даже в мыслях не допускал, что в будущем будет сидеть в царском дворце и держать императорский скипетр. Но что говорит пророк Анна? «Господь делает нищим

и обогащает, унижает и возвышает, с земли поднимая бедняка и из тлена возвышая нищего, сажает рядом с вельможами и престол славы дает им в наследие. Ибо у Господа основания земли»⁵⁰. Итак, да будет одному лишь бессмертному, незримому Богу честь и слава во веки веков, аминь.

XXXVII. Наконец Роман, став императором, сделал таковым также сына своего Христофора, которого имел еще до обретения императорского достоинства; после же обретения императорской власти жена родила ему сына по имени Стефан. Вскоре, опять забеременев, она родила ему еще одного, по имени Константин⁵¹. Сделав их всех императорами, он, вопреки праву и закону, подчинил своего государя Константина Порфирогенета своему первенцу Христофору; причем настолько явно, что во время *is tin proeleusin*, то есть общественных процессий, то ли в св. Софию и Влахерны, то ли в [храм] св. Апостолов, Роман и первенец его Христофор шли впереди, а Константин Порфирогенет и два прочих – следовали за ними. С каким негодованием воспринял это праведный судья, ясно указало последующее наказание. Ведь Христофор в скором времени умер. Итак, Константин Порфирогенет, занимаясь молитвами и чтением, полностью вверил себя Господу, добывая средства к жизни трудом своих рук. Так, он превосходно занимался *την ζωγραφίαν*, зографиян, то есть живопись.

XXXVIII. В это время Симеон Болгарский стал сильно утеснять Аргос. Тогда Роман, дав в жены его сыну Петру, который и сейчас еще жив, дочь своего сына Христофора, смирил его первоначальную ярость и привязал к себе посредством выгодного договора. Девушка же, сменив имя, была названа Ириной, – что значит «мир», – потому, что именно благодаря ей между болгарами и греками был заключен прочный мир⁵².

XXXIX. В те времена в Павии могущественными судьями были Вальперт и Гецо по прозвищу Эверард⁵³. Причиной власти Вальперта было то, что он сделал своего сына Петра епископом в Комо, богатейшем городе, а дочь Розу – выдал замуж за пфальцграфа Гизельберта. Правда, к тому времени оба они уже умерли. Итак, весь народ в Тицине, то есть Павии, стекался к [Вальперту], разбирая у него свои тяжбы и жалобы. Наконец, упомянутый Гецо по прозвищу Эверард пользовался такой же, как и [Вальперт] властью, ибо был соединен с ним узами родства. Однако знатность свою [Гецо] запятнал дурными нравами. Ведь он был крайне честолюбив, жаден и завистлив, склонен к мятежу, часто нарушал законы и не исполнял божьих заповедей; впрочем, Бог не оставил это без наказания; чтобы не быть многословным, скажу, что он во всем был подобен Катилине⁵⁴, ибо как тот пытался убить консула и защитника республики Марка Туллия Цицерона⁵⁵, так этот стремился предать смерти короля Гуго. Ведь когда однажды король Гуго, не ожидая ничего дурного, пребывал с немногочисленной свитой в Павии, тот, устроив заговор, хотел напасть на него; но из-за того, что Вальперт, по натуре не такой жестокий, промедлил, замысел расстроился.

XL. Кроме того, сам король Гуго цветистыми и сладкими, как мед, речами отвратил их от этого безумного начинания. Ведь, узнав, что против него составлен заговор и что заговорщики собрались в доме у Вальперта, он через послов обра-

тился к ним с такой речью: «Отчего вы, храбрые мужи, столь рьяно и внезапно восстаете против вашего господина, скорее вашего короля? Если случилось нечто вам неугодное, мы это исправим. Ведь за позднее исправление обычно не корят, особенно если не было допущено небрежности»⁵⁶. Эти слова укротили пыл [заговорщиков]. Один только Гецо с прежним упрямством старался уговорить их сообща напасть на короля и предать его мучительной смерти. Однако волей Бога это его злое намерение не осуществилось. Послы же, вернувшись к королю, сообщили ему о том, что видели и слышали.

XLI. Итак, король Гуго, коварно сделав вид, будто не придает случившемуся никакого значения, покинул Павию и поспешил в отдаленное место; разослав послов и письма, он велел своим вассалам прибыть к нему. Среди них выделялся могущественный граф Самсон, который был злейшим врагом названного Гецо. Увидев короля, он сказал ему следующее: «Я вижу, что тебя действительно угнетают те тревожные и тягостные для тебя события⁵⁷, что произошли в эти дни в городе; но если ты меня выслушаешь и сделаешь так, как я скажу, [мятежники] попадутся в собственные сети. Ведь другого, кто мог бы дать лучший совет, нежели я, найти нелегко; тебе самому, во всяком случае, никто не даст лучшего совета⁵⁸. Одного лишь прошу: когда все они благодаря моему содействию будут схвачены, пусть Гецо со всем своим добром будет передан мне в руки». Услышав от короля, что тот будет ему отдан, Самсон продолжил: «Лев, епископ города Тицина, – не считается другом Вальперта и Гецо, ибо они всегда и во всем идут наперекор его воле. Вы знаете, что есть обычай, согласно которому лучшие граждане спешат за пределы города навстречу королю, который прибыл в Павию из других мест. Так вот, тайно поручите епископу закрыть все городские ворота и держать при себе ключи, когда вы в условленное время подойдете к Павии, а они выйдут вам навстречу из города, чтобы, когда мы начнем их хватать, они не могли ни бежать в город, ни ожидать оттуда подмоги». Так и вышло. Ведь когда король в условленное время подошел к Павии, а названные люди вышли ему навстречу, епископ охотно исполнил то, что ему было велено. Король, как то и советовал Самсон, приказал всех их схватить. Гецо тотчас же передал Самсону, ослепили и урезали язык, которым он порочил короля. О, как было бы славно, если бы он навсегда остался и слепым, и немым! Но увы! Хотя язык и был урезан, речи он не лишился; зато, согласно греческой басне, потеряв зрение, он продлил себе жизнь, которая и по сей день длится на погибель многим. Мы вставим здесь ту забавную басню, которая по глупости греков так объясняет почему слепые живут долго: *ἜZeus καὶ Ἡρα ἦσαν περὶ ἀφροδιαιῶν, τῆς πλειοῦα ἔχει ἦδομας ἐν τῇ συνουσίᾳ καὶ τότε Τυρσεῖαν Ἐβρουῖον ἐξήτησαν. Οὗτος γὰρ ἐν ταῖς ἀμφοτέραις φύσεσσι μεταμορφώθη, ἐπιδι δράκοντα ἐπατήσεν. Οὗτος οὖν κατὰ τῆς Ἡρας ἀπεφκινάτο, καὶ Ἡρα ὀργισθεῖσα ἐπήρωσεν αὐτὸν, Ζεὺς δὲ ἐχαρίσατο αὐτῷ πολοῖς ζῆσαι εἰτεσι, καὶ ὅσα ἐλέγεν μαντικά λεγεῖν, Ζεὺς κε Ἡρα ἰρισαν περὶ ἀφροδισιῶν, τῆς πλιονα ἐχι ιδομας ἐν τῇ συννουσία; κε τότε Τυρесиαν Ἐβру ион эзитисан, утос гар эн тес амфотерес фисеси метаморфоти эпиди драконта эпатисен; утос ун ката тис Ирас апепкинато, ке Ира оргистиса эпиросен автон, Ζεὺς δε эхарисато авто полис зисе этеси, ке оса элеген мантика легин'. В переводе это зна-*

чит: «Юпитер и Юнона поспорили о любви, кто из них получает большее наслаждение при соитии. И спросили о том Тиресия⁵⁹, сына Эвера. Ведь он попеременно был и мужчиной, и женщиной, ибо наступил на дракона. [Тиресий] высказался против Юноны, и та в гневе ослепила его. Юпитер же даровал ему долгие годы жизни и дар предсказания». Но вернемся к теме.

Гецо, как мы уже сказали, был изувечен, а имущество его конфисковано. Прочие в большинстве своем были отданы под стражу. Вальперт на следующий день был обезглавлен, а огромное богатство его расхищено; жена его Кристина была схвачена и подвергнута различным пыткам, дабы [заставить] ее выдать спрятанные сокровища. Так что короля с тех пор стали бояться не только в Павии, но и в прочих частях Италии; его более не презирали, как прочих королей, но оказывали ему всяческие почести.

XLII. В это время Ильдуин⁶⁰, епископ Льежской церкви, будучи изгнан со своего престола, пришел в Италию к королю Гуго, с которым был связан родственными узами. С честью его приняв, король в качестве кормления уступил ему Веронское епископство. А когда вскоре после этого умер архиепископ Ламберт⁶¹, Ильдуин был назначен на его место епископом Милана. Вместе с названным Ильдуином пришел некий монах по имени Ратер, который из-за своего благочестия, а также знания 7 свободных искусств был вскоре назначен епископом Вероны, где графом был упомянутый нами выше⁶² Мило.

XLIII. Между тем, Видо, маркграф провинции Тосканы, вместе со своей женой Мароцией начал обдумывать план низложения папы Иоанна; к этому их побуждала ненависть, которую они питали к Петру, брату папы, ибо папа любил его, как и следовало любить родного брата. Случилось, что во время пребывания Петра в Риме, Видо тайно собрал у себя большое количество воинов. И вот однажды, когда папа вместе с братом и малочисленной свитой находился в Латеранском дворце, воины Видо и Мароции, напав на них, Петра убили на глазах у брата, а самого папу, схватив, бросили под стражу, где он вскорости умер. Говорят, что лицо его накрыли подушкой и таким гнусным образом задушили. После его смерти папой поставили Иоанна⁶³, сына той самой Мароции, которого эта блудница родила от папы Сергия. Видо же в скором времени умер и его место занял Ламберт, его брат.

XLIV. Мароция, эта бесстыжая блудница, отправила после смерти своего мужа Видо послов к королю Гуго, приглашая его прийти и овладеть славнейшим городом Римом. Но это, – утверждала она, – возможно только в том случае, если король Гуго женится на ней.

Что безумствуешь ты, Мароция, страстью любовной пылая?
Ищешь ты поцелуев брата покойного мужа,
Хочешь быть братьев обоих женою, Иродиада,
Неужто забыла, слепая, запрет Иоанна,
Брату брат в жены вдову брата родного⁶⁴.
Не разрешит тебе это и песнь Моисея-пророка,
Кто повелел, чтобы брата вдова выходила за брата,
Если первому сына родить не сумела⁶⁵.

Но все мы знаем, что ты родила уже мужу [потомка].
 Ты мне ответишь: «Я знаю; но нет забот у прелестницы пьяной»⁶⁶.
 Вот король Гуго идет, твой желанный, как бык, ведомый на жертву,
 Страстью к Риму скорее сюда привлеченный.
 Но для чего ты, преступница, губишь столь славного мужа?
 Стать королевой угодно тебе преступленьем,
 Но потеряешь ты Рим по воле Господней.

То, что это произошло справедливо, ясно не только людям рассудительным, но и глупцам.

XLV. При входе в город Рим стоит некое восхитительной работы и удивительной твердости укрепление⁶⁷; перед его воротами построен великолепный мост через Тибр, по которому люди входят в Рим и выходят из города; помимо же этого моста нет иного пути через реку. Но и по мосту можно пройти не иначе, как с согласия защитников укрепления. Ведь само это укрепление, – о прочем я умолчу, – такой высоты, что церковь, сооруженная на его вершине в честь князя всевышнего и небесного воинства архангела Михаила, получила название «Церковь св. Ангела до небес». Король, полагаясь на это укрепление и оставив войско в отдалении, прибыл в Рим с небольшой свитой. Хорошо принятый римлянами, он вошел в названное укрепление, в спальню блудницы Мароции. Вступив с ней в кровосмесительный брак, он, чувствуя себя в полной безопасности, свысока стал смотреть на римлян. У Мароции же был сын по имени Альберик, которого она родила от маркграфа Альберика⁶⁸. Когда, следуя убеждению матери, он лил воду мывшему руки королю Гуго, то есть своему отчиму, тот ударил его по лицу в наказание за то, что он лил воду неумеренно и без [должной] скромности. Желая отомстить за нанесенное ему оскорбление, [Альберик] собрал римлян и обратился к ним с такой речью: «Достоинство города Рима настолько уже оскудело, что повинует даже распоряжениям блудниц. Что может быть более гнусным и отвратительным, чем допустить гибель города Рима из-за нечестивого брака одной женщины и позволить бывшим рабам римлян, то есть бургундам, повелевать римлянами? Если меня, своего пасынка, он⁶⁹ ударил по лицу, будучи еще только новым и чужим для нас человеком, как вы думаете, будет он обращаться с вами, когда укрепится здесь? Разве не знаете вы ненасытности и высокомерия бургундов? Обратите внимание на само значение их имени⁷⁰. Ведь вот почему их называли бургундами: когда римляне, покорив мир, привели множество пленных из их рода, они велели им возвести себе дома за пределами города, но чуть позже изгнали их оттуда за высокомерие; а так как те называют «бургом» группу не окруженных стеной домов, то римляне и прозвали их «бургундами», то есть «изгнанными из бургов». Впрочем, они зовутся еще и вторым, туземным именем – галлами аллоброгами. Я же, согласно присущему мне *fronesin*, то есть благоразумию, называю этих бургундов «горланами»⁷¹, как потому, что они из-за высокомерия кричат во все горло, так и потому, – что более правильно, – что они без меры предаются обжорству, которое осуществляется через горло». Услышав это, все [римляне] тотчас же оставили короля Гуго и избрали своим господином Альберика, а чтобы

король Гуго не имел времени вызвать своих воинов, немедленно осадили укрепление.

XLVI. Ясно, что таков был приговор Божьего правосудия, дабы король Гуго ни в коем случае не мог удержать то, что приобрел путем столь гнусного преступления. Подгоняемый сильным страхом, он по веревке спустился с той стороны, где укрепление примыкает к городской стене, и, бросив [Рим], бежал к своим. Итак, король Гуго вместе с названной Мароцией был изгнан⁷², Альберик получил власть над городом Римом, в то время, как брат его Иоанн занимал высший и вселенский престол.

XLVII. Некоторые говорят, что Берта, мать короля Гуго, не родила своему мужу, маркграфу Адальберту, ни одного сына, но, тайно взяв их у других женщин и симулировав роды, подбросила ему Видо и Ламберта, чтобы после смерти Адальберта иметь сыновей, с помощью которых она могла бы сохранить всю ту власть, какой обладал ее супруг. Мне кажется, что все это выдуманно лжецами для того, чтобы король Гуго скрыл таким образом нечестивый характер своего брака и избежал пятна *úbriv*, то есть бесславия. Все же более вероятной мне кажется другая цель, из-за которой это было сказано и о которой следует теперь рассказать. Ламберт, получивший после смерти своего брата Видо Тосканскую марку, был мужем воинственным, способным на любое деяние. Король Гуго, ввиду Итальянского королевства, держал его под сильным подозрением. Ведь он боялся, чтобы итальянцы не оставили его и не поставили королем Ламберта; к тому же Бозо, брат короля Гуго со стороны [отца]⁷³, интриговал против [Ламберта], ибо сам страстно желал стать маркграфом Тосканы. Следуя его совету, король Гуго, угрожая, сообщил Ламберту, чтобы тот не осмеливался более называть его своим братом. Тот же, будучи человеком смелым и непокорным, отвечал ему не почтительно, как следовало бы, а дерзко: «Чтобы не мог король отрицать того факта, что я – его брат и оба мы произошли на свет из одного тела и из одного лона, я поединком желаю доказать это всем сомневающимся». Король, услышав это, избрал некоего юношу по имени Тевдин и велел ему вступить с [Ламбертом] в поединок из-за этого дела. Но Бог, который праведен и суд которого справедлив⁷⁴, в котором нет неправды⁷⁵ и который разрушает всякую неясность, открывая всем истину, допустил, чтобы Тевдин тотчас же пал, а Ламберт одержал победу. Король Гуго был немало смущен подобным оборотом дела. Но, следуя совету, он, задержав, отдал Ламберта под стражу. Ведь он боялся, чтобы тот, будучи отпущен, не отнял у него королевство. Итак, схватив [Ламберта], он передал своему брату Бозо Тосканскую марку⁷⁶, а чуть позже лишил Ламберта зрения.

XLVIII. В это же время итальянцы отправили [послов] в Бургундию, приглашая короля Рудольфа прийти к ним. Король Гуго, узнав про это, также отправил к [Рудольфу] послов, уступил ему все земли, какими владел в Галлии до того, как стал королем, и принял от Рудольфа клятву никогда не вступать в Италию⁷⁷. Не менее удачно приобрел он дружбу Генриха, могущественного короля, о котором мы уже упоминали выше, отправив к нему богатые дары; имя [Генриха] было тогда в большой чести у итальянцев, ибо он первым победил данов, никому ранее

не подчинявшихся, и сделал их своими данниками. Ведь [даны] – это тот дикий народ, живущий на севере, у [берегов] Океана, чья жестокость нанесла удар благородству очень многих народов. Однажды, поднявшись со своим флотом вверх по течению Рейна, они страшно опустошили все огнем и мечом; даже такие славнейшие города, как Агриппина, которая ныне зовется Кёльном, Трир, отстоящий далеко от Рейна, и некоторые другие города в королевстве Лотаря⁷⁸ были взяты штурмом и разграблены; все, что они не смогли унести с собой, было сожжено. Даже термы и дворцы в Ахене были обращены ими в пепел. Но оставим это и вернемся к основному порядку изложения.

XLIX. Арнульф, герцог Баварии и Каринтии, о котором мы упоминали выше⁷⁹, живя недалеко от Италии, собрал войско и выступил, чтобы отнять у Гуго его королевство. Пройдя Тридентскую марку⁸⁰, – первую с этой стороны марку в Италии, – он достиг Вероны. Здесь его охотно приняли граф Мило и епископ Ратер, по приглашению которых он и прибыл в Италию. Король Гуго, услышав про это, собрал войско и поспешил ему навстречу.

L. Когда он прибыл на место и разослал в окрестности конные, как говорят люди, отряды, значительная часть баварцев, выйдя из замка Гаузенинг, вступила в бой с итальянцами. Но потерпела такое поражение, что спасся из них лишь тот, кто позже и поведал об этом. Герцог Арнульф был немало смущен этим обстоятельством. Потому-то и вышло, что, следуя [данному ему] совету, он решил схватить графа Мило и покинуть Италию, увезя его с собой в Баварию, чтобы затем, опять набрав войско, он мог вернуться вместе с ним в Италию. Однако это не укрывшись от Мило.

LI. Волнуемый различными мыслями, он решительно не знал, что теперь делать. Идти к королю Гуго, перед которым был виноват, он по вполне понятным причинам боялся; быть же уведенным Арнульфом в Баварию казалось ему хуже не только смерти, но и самого ада. Итак, пребывая в нерешительности, он решил все же бежать от Арнульфа и явиться к королю Гуго, ибо полагал, что легко сможет склонить его к милосердию. Арнульф же вернулся в Баварию так быстро, как только мог.

LII. Однако прежде он захватил крепость, которая была в том городе, и увел с собой в Баварию брата Мило и его воинов, пытавшихся защитить эту [крепость]. Сразу после его ухода город был передан королю Гуго, а Ратер, его епископ, был им схвачен и отправлен в изгнание в Павию. Именно там он и начал писать свою изящную и остроумную книгу о тяготах своего изгнания. Всякий, кто прочтет ее, найдет там ряд остроумных моментов относительно этого дела, которые будут не менее приятны для вдумчивого читателя, нежели полезны.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КНИГА ТРЕТЬЯ АНТАПОДОСИСА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ

I. О том, что [автор] до сих пор писал об услышанном им, а теперь будет писать о том, что сам видел.

II. Король Гуго назначает своего сына Лотаря королем и отправляется с войском в Рим.

III. Король Гуго дает в жены Альберику свою дочь, чтобы посредством этого обмануть его.

IV. Сарацины из Фраксинета прибывают в Аквы, где все до единого гибнут в сражении.

V. В городе Генуе стал течь кровавый источник, и в том же году [Генуя] была взята африканскими сарацинами.

VI. Причина, по которой Манассия, епископ Арля, покинув свою церковь, принял другую, и его собственное объяснение этого.

VII. О том, как в бранном ответе на основании свидетельств писания доказано, что [Манассия] поступил несправедливо.

VIII. О том, кого взял в жены Беренгар, и о его брате Анскарини.

IX. О маркграфе Тедвальде, который сразился с греками и кастрировал пленных.

X. Насколько забавно некая женщина спасла своего мужа от кастрации.

XI. Король Гуго хватает и бросает под стражу своего брата Бозо, который, следуя совету жены, восстал против него.

XII. Как король Гуго изгнал из Италии Виллу, жену Бозо, и о поясе, найденном в постыдном месте.

XIII. О смерти короля Рудольфа, на вдове которого король Гуго женился, а дочь отдал замуж за своего сына.

XIV. О короле Гуго, который из-за наложниц ненавидел свою жену.

XV. О смерти короля Генриха и о том, где его похоронили, а также о его сыновьях.

XVI. О мудрости короля Генриха, который назначил королем своего сына Оттона.

XVII. О дочери брата короля Англии, на которой Оттон женился до того, как стал королем.

XVIII. О Генрихе, который, следуя совету дурных людей, восстал против брата.

XIX. Бранная речь в стихах, [обращенная] к Генриху и [направленная] против дьявола, стараниями которого он пожелал бороться против брата.

XX. Об Эберхарде, который, удерживая Генриха, пока еще верного своему брату, в некоем замке, начал мятеж и увел его во Франконию.

XXI. Условия, на которых Эберхард отвратил Гизельберта от верности королю.

XXII. Гизельберт и Эберхард отпустили Генриха из-под стражи.

XXIII. Хитрость, посредством которой Эберхард собирался обмануть Генриха и Гизельберта, и самому завладеть королевством.

XXIV. Об удивительной победе, которую король Оттон одержал благодаря молитве, и о ранении Генриха в руку.

XXV. Как король Генрих приобрел священное копье.

XXVI. Доказательство из Священного Писания, согласно которому всякая победа или сражение зависит не от случая, а от воли Бога.

XXVII. О том, как многие, следуя совету архиепископа Фридриха, покинули короля, осаждавшего крепость Брейзах.

XXVIII. Об удивительной стойкости и ответе короля Оттона.

XXIX. Каким образом, благодаря тому, что Бог сражался за короля, Гизельберт и Эберхард были разбиты у Андернаха Удо и Конрадом.

XXX. О после, который сообщил королю, спешившему в церковь, об их смерти.

XXXI. Король Оттон сообщает Бертольду, герцогу Баварии, о смерти этих [князей] и о своем желании дать ему в жены или свою сестру, или дочь своей сестры.

XXXII. Об архиепископе Фридрихе, который, давно уже оставив короля, отправился в город Мец, чтобы собрать войско, и услышал там об их смерти.

XXXIII. О том, как этот архиепископ был схвачен и отдан под стражу.

XXXIV. О Генрихе, которому сестра запретила вступать в [ее] укрепления для войны с королем.

XXXV. О нем же, прибегшем позднее к милосердию короля.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

СЧАСТЛИВО НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I. Все что я сообщил до сих пор, святейший епископ, изложено мною так, как то я слышал от заслуживающих доверия мужей, бывших очевидцами случившегося; а теперь я расскажу о событиях, в которых сам принимал участие. В то время я был еще очень мал, но благодаря приятному голосу приобрел расположение короля Гуго. Ведь он очень любил пение, в котором меня не мог превзойти ни один из моих сверстников.

II. Итак, король Гуго, видя, что удача всюду сопутствует ему, назначил при всеобщем согласии после себя королем своего сына Лотаря¹, которого ему родила жена Альда². Назначив его, он задумался, как бы овладеть Римом, из которого его так позорно изгнали. Собрав большое [войско], он пошел на Рим. Жестоко опу-

тошив окрестные места и провинции, тревожа город ежедневными атаками, он так и не смог овладеть им.

III. Наконец, надеясь обмануть Альберика хитростью, [Гуго] предложил ему в жены свою дочь Альду³, родную сестру его сына, короля Лотаря, чтобы, заключив таким образом мир с Альбериком, сделать его, как сына короля, неопасным для себя. Однако Альберик, будучи человеком неглупым, на дочери его женился, но Рима, которого тот домогался, ему не отдал и по-прежнему не доверял [Гуго]. И все-таки король Гуго заманил бы и поймал Альберика *τοῦτο τῷ ἀνηρότῳ*, туто то агкистро, то есть на эту удочку, если б тому не помешали козни его собственных вассалов, не желавших мира между ними. Ведь, если бы король захотел наказать кого-то из своих людей, тот сразу же мог бы бежать к Альберику, а тот из страха перед королем с радостью бы его принял и с почетом разместил в Риме.

IV. Пока все это происходило, сарацины, населявшие Фраксинет, собрали большое [войско] и пришли к Аквам⁴, городу в 50 милях от Павии. Их *πρωβωλος*, проволос, то есть предводитель, Сагиттус был самым гнусным и нечестивым из сарацин. И вот, по милости Божьей в завязавшейся битве этот *ταλέπορος*, талепорос, то есть несчастный, погиб вместе со всеми своими людьми.

V. В это же время в городе Генуе, которая расположена в Котийских Альпах, в 800 стадиях от Павии, на [берегу] Африканского моря, стал обильно течь кровавый источник, предвещая всем грядущую гибель. И действительно, сюда в этом же году с огромным флотом пришли пуны; войдя незаметно для жителей в город, они всех, за исключением женщин и детей, перебили, а затем, погрузив все городские и церковные сокровища на суда, вернулись в Африку.

VI. В это же время Манассия, епископ города Арля, узнав о могуществе короля Гуго, с которым был связан узами кровного родства⁵, бросил вверенную ему церковь и, движимый честолюбием, отправился в Италию, чтобы ограбить, скорее даже разрушить там многие церкви. А король Гуго, надеясь более спокойно править Италией, если все должности в королевстве будут розданы его родичам, вопреки праву и обычаю доверил ему или, – что более соответствует истине, – отдал в кормление⁶ Веронскую, Тридентскую и Мантуанскую церкви. Но и этим тот не был доволен, а получил еще Тридентскую марку, где, побуждаемый дьяволом, перестал быть епископом, став светским вассалом. На этом мне, *αγιε*, то есть святой отец, хотелось бы немного остановиться, чтобы [привести] его собственное объяснение того, почему он так поступил, и с Божьей помощью его опровергнуть.

VII. «Блаженный Петр, – говорил он, – основав церковь в Антиохии, позже перешел в город Рим, который, находясь тогда на вершине могущества, повелевал всеми народами. Там он по Божьей воле основал святую и почитаемую всем миром церковь, поручив первую, то есть Антиохийскую, церковь своему ученику – блаженному евангелисту Марку; с тем, правда, условием, чтобы он вначале основал [церковь] в Аквилее, а затем поспешил в Александрийскую [церковь]. То, что так и случилось, как нам известно, ни для кого, что читал их деяния, не является тайной». Но, чтобы ты, о Манассия, понял из нашего ответа, что правда о сем тебе неведома,

знай, что уже родителям твоим, давшим тебе имя, было известно его значение. Ведь имя «Манассия» переводится, как «забывчивый» или «забывший Бога»⁷. Что еще более правдиво и открыто могли предсказать твои родители, чем дав тебе это имя? Ведь ты, – говорю я, – настолько забыл о себе, что не помнишь даже того, что ты – человек. Дьявол тоже знает писание, но, будучи лжив, лживо его толкует, используя для погибели, а не для спасения. Разве ты не знаешь, как он, пытаясь в нечестивом усердии ранить стрелами искушения Господа и искупителя нашего Иисуса Христа, извратил слова пророка: «Ибо ангелам своим он заповедает о тебе» и «И на руках они понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею»⁸. То, что это действительно записано и то, что об этом сказано, не отрицает ни один верующий. Но с каким коварным умыслом привел данную истину сей Левиафан⁹, ты можешь понять из ответа Того, кто выше разума не только смертных, но и ангелов: «Не искушай, – говорит, – Господа Бога твоего»¹⁰. Итак, ты видишь сам: используя правдивые утверждения, ты вкладываешь в них лживый смысл, как это делал Юлиан Отступник, отвечая христианам и вводя их, из желания завладеть их имуществом, в заблуждение такими словами: «Не владейте, – говорит учитель ваш, – ни золотом, ни серебром»¹¹. И такое: *εὐχολώτερον γὰρ εἶπεν χαμηλὸν διὰ τριμαλίαις ραφίδος εἰσελεῖν ἢ πλούσιον εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ*, эвкопотерон гар эстин камилон диа трималиас рандос иселтин и плюсион ис тин базилиан ту теу', что значит: «*Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в царствие небесное*»¹². И такое: «*Кто не отрешится от всего, чем владеет, не может быть моим учеником*»¹³. Итак, скажи, что он сказал более лживое или более гнусное, чем ты? Ведь то, что Петр [делал] ради справедливости, ты обращаешь в вину. Я думаю, что ты не понял или, – что более вероятно, – не читал «Деяния апостолов». Ведь ты нашел бы там совершенно ясное указание, что верующие продавали свое добро и складывали деньги к ногам апостолов, чтобы все у них было общим и никто бы не сказал, что это – его собственное; и каждому давалось, кто в чем имел нужду¹⁴. И если Петр избегал прикасаться к золоту, как к чему-то заразному, тому золоту, которое почитается людьми величайшей ценностью, а тебе дороже души твоей, то с какой же целью, утверждаешь ты, покинул он Антиохию и перебрался в Римскую церковь? Если ты скажешь, что ради приобретения имущества, – а это – явная ложь, – то я докажу тебе, что [поступил он так] ради спасения душ и славного мученичества. Ведь ему было сказано его учителем, скорее творцом и искупителем, следующее: «*Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил куда хотел; а когда состаришься, то протрешь руки твои, и другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь. Сказал же это, давая разуметь, какую смертью Петр прославит Бога*»¹⁵. Наконец, читаем далее в другом месте, что уже после воскресения на вопрос Петра: «Куда идешь?». Господь ответил: «В Рим, чтобы вторично претерпеть крестные муки». Итак, Петр пришел, движимый не честолюбием, но [стремлением] к мученичеству, ища не золота, но спасения душ. О, если бы совесть твоя могла сказать о тебе то же самое, ты был бы счастлив, скорее даже блажен! Но не сможешь ты, – говорю я, – отрицать, что купил себе Веронское епископство, чего, как мы учили, никогда не делал Петр, не какой-то обычный человек, но тот самый апостол. Мы знаем, что

из-за стремления к богатству ты лишился в этом деле чести не только, как духовное лицо, но и просто как человек. Сказано, между тем, достаточно; вернемся теперь к [нашему] начинанию. Впрочем, в соответствующем месте мы расскажем еще, как незаконно овладел ты Миланской кафедрой.

VIII. В это время тот Беренгар, от тирании которого ныне стонет вся Италия, был маркграфом города Ивреи¹⁶. Король Гуго дал ему в жены свою племянницу Виллу¹⁷, дочь Виллы и брата его Бозо, маркграфа провинции Тосканы. Анскарий же, брат Беренгара, которого родила от Адальберта Ирмгарда, сестра короля Гуго, славился тогда благородной отвагой и силой.

IX. Маркграфом Камерино и Сполето был тогда Тедбальд¹⁸, также известный герой, связанный с королем Гуго узами близкого родства. Он отправился на помощь князю Беневента против греков, которые того сильно утесняли¹⁹. Вступив с ними в сражение, он одержал победу. Наконец случилось, что взял он в плен множество греков, которые удерживали уже не землю, но одни только крепости. Кастрировав их, он сообщил стратегу, который ими командовал, следующее: «Узнав, что для вашего святого императора нет ничего более ценного, чем евнухи, я скромно постарался отослать ему этих немногих, и отошлю еще больше, если то будет угодно Богу».

X. Вставим здесь один забавный, скорее мудрый поступок, который тогда совершила некая женщина. Ведь, когда однажды греки вместе с жителями этой земли вышли за стены некоей крепости на битву с упомянутым Тедбальдом, кое-кто из них попал в плен. Когда [Тедбальд] их кастрировал и отослал в замок, некая женщина, пылая любовью к супругу и сильно волнуясь за целость его членов, неистовая, с растрепанными волосами, ушла из замка. Разодрав себе кровавыми ногтями лицо, она громко заплакала, причитая, перед палаткой Тедбальда; «По какой причине, – спросил он ее, – ты, женщина, так горько плачешь?». Она же, – ибо прикинуться глупцом в нужном месте – высшая мудрость²⁰, – дала ему такой ответ: «Новое и неслыханное дело, о герои, вести войну против беззащитных женщин. Ни одна из нас не ведет свой род от крови амазонок; предаваясь только занятиям Минервы, мы ничего не смыслим в оружии». А когда Тедбальд спросил ее: «Кто из героев, будучи в здравом уме, – исключая времена амазонок, – воевал против женщин?», она ответила: «Скажи, как можно более жестоко воевать против женщин и что более худшее можете вы им причинить, чем, если постараетесь отрезать яйца у их мужей, от которых зависит радость нашего тела и, – что самое главное, – надежда на будущее потомство? Ведь, кастрируя их, вы забираете не их добро, но наше. Разве, – говорю я, – то стадо коров и овец, что вы отняли у меня в предыдущие дни, заставило меня прийти в ваш лагерь? С потерей скота, причиненной мне вами, я смирюсь, но трепещу и никоим образом не хочу мириться со столь страшным, жестоким и непоправимым горем. Все божи святые, такую напасть от меня отвратите!²¹». Эта речь сильно всех насмешила, настолько подняв у людей настроение, что женщина смогла вернуть не только своего мужа, целым и невредимым, но и весь отнятый у нее скот. Когда она, получив их, ушла, Тедбальд, отправив вслед за ней мальчика, спросил, что ему отнять у ее мужа, если тот опять

выйдет из замка сражаться против него? «Оба глаза, – отвечала она, – нос, руки и ноги. Если [муж] так поступит, пусть [маркграф] отнимет у него все, чем тот владеет; но то, что принадлежит мне, то есть его служанке, пусть оставит в покое». Поняв благодаря смеху и возвращению супруга, что обрела своей первой речью расположение людей, она, отпраздновав позже посла, передала это [маркграфу].

XI. В это время Бозо, брат короля Гуго, подстрекаемый своей корыстлюбивой женой Виллой, замыслил против короля некое новое и гнусное [злодеяние]. Это не укрылось от Гуго. [Бозо] был немедленно схвачен и отдан под стражу²². Причина же его низложения была следующая. Когда Ламберт, о котором мы упоминали выше, был ослеплен, а Бозо получил Тосканскую марку, жена его Вилла воспылила страстью к стяжательству, причем настолько, что ни одна из знатных женщин всей провинции Тосканы не решалась носить на себе драгоценные украшения. Не имея детей мужского пола, она имела зато 4-х дочерей – Берту, Виллу, Рихильду и Гизелу. Из них Вилла, жена того Беренгара, который и ныне жив, постаралась сделать все, чтобы мать ее не считалась более самой худшей из женщин. Но, чтобы не описывать слишком подробно все деяния [ее матери], приведу лишь одно – самое постыдное, по которому ты сможешь судить, какой она была и во всех прочих отношениях.

XII. У ее мужа, Бозо, был удивительной длины и ширины золотой пояс, сиявший от блеска множества драгоценных камней. Когда Бозо был схвачен, король приказал тщательно отыскать этот [пояс] сверх прочих сокровищ; забрав богатства, он велел с позором изгнать из Италии жену [Бозо], как заговорщицу и зачинщицу всего этого преступления, отослав в Бургундию, откуда она была родом. Но, тщательно все обыскав и не найдя пояс, послы вернулись к Гуго, доставив ему остальное. Тогда король сказал: «Возвращайтесь назад и перетряхните все украшения ее платья, даже подушку, на которой она сидит во время езды верхом. Если и там не сможете найти пояс, снимите с нее всю одежду, чтобы не смогла она его спрятать нигде на себе самой; ведь я знаю, насколько она хитра и корыстлюбива». Итак, они вернулись и, обыскав все согласно королевскому приказу и ничего не найдя, сняли с [Виллы] всю ее одежду. Наконец, когда они, учинив столь постыдное и неслыханное деяние, стояли, опустив глаза, дабы не видеть сего позора, один из рабов, устремив на нее взор, увидел, как из полой щели свисает красный шнурок; когда он его бесстыдно схватил и позорным образом потянул, вслед за шнурком из тайной части ее тела вылез наружу и сам пояс. Причем раб тот не только не устыдился, но крайне обрадовался столь позорному деянию, закричав: «Ха! Ха! Хе! Какой я славный акушер! Славного мальчика родила госпожа; долгие лета ему!»²³ Как был бы я рад, скорее безмерно счастлив, если бы жена родила мне хотя бы 2-х таких ребят. Я бы отправил их послами в Константинополь, где, как я слышал из рассказов купцов, император охотно принимает такого рода посланцев». От таких речей Вилла еще больше смутилась и, проливая слезы, излила всем им скрытую в ее сердце боль. Раб же, – как это было в его обычае, – не только не тронутый ее унижением, но еще более воодушевившись, прибавил, чтобы растравить ее ноющую рану, следующее:

«Что безумствуешь²⁴, Вилла, начав
 Золото в теле своем прятать?
 О, неслыханная алчность,
 Драгоценности прятать в себе!
 Рожать таких детей матерям не пристало,
 Зато не нужно 10 месяцев мучаться с ними.
 Плодовитая мать, не прекращай же
 Нам рожать подобных потомков,
 Переживущих тебя, породившую их!»
 Тут он замешкался, ибо по шее его ударил проворно
 Другой слуга, словами острыми вовсю его ругая.

По завершении этого дела, пояс был доставлен королю, а [Вилла] отправлена в Бургундию. Впрочем, кто из них двоих – она, спрятавшая [пояс], или он, приказавший его искать, – поступил более гнусно, не берусь сказать. Не вызывает сомнения лишь то, что оба были охвачены безмерной страстью к золоту и драгоценным камням.

XIII. Кроме того, умер Рудольф²⁵, король Бургундии, и король Гуго женился на его вдове Берте, ибо Альда²⁶, мать его сына, короля Лотаря, к тому времени уже умерла. Но и сыну своему Лотарю он дал в жены Адельгейду²⁷, дочь Рудольфа и той самой Берты, отличавшуюся как красотой, так и чистой нравов. Правда, греки считают недопустимым, чтобы сын без греха женился на девушке, если мать ее вышла замуж за его отца и две плоти соединились воедино.

XIV. Вскоре Гуго, обманутый интригами своих многочисленных наложниц, не только перестал одаривать жену свою Берту супружеской любовью, но и всяческим образом стал ее унижать; насколько справедливо наказал его за это Бог, мы не преминем рассказать в соответствующем месте. К трем из множества своих наложниц [Гуго] питал особо пылкую и постыдную страсть. Это были: Пецола, происходившая из самого низкого, рабского рода и родившая ему сына по имени Бозо²⁸, – после смерти Видо [Гуго] поставил его епископом церкви в Пьяченце; далее Роза, дочь упомянутого выше казненного Вальперта²⁹, родившая ему удивительно прекрасную дочь; и, наконец, третья – Стефания, родом римлянка, родившая ему сына по имени Тедбалд; позже он был сделан [отцом] архидьяконом Миланской церкви с тем условием, чтобы после смерти архиепископа он стал его преемником. Если буду жив, то по порядку расскажу, как получилось, что Бог не допустил исполнения этого. Народ же называл [этих шлюх] за гнусное и позорное поведение именами богинь, а именно: Пецолу звал Венерой, Розу – Юноной, – из-за ревности и постоянной ненависти, ибо по слабости плоти каждая [женщина] казалась ей более красивой, чем она сама, – а Стефанию – Семелой. Так как не только король пользовался их услугами, дети их вели свой род от неизвестных отцов.

XV. В это же время отошел к Господу король Генрих³⁰, пораженный тяжелой болезнью, в замке, лежащем на границе Тюрингии и Саксонии под названием Мемлебен³¹. Его тело было доставлено в Саксонию и с великими почестями погребено в церкви монастыря благороднейших и благочестивейших дев, который

расположен на королевской земле и носит название Кведлинбург. Там же проживает и почтенная жена его, разделявшая с ним [тяготы] власти, по имени Матильда³²; будучи из того же рода, она была выше всех женщин, каких я когда-либо видел и о каких слышал; во искупление грехов [супруга] она не прекращала справлять там панихиды, принося себя Богу в жертву живую³³. Еще до вступления мужа на престол, она родила ему сына, которого назвала Оттоном, того самого, – говорю я, – властью которого управляются северные и западные стороны света, чья мудрость их умиротворяет, благочестие радует, и от суровости правосудия которого они трепещут. Уже после того, как [Генрих] стал королем, [Матильда] родила ему еще 2-х сыновей; одного из них она назвала Генрихом³⁴ – по имени отца; это был весьма изящный, мудрый в советах и красивый лицом [юноша]; взор очей его был жив и в то же время кроток. Из-за недавней его смерти³⁵ мы до сих пор проливаем горькие слезы. Наконец, третьим сыном был Бруно³⁶; поскольку норманны до основания разрушили [тогда] церковь в Утрехте, благочестивый отец велел ему быть ее служителем и в последующем восстановить. Деяния [сыновей Генриха] мы подробно изложим в соответствующем месте, а пока вернемся к теме.

XVI. Насколько рассудителен и мудр был король Генрих, можно судить уже потому, что королем он поставил самого способного и благочестивого из своих сыновей. Ведь, если бы королевское достоинство не досталось после твоей смерти, о мудрейший король, столь великому наследнику, гибель грозила бы всему [твоему] народу! По этому случаю приведем во славу обоих такие строки:

Некогда сам побеждал ты обычно
 Веры врагов в кровавом сраженье,
 Ныне же слышим, король, что огромное горе
 Смертью своей причинил ты народу.
 Но прекращает вдруг плакать толпа,
 Короля дорогого лишившись,
 Ибо другой встал на место его, почитаемый миром,
 Сын, достойный отца своей славой,
 Отто король, тот самый, который
 Властью великой народы чужие смиряет,
 Нам же мир он несет долгожданный.
 Все, что погибло со смертью отцовской,
 Светлым восходом своим возвратил он,
 Мягкий и кроткий, терпимый со всеми,
 Недругам враг он жестокий и лютый.
 Многие войны тебе предстоят, от которых
 Имя твое вплоть до звезд вознесется,
 Будешь те земли поирать ты ногами,
 Где льется медленный свет Медведицы Малой,
 Также и те, что имеют Геспера имя, который
 Иначе зовется еще Люцифером,
 Факел неся пред сияющей Эос.

XVII. Король Оттон еще до вступления на трон взял себе в жены дочь брата короля Ательстана³⁷ из благороднейшего народа англов именем Оттифу³⁸, которая родила ему сына Лиудольфа³⁹. Мы проливаем горькие слезы, как только вспоминаем о его недавней кончине⁴⁰. О, если бы он или совсем не родился, или не умер так рано!

XVIII. В это же время Генрих, брат названного короля, по наущению некоторых дурных людей стал его злейшим врагом. Ведь тот, кто, обретя после акта творения высочайшую честь, захотел стать равным своему творцу, стал через послушных ему людей восстанавливать Генриха против его брата, скорее короля и государя, такими словами: «Разве правильно поступил твой отец, предпочтя тебя, рожденного в королевском достоинстве, тому, кто не был рожден в нем? Очевидно, что не в

Оттон I и его супруга Оттифа. Статуи в одной из часовен Магдебургского собора

здравом рассудке принял он это ошибочное решение, но под влиянием эмоций. Так действуй же, ведь сил у тебя в избытке! Устрани брата и возьми себе королевство! И пусть королевская власть достанется тому, кому по милости Божьей доведется и родиться в этом достоинстве».

XIX. Что пылаешь ты, юноша, лучший из саксов,
 Жаждою власти столь сильной?⁴¹ Ведь запрещает
 Это тебе не отец твой Генрих, но Бог сам.
 Ибо лишь Он, милосердный и добрый,
 Скипетр дал и тебя поучает,
 Тот, без кого нет ни власти, ни трона.
 В мире случается то лишь, что Богу угодно,
 Через кого суд вершат господя, короли побеждают⁴².
 С братом в бой ты стремишься вступить нехороший,
 Гнусный злодей, нечестивый, кровавый?
 Левиафан, Бегемот⁴³ ты безбожный,
 Почто обманом готовишь возобновление распри старинной?
 За все преступления свои понесешь наказание,
 За то, что отверженных много тебя осуждают,
 Ты однажды расквасишься в этом.
 Всех злых людей ожидают адские цепи,
 Не избежать и тебе их, злодею.
 Однако, даже погрузившись по праву в вечный мрак Эреба⁴⁴,
 Туда с собой не повлечешь ты
 [Всех] христиан, [ведь всем известно],
 Что, если смочет кто святым крещением
 Груз совершенных ими грехов,
 Тех ожидает Божья милость,
 Даром от смерти всех падших спасая.

XX. Побудил же [Генриха] к столь гнусному и тяжкому преступлению граф Эберхард⁴⁵. Ведь, во время первого мятежа [Эберхарда] Генрих, как и положено, оказывал поддержку своему брату, королю и государю, изо всех сил беспокоя его врагов. Но, так как беспечность часто приносит несчастье не только тем, кто стремится к временным благам, но и тем, кто посвятил себя вечному и живет в созерцании внутреннего благочестия, и, как говорит Вегеций Ренат в книге о воинском деле: «в опасности большая беззаботность обычно влечет за собой более тяжкие последствия»⁴⁶, вышло, что когда Генрих пребывал в некоем замке, слабо заботясь о своей безопасности, названный Эберхард, собрав большое войско, осадил его и, прежде чем брат-король смог оказать [Генриху] помощь, захватил [замок], после чего ушел восвояси, увезя с собой как немалые богатства, так и самого [принца]⁴⁷. Король, стремясь отомстить за бесчестье своего брата, а скорее за свое собственное, изо всех сил начал преследовать названного Эберхарда и его сторонников.

XXI. Эберхард же, отвортив от верности королю Гизельберта, герцога Лотарингии, оказал [Оттону] с его помощью немалое сопротивление. Несмотря на то,

что жена этого Гизельберта была сестрой короля⁴⁸, он был одушевлен надеждой самому получить корону и был поэтому расположен скорее оказывать королю сопротивление, чем, как следовало бы, помогать ему против его врагов. Однако, увидев, что и таким образом не в состоянии [успешно] сопротивляться королю, они, вняв мудрому с точки зрения людей, но глупому с позиции Бога совету, обратились к Генриху с такого рода словами:

XXII. «Если ты клятвенно обещаешь следовать нашим советам, то мы тебя не только отпустим, ибо ты наш пленник, но более того, сделаем тебя нашим государем, если, конечно, ты хочешь стать королем». Однако они говорили это не потому, что действительно сбились так поступить, а чтобы с его помощью им было легче одолеть короля.

XXIII. Король же располагал несколькими весьма храбрыми армиями, а именно: войском Германа⁴⁹, герцога Швабии, брата его Удо⁵⁰ и Конрада⁵¹, имевшего прозвище «Мудрый». Будучи связаны с Эберхардом узами родства, они все же предпочли умереть, – если бы так сложились обстоятельства, – за правду вместе с законным королем, нежели вопреки справедливости торжествовать вместе со своим родичем. Итак, Генрих, будучи обманут данным ему обещанием, быстро собрал своих людей и всеми силами стал помогать [мятежникам], сражаясь против короля. Но, поскольку записано, что «злоба обманывает сама себя»⁵², хотелось бы немного на этом задержаться и рассказать, каким образом обманула [Генриха] его злоба. Так вот, Эберхард не мог отвратить Гизельберта от верности королю и привлечь на свою сторону, пока не обещал сделать королем его самого. В свою очередь, Гизельберт надеялся обмануть Генриха таким образом, чтобы, победив с его помощью короля, в дальнейшем его устранить и самому овладеть королевским тронem. Однако Эберхард изначально задумал иной план. Ведь, победив короля, он рассчитывал их обоих лишить королевской власти и самому ее захватить, как это можно заключить из его слов, сказанных им своей жене незадолго до смерти. Лаская жену у себя на груди, он сказал: «Радуйся пока на груди графа; скоро ты будешь веселиться в объятиях короля». Но действительность показала, что все вышло совсем не так, и злоба обманула сама себя.

XXIV. Итак, [Генрих], как мы уже сказали, воодушевленный, а скорее обманутый такого рода обещанием, собрал войско и вместе с Гизельбертом и Эберхардом выступил против короля. Король, не испугавшись их численности, но уповав на милость Божию, весело двинулся им навстречу. Но, чтобы ты знал, насколько легко Богу побеждать многих с помощью немногих, и что *никто не спасется от избытка своей силы*⁵³, услышь о повторении Господом древнего чуда.

Воины короля, достигнув Рейна у места под названием Бирген, начали уже переправляться через реку, не зная, что Генрих вместе с названными графами уже здесь. Лишь очень немногие сошли с кораблей, едва успев вскочить на коней и взять в руки оружие, когда узнали, – не услышав от кого-то, а увидев собственными глазами, – что отряды вышеназванных [графов] уже здесь и спешат им навстречу. Тогда они обратились друг к другу с такой речью: «Величина этой реки, как вы знаете, не позволяет нашим товарищам прийти к нам помощь, нам же, – даже если

бы мы захотели, – не позволит вернуться назад; не секрет, насколько смешным будет, – особенно нашим землякам, – если храбрые мужи сдадутся врагам, не сопротивляясь, избегнут смерти, выкупив свою жизнь ценою вечного позора. И, несмотря на то, что невозможность бежать, – что иной раз сильно вредит самому врагу, – и мысль о вечном позоре, – если бы мы стали молить о милости, – дают нам уверенность в предстоящей борьбе, есть причина, а именно – стремление к правде и справедливости, которая особо побуждает нас сражаться. Ведь если в сражении с неправдой рухнет земной наш дом, мы обретем на небе вечный и нерукотворный»⁵⁴. Придя от этих слов в возбуждение, они в яростном натиске бросились на врага. Король пришел к выводу, что столь великой силой [духа] его люди обязаны божественному вмешательству; не имея возможности из-за разделявшей их реки собственноручно помочь им, он вспомнил, что народ Господень победил напавших на него амаликитян посредством молитв Моисея, раба Божьего⁵⁵; тотчас же соскочив с коня, король вместе со всем народом стал, проливая слезы, молиться пред победоносными гвоздями, которыми руки Господа нашего и спасителя Иисуса Христа были прибиты [ко кресту] и которые ныне вложены в [священное] копьё. Насколько сильна, – по словам блаженного Иакова⁵⁶, – оказалась молитва праведного мужа, ясно показал исход дела. Ведь во время молитвы [короля] ни один из его людей не был убит, тогда как все враги обратились в бегство; причем некоторые из них так и не поняли, почему они бежали, ибо из-за крайней малочисленности преследователей не могли видеть врагов. Многие были убиты, а Генрих – тяжело ранен в руку, и хоть твердость тройного панциря не дала лезвию добраться до мяса, сила полученного удара причинила такой ушиб, что никакие заботы врачей так и не смогли его вылечить; поэтому [Генрих] ежегодно страдал от периодических сильных болей. Это, как говорили уже гораздо позже, и стало причиной его преждевременной смерти⁵⁷. Но, поскольку речь зашла о священном копьё, будет уместно рассказать, каким образом оно попало к [Оттону].

XXV. Король Бургундии Рудольф, в течение нескольких лет правивший в Италии, получил это копьё в дар от графа Самсона⁵⁸. Оно значительно отличалось по виду и фигуре от прочих копий, будучи изящно изготовлено совершенно новым способом и имея в середине наконечника отверстия по обеим его сторонам. Вместо выступов в средней части копья, вплоть до его изгиба располагались два очень красивых лезвия. Как утверждают, копьё это принадлежало еще Константину Великому, сыну святой Елены, которая нашла животворящий Крест. Посредине копейного острья, которое выше я назвал наконечником, расположен крест, составленный из гвоздей, которыми были прибиты ноги и руки Господа нашего и искупителя Иисуса Христа⁵⁹. И вот, король Генрих, услышав, что Рудольф владеет столь бесценным даром небес, отправил к нему послов, пытаясь приобрести [копьё] за какую угодно цену, чтобы иметь в нем непобедимейшее оружие против зримых и незримых врагов и постоянно побеждать их с его помощью. Когда же король Рудольф заявил, что никогда и ни при каких условиях этого не сделает, король Генрих, – поскольку не смог смягчить [Рудольфа] дарами, – постарался запугать его разного рода угрозами. Так, он обещал все его королевство опус-

тошить огнем и мечом. И, поскольку то, о чем просили, было драгоценностью, тем краугольным камнем, посредством которого Бог соединил земное с небесным, создав из обоих одно, сердце короля Рудольфа смягчилось и он лично передал праведному королю то, чего тот по праву добивался. Ибо там, где царит мир, нет места вражде. Ведь даже Пилат и Ирод сделались друзьями между собой в тот день, когда тот, кого они распяли, шел от первого ко второму, хотя прежде они были во вражде друг с другом⁶⁰. Сколь велика была любовь, с какой король Генрих принял названный бесценный дар, стало видно как из некоторых его поступков, так и, — особенно ясно, — из того, что он почтил [Рудольфа], сделавшего ему этот дар, не только золотом и серебром, но и немалой частью провинции Швабии⁶¹. Бог же, который смотрит на то, что в душе каждого⁶², обращает внимание не на количество даров, а на добрую волю и воздает за то, показал различными знаками уже в этом временном [мире], сколь велика награда, коей почтил Он благочестивого короля за упомянутое дело в вечности; так, неся перед собой сей победоносный знак, [Генрих] всегда устрашал и обращал в бегство восставших против него врагов. Итак, благодаря этому случаю, а скорее по Божьей воле король Генрих овладел этим священным копьем, которое, умирая, оставил вместе с королевством и прочим наследством своему сыну, о котором мы сейчас ведем речь. А с каким почтением относился тот к этому бесценному дару, доказывает не только нынешняя победа, но и удивительное изобилие божественных даров, о котором мы еще скажем⁶³. Итак, приведя в ужас и обратив в бегство [врагов], король вернулся домой, не столько радуясь победе, сколько восхваляя божественное милосердие.

XXVI. Хотелось бы несколько задержаться на этом и рассказать, что произошло это не случайно, но согласно Божьей воле. Что будет для нас более ясным, чем, если мы расскажем о явлении Господа и спасителя нашего Иисуса Христа после Его воскресения женщинам и ученикам. Фома хорошо знал о верности Петра, о любви Иоанна, который во время вечера возлег на грудь учителя⁶⁴; он слышал, что они поспешили к [Его] гробу и ничего, кроме плащаницы, там не нашли; узнал он также о видении ангелов, которые явились женщинам и сообщили, что Он жив. И что же? Положим, зная женскую слабость, он не поверил женщинам. Но скажи, святой Фома, — говорю я, — если ты не веришь также 2-м ученикам, спешившим к замку Эммаус, которым Он не только открылся, но и открыл писания, повествующие о Нем самом, более того — благословил, согласно обычаю, хлеб, преломил и дал его им, то отчего не желаешь ты оказать доверие всем [прочим] своим товарищам, которым Он явился через закрытые двери? Разве не помнишь ты, — говорю я, — что твой господин и учитель, которому ты обещал умереть вместе с ним, предсказал все это перед своими муками? Ведь он говорил: *«Вот мы восходим в Иерусалим, и совершится все, написанное через пророков о Сыне Человеческом. Ибо предадут Его язычникам и поругаются над Ним, и оскорбят Его и оплюют Его, и будут бить, и убьют Его; и в 3-й день Он воскреснет»*⁶⁵. Почему же ты сомневаешься в Его воскресении, когда видел, что Он, как и предсказывал, был предан язычникам, бит, оплеван и распят? Но не беда, что старался ты потрогать твоего Бога собственными руками. Ведь сам царь наш от века, устрояющий спасение посреди

земли⁶⁶, который знает обо всем еще до того, как оно случится, предвидел, что многие погибнут из-за подобного заблуждения и, будучи добр и милостив, сказал [Фоме]: *«Протяни палец твой и вложи руку твою в ребра мои; и не будь неверующим, но верующим»*⁶⁷. Ἐξαυδα δε Φομα̅ ἄγιε, εξαυδα де тома агие, что значит, убедись же, святой Фома, и устрани от нас своим неверием всякое сомнение. *«Господь мой, – сказал он, – и Бог мой»*. О, сомнение, достойное всяческой похвалы! О, неверие, которое веками должны все восхвалять! Ведь, если бы ты не усомнился, я не верил бы столь крепко. Если бы мы рассказали тогда о вере учеников [Его] и уверовавших женщин еретикам, которые лживо утверждали, что Господь наш Иисус Христос не воскрес во плоти, они благодаря дьявольскому коварству противопоставили бы нам многочисленные аргументы против. Но услышав, что усомнившийся Фома трогал тело, прикоснулся к шрамам от ран и, тотчас же откинув неверие, воскликнул: *«Господь мой и Бог мой»*, те, кто раньше много кричали, казалось, сразу же онемели, как рыбы, ибо поняли, что то была истинная плоть, которую можно потрогать, и истинный Бог, который вошел через закрытые двери. И то, что Фома усомнился, было не случайностью, но проявлением Божьей воли.

Таков, благочестивейший король, именно таков был замысел божественного провидения, которое желало столь неожиданной, – по причине малочисленности воинов, – победой показать смертным, насколько угоден Богу тот, кто молитвой заслужил [право] одержать столь славную победу при помощи столь малого [войска]. Возможно, – а скорее всего так оно и есть, – что ты прежде не знал, сколь сильно любит тебя Бог; позже он дал тебе это понять, почтив столь славной победой. Ведь мы ничего не знали бы о тех добродетелях, которыми обладали святые мужи, о том, как держались они в виду испытания их Богом, если бы они не доказали это [своими делами]; мы можем заключить сие из слов ангела, сказанных Аврааму, когда тот хотел принести в жертву своего сына; ведь он сказал ему: *«Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего; ибо теперь я знаю, что боишься ты Господа»*⁶⁸, то есть я сделал это известным тебе самому и последующим [поколениям]. Ведь Господь знал, какой сильной любовью любит его святой патриарх Авраам еще до того, как тот хотел принести ему в жертву сына; но сам любящий не знал, как сильно он Его любит, пока принесением в жертву любимого сына не доказал это самым ясным образом. Мы можем также доказать это утверждение со слов блаженного Петра: *«Господи, – сказал он, – с тобой я готов и в темницу и на смерть идти»*. А Господь сказал ему: *«Говорю тебе, Петр, не пропоет петух в эту ночь, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня»*⁶⁹. О, святой Петр, тот, кто создал тебя, знал тебя лучше, чем ты сам. Ты полагал, что обладаешь истинной верой; но тот, кто знает все, еще прежде чем оно случится, предсказал, что ты трижды отречешься от него. Позже, помня эти Его слова, на Его вопрос: *«Любишь ли ты Меня?»*, ты объявил Ему о своей любви, дав такой скромный ответ: *«Господи, Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя»*⁷⁰. По моему убеждению, я люблю Тебя больше, чем самого себя, если только любя Тебя, можно любить себя. Соответствует ли это, как я полагаю, истине, Ты, который создал меня таким, каков я есть, и наделил праведнейшей любовью, дабы я любил Тебя, знаешь лучше, чем я сам». Итак, доб-

рый король, случилось это не ради твоей веры, но ради веры тех убогих, которые думают, что победа зависит только от численности [войска], а в человеческих делах все решает случай. Ведь мы знаем, что даже если бы ты перешел [реку] с 12-тысячными легионами и одержал победу, то приписал бы ее не себе, но Господу. Причина Его желанья дать тебе возможность победить благодаря молитве малым числом состоит в том, дабы всех, кто полагается на Него, заставить любить Его еще сильнее и одновременно показать, сколь сильно Он тебя любит тем, кто этого еще не знал. Но оставим это и вернемся к нашему рассказу.

XXVII. В пределах Эльзаса есть замок, который зовется на местном наречии Брейзах и укреплен как благодаря Рейну, омывающему его наподобие острова, так и благодаря естественной неприступности самого места. Эберхард разместил в нем большое количество своих воинов, с чьей помощью не только овладел большей частью названной провинции и внушил ей страх, но и жестоко разорял [земли] верных королю [вассалов]. Наконец, добрый король, беспокоясь об [ущербе] своих людей, а не о своем собственном, собрал войско и вступил в Эльзас, чтобы осадить названный замок. Когда он туда пришел, большинство епископов, вняв убеждениям Фридриха⁷¹, архиепископа Майнцкого престола, бывшего тогда вместе с королем, покинули ночью разбитые ими по кругу палатки и, бросив короля, тайно бежали каждый в свой город; сам же Фридрих коварно остался [при короле]. Воины короля, заметив это, обратились к [Оттону] с такого рода речью: «Пора тебе, король, подумать о своем спасении; оставь это место и уходи в Саксонию. Для тебя не секрет, что брат твой Генрих ведет против тебя войну; если он узнает, что с тобой такое малочисленное войско, то нападет столь внезапно, что и бежать не удастся. Так вот, лучше пополнить войско и опять вернуться, чем погибнуть жалким образом или с позором бежать». На это неустрашимый король ответил им, как некогда говорил своим людям Иуда, по прозвищу Маккавей: «Не говорите так! *Ведь если пришел наш час, давайте доблестно умрем, не омрачив позором нашу славу*⁷². Лучше принять смерть за правду и справедливость, чем, избежав ее, жить в позоре. Наконец, если тем, кто противится Божьим установлениям⁷³, полагаясь только на свою численность, а не на Бога, угодно, сражаясь за неправо дело, умереть и сойти в вечный мрак Эреба, то нам тем более по нраву еще яростнее биться, – ибо боремся мы за правое дело, – и, сражаясь, умереть, если выпадет сей жребий всякой плоти. Ведь обратить тыл перед решающим сражением из-за малочисленности своего войска, значит для тех, кто сражается за правду, усомниться в Боге». Сказав это, он не только отговорил их от предполагаемого бегства, но и побудил доблестно сражаться.

XXVIII. На одно только, славный отец, обрати самое пристальное внимание; ты удивишься, когда услышишь, что [король умел] побеждать не только врагов, но и порывы своей души. Ведь и грешники с Божьего соизволения могут иной раз победить врага; соблюдать же непоколебимую силу духа, то есть не превозноситься в успехах и не падать духом при неудачах, дано лишь избранным. Итак, услышь, с каким пылом веры положился [Оттон] в столь бурное время на камень, которым был Христос⁷⁴. В то время при нем находился некий очень богатый граф, чье довольно значительное войско украшало армию короля. Видя, что очень многие покинули

королевское войско, перейдя [к врагу], он, видя в человеке лишь внешнее, а не внутреннее, молча стал размышлять сам с собой примерно так: «Я без сомнения получу у короля все, чего бы ни попросил в этой сумятице, особенно теперь, когда нам предстоит жестокая война, и он боится, как бы я его не покинул». Итак, отправив послов, он умолял короля уступить ему некое, очень богатое поместьями аббатство под названием Лорш, дабы, пользуясь его землями, – ибо он и его вассалы нуждались в земле, – служить королю с большим успехом. Король же, будучи надежен хитростью не только голубя, но и змеи, не мог не заметить его коварного умысла, а потому дал послам такого рода ответ: «То, что я думаю об этом деле, я предпочитаю сообщить [графу] лично, а не через послов». Услышав его ответ послам, [граф] преисполнился великой радостью, ибо надеялся добиться того, о чем просил. Поэтому, не медля прибыв к королю, он просил его высказать свое решение относительно этого дела. А король при всем народе сказал ему следующее: *«Должно повиноваться больше Богу, нежели людям»*⁷⁵. Ведь кто, пребывая в здравом уме, не понял, что ты высказал здесь не смиренную просьбу, но угрожающее требование? Записано: Не давайте святыни псам⁷⁶. И, хоть это было сказано отцами [церкви] в ином, духовном смысле, я считаю, что дам святыню псам в том случае, если те церковные земли, которые были переданы воинам Божиим благочестивыми людьми, я отдам воинам светским. Тебе же, кто просит столь дерзко и незаконно, я заявляю при всем народе, что ты не получишь от меня ни это, ни что-либо иное. И если сердце велит тебе уйти вместе с прочими неверными [вассалами], то чем скорее [ты уйдешь], тем будет лучше». Услышав это, граф покраснел, выдав тем самым тайну своего сердца, – ибо лицо есть зеркало души, – и, тотчас бросившись королю в ноги, признался в том, что грешен и тяжко провинился [перед королем].

Итак, оцени теперь, с какой твердостью крушит Божий воин не только видимых, но и невидимых врагов. Ведь древний враг, убеждая подняться против него самых сильных князей, даже брата подстрекая отобрать у него королевство, полагал, что не причинит этим [Оттону] большого вреда, ибо все это – внешний ущерб; потому и побудил он названного графа требовать для себя наследство святых, чтобы король тотчас вызвал на себя гнев Божий, как только незаконно передаст своим вассалам достояние рабов Божьих. Но, поскольку ему это не удалось, [сила] святого короля, за которого ради [проявленной] им стойкости в испытании сражался сам Бог, возросла, о чем мы сейчас и расскажем.

XXIX. Святой Давид говорил от лица Господа: *«Если бы народ Мой слушал Меня, и Израиль ходил Моими путями, Я скоро смирил бы врагов их, и обратил бы руку Мою на притеснителей их»*⁷⁷. То, что это исполнилось в [нашем] короле, который был послушен Господу и ходил Его путями, ясно вытекает из того, что я сейчас расскажу.

Эберхард и Гизельберт, услышав, что король пребывает в Эльзасе, собрали огромное войско и, не опасаясь, что кто-то еще может оказать им сопротивление, перешли Рейн у Андернаха, после чего стали всюду избивать верных королю людей. В тех краях тогда находились Удо, брат Германа, герцога Швабии, и Конрад, по прозвищу «Мудрый», о которых выше мы сказали, что они остались верными королю. Однако, поскольку их войско было значительно слабее войска [мятежников], они

не посмели выступить против них. Все же, следуя Божьему велению, данному не словами, но внушением [свыше], они по пятам следовали за [врагами], которые возвращались с богатой добычей. Когда они несколько продвинулись вперед, навстречу им вышел, плача и рыдая, некий священник. На вопрос их, откуда он идет и почему плачет, он ответил: «Иду от тех разбойников, которые, отняв у меня коня, – единственное, чем я владел, – еще более усилили гнет моей нужды». Услышав это, названные Удо и Конрад осведомились, точно ли он видел Гизельберта и Эберхарда. И, когда тот ответил, что «отправив почти все [войско] с добычей за Рейн, сами они, в окружении только избранных рыцарей, – да не пойдет им это на пользу! – собирают фураж», они бросились на них с такой стремительностью, что если бы ты их тогда видел, то сказал бы, что они не бегут, но летят. Что же дальше? Эберхард погиб от меча, а Гизельберт утонул в водах Рейна⁷⁸; не сумев поглотить [эти воды] из-за большого их количества, он испустил дух. Из прочих ни один не убежал, но или живым попал в плен, или погиб от меча. Итак, ты видишь теперь, каким образом Господь обратил руку свою на врагов короля, который, как Он знал, ходил путями Его.

XXX. Пока все это происходило, король в Эльзасе, ничего об этом не зная, был готов скорее умереть, чем бежать перед врагом. И вот, случилось, что когда ранним утром, вскочив по своему обыкновению на коня, он отправился в церковь, дабы укрепить себя молитвой, – ибо церковь находилась далеко [от лагеря], – то, устремив взгляд вдаль, увидел, как навстречу ему весьма поспешно движется человек, в котором он сразу же узнал вестника. А поскольку тот, кто пришел, нес радостные вести, он, как только увидел короля, своими жестами дал ему знать о радостном характере последующего сообщения. По этому же признаку все, кто там был, поняли, что объявлено будет об успехе и, наострив уши⁷⁹, сбегались выслушать [посла]. Однако степенный шаг, приведение в порядок волос и одежды, а также важное его приветствие казались им вечностью⁸⁰. Король, видя, что народ волнуется, с трудом перенося заминку посла с докладом, сказал: «Говори, с какой целью ты прислан! Изложи сначала [суть] дела, – пусть и нарушив этим правильный порядок [протокола], – чтобы избавить окружающих от страха и наполнить их души радостью; а затем уж почти нас приветствиями в виде длинного вступления и риторического предисловия. Не как, но что ты скажешь, ждем мы сейчас от тебя. Ведь нам более по сердцу радоваться сельской простоте, чем томиться изяществом Туллия». Услышав это, [посол] первым делом сообщил, что Эберхард и Гизельберт погибли, и собирался продолжить рассказ о том, как это произошло, но король жестом остановил его, соскочил с коня и со слезами, в молитве возблагодарил Бога. Закончив [молитву], он поднялся и продолжал начатый им путь в церковь, дабы вверить себя Богу.

XXXI. В это время Бертольд⁸¹, герцог Баварии, брат герцога Арнульфа, муж весьма деятельный, всеми силами поддерживал партию короля. Король, желая, чтобы он разделил нынешнюю его радость так же, как прежде разделял невзгоды, на следующий день отправил [к нему] послов, сообщив об оказанной ему Господом великой милости. А чтобы еще больше его обрадовать, он передал, что если [Бертольд] имеет намерение жениться на его сестре, то есть вдове Гизельберта, – ибо

Бертольд не был связан брачными узами, — он клятвенно обязуется выдать ее за него замуж; если же нет, он может дать ему в жены почти уже взрослую дочь Гизельберта, которая была рождена ему этой сестрой и находилась у короля. От этих слов Бертольда охватила безмерная радость, но он предпочел ждать [совершеннолетия] еще недостаточно взрослой дочери, нежели жениться на матери, уже бывшей замужем⁸².

XXXII. Наконец и Фридрих, архиепископ Майнцкой церкви, по совету которого короля покинули многие епископы, перестал действовать тайно, открыв всем свою неверность; примерно за 10 дней до смерти названных выше [графов], он, покинув короля, поспешно прибыл в Майнц, но не стал там задерживаться, а отправился в город Мец. Ведь Генрих, брат короля, намеревался по возвращении Эберхарда и Гизельберта вместе с этим Фридрихом собрать там войско и развязать таким образом серьезную войну с королем, пребывавшим тогда в Эльзасе. Когда же названный архиепископ туда прибыл, к нему весьма неожиданно и несвоевременно явились послы, сообщившие о смерти названных князей. От этих слов [Фридрих] пришел в ужас, совершенно не зная, что теперь делать.

XXXIII. Король, покинув между тем Эльзас, занял Франконию. Боясь его, жители Майнца отказались принять в городских стенах вернувшегося к ним архиепископа. Потому и вышло, что чуть позже он был схвачен верными королю людьми, приведен к нему и отправлен под стражей в Саксонию⁸³. Пребывая там какое-то время под арестом, он благодаря милосердию короля позднее опять был восстановлен в своем прежнем достоинстве.

XXXIV. Наконец и Генрих, полуживой от страха перед королем, то есть своим братом, решил запереться в замке под названием Шевремон, укрепленном не только человеческим мастерством, но и самой природой. Однако его сестра, вдова Гизельберта, узнав об этом, не только не дала ему возможности воплотить этот план в жизнь, но и обратилась к [Генриху] с такого рода речью: «Ну вот! Тебе мало тех моих несчастий, которые я терплю из-за смерти супруга? Ты желаешь еще запереться в моих укреплениях, чтобы гнев короля, подобно дождю, пролился над этой землей? Я этого не потерплю, не позволю, не допущу!⁸⁴ Я родилась не настолько глупой, чтобы ты мог извлекать для себя выгоду из моих бед».

XXXV. Генрих, услышав это и не зная, что еще можно сделать, взял с собой несколько епископов, чья защита могла бы ему помочь, и однажды с босыми ногами пришел к королю, который ничего об этом не знал; бросившись королю в ноги, он смиренно умолял его о милости. Король же сказал ему: «Недостойное деяние твое не заслуживает милосердия. Но так как я вижу тебя униженным перед собой, то не причиню тебе зла». Итак, король приказал ему отправляться в замок, расположенный во Франконии, в месте под названием Ингельгейм⁸⁵, и пребывать там под бдительной стражей до тех пор, пока ярость его гнева несколько не утихнет и он не решит, следуя совету мудрых людей, что с ним делать.

КНИГА ПЯТАЯ

НАЧИНАЮТСЯ ГЛАВЫ ПЯТОЙ КНИГИ

I. О том, как Герман, герцог Швабии, дал Лиудольфу, сыну короля, в жены свою дочь по имени Ида.

II. О солнечном затмении и появлении кометы.

III. О том, что король Гуго каждый год осаждал Рим.

IV. О братьях Беренгаре и Анскарии, из которых Анскарый стал маркграфом в Камерино и Сполето.

V. О Сарлионе, которого король Гуго отправил против Ансария, и о словах Ансария.

VI. О добром совете Викберта, доброго воина, и дурном совете Аркодия, плохого воина.

VII. О первой битве между Сарлионом и Анскарием, в которой Викберт был убит, а Аркод бежал.

VIII. О второй битве, в которой Анскарый убил копьем графа Хатто, а затем, упав с коня, и сам был убит врагами, и о том, что Сарлиус получил марку.

IX. О короле Гуго, который отправил в Константинополь послов ради кораблей и греческого огня.

X. О короле Гуго, который хотел ослепить Беренгара, но не смог из-за того, что Лотарь сообщил об этом Беренгару и о бегстве этого Беренгара и его жены.

XI. Проклятия горам, которые пропустили Беренгара и Виллу.

XII. О том, как герцог Герман принял Беренгара и привел его к королю.

XIII. О том, как король Гуго отправил своих послов к королю Оттону, предлагая деньги, если тот не примет Беренгара, и о неудаче этого посольства.

XIV. О том, как император греков Роман просил Гуго, чтобы он выдал свою дочь замуж за его внука, сына Константина.

XV. О морском сражении между Романом и Игорем, королем руссов, и о победе, удивительным образом одержанной Романом.

XVI. О том, как отправившись к Фраксинету, король Гуго отправил туда же греков с кораблями.

XVII. О том, как король Гуго мог, но не захотел разрушить Фраксинет.

XVIII. Об Амадее, воине Беренгара, который в качестве разведчика пришел в Италию.

XIX. О том, как король Гуго, заключив договор с венграми, отправил их в Испанию.

XX. О том, как король Гуго отправил в Константинополь свою рожденную от наложницы дочь.

XXI. О крепости и красоте Константинопольского дворца и о том, как Стефан и Константин, изгнав из дворца своего отца, постригли его в монахи.

XXII. О том, как они хотели также низложить Константина Порфирогенета, но сами были им схвачены и отправлены в монастырь, а также о том, благодаря кому был раскрыт их замысел.

XXIII. Об иронической встрече и о речи отца, когда его сыновья прибыли в монастырь.

XXIV. Молитва императора Романа, которую вознес он за сыновей, благодаря Бога.

XXV. О том, что Константин и Стефан были отданы под стражу.

XXVI. О приходе в Италию желанного Беренгара и о том, как Манассия содействовал его партии.

XXVII. Какие князья первыми покинули Гуго и почему.

XXVIII. О том, что король Гуго отправил своего сына Лотаря в Милан, [моля] о милосердии всех итальянцев.

XXIX. О епископе Иосифе, изгнанном из Брешии Беренгаром, и об Антонии, поставленном на его место.

XXX. Почему Беренгар оставил [на местах] епископов Пьяченцы и Павии, и почему родители поручили Беренгару [своего сына], клирика Лиутпранда.

XXXI. О короле Гуго, который со всем своим имуществом ушел в Прованс, и о Раймунде, который стал его вассалом.

XXXII. О жене Беренгара, совершившей тяжкий проступок, и как она оправдалась.

XXXIII. Об имуществе, которое Беренгар забрал у бедняков и церкви по причине [угрозы со стороны] венгров.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЯТАЯ

I. После смерти Эберхарда и Гизельберта, а равно взятия под стражу Генриха, брата короля, вся знать [королевства] съехалась к королю, дабы поздравить его с успехом; сюда же прибыл и богатейший муж, герцог Швабии Герман; вслед за обильными поздравлениями он обратился к королю с такой речью: «Моему государю известно, что у меня, владеющего обширными землями и огромным количеством денег, нет сына; кроме единственной, малолетней еще дочери, нет никого, кто унаследовал бы после моей смерти все мое имущество. Так не угодно ли моему государю, королю, сделать своего сына, малолетнего Лиудольфа, также и моим сыном, дабы, женившись на моей единственной дочери, он после моей смерти стал

наследником всего моего добра?». Поскольку совет этот пришелся королю по душе, все, о чем просил [герцог], без промедления исполнилось¹.

II. В это время, как вы сами то хорошо знаете, произошло великое и страшное для всех солнечное затмение, в пятницу, в 3-м часу дня, в тот день, когда Абдуррахман, ваш король, был побежден в битве Рамиро², христианнейшим королем Галисии. В Италии же на протяжении 8 ночей была видна удивительной величины комета, испускавшая из себя огненные лучи невероятной длины и предсказавшая наступивший в скором времени голод, суровостью своей жестоко опустошивший Италию.

III. В то время, как короля Гуго с позором изгнали, о чем мы уже рассказывали, Альберик овладел городом Римом. Король Гуго из года в год тяжело утеснял его, огнем и мечом опустошая все, что только мог, пока не отнял у [Альберика] все города, кроме самого Рима, в котором тот пребывал. Но и им он без сомнения овладел бы, разоряя и подкупая горожан дарами, если бы не помешал тому тайный промысел справедливого Бога.

IV. В это же время в Италии славились братья Беренгар и Анскарий, происходившие от одного отца, а именно от Адальберта, маркграфа города Ивреи, но не от одной матери. Беренгара, как мы уже говорили³, родила Гизела, дочь короля Беренгара, а Анскария – Ирмгарда, дочь Адальберта, маркграфа провинции Тосканы, от Берты, [матери] короля Гуго. Из них Беренгар был осторожен и хитер, а Анскарий – смел и готов на всякое дело. Король Гуго относился к последнему с большим подозрением, боясь, как бы тот его не убил и не овладел королевством. Итак, следуя [доброму] совету, он, когда умер маркграф Тедвальд⁴, назначил [Анскария] маркграфом Сполето и Камерино⁵, поскольку чувствовал себя в тем большей безопасности, чем далее тот будет от него удален. Однако, прибыв туда, [Анскарий], будучи человеком несдержанным, тотчас делом доказал все те дурные замыслы против короля, о которых прежде лишь думал. Это не укрылось от Гуго.

V. Итак, размышляя о лекарстве против сего недуга, он вызвал к себе Сарлиона⁶, родом бургундца, и сказал ему: «Мне известна верность камеринцев и сполетцев. Она подобна перу, на которое ежели обопрешься, то проткнешь себе руку⁷. Так иди же [к ним], подкупи их полученными от меня деньгами и, отвратив от любви к Анскарию, привяжи к себе. Никто лучше и искусней тебя не сможет это сделать. Ведь ты женат на вдове того самого Тедвальда, моего умершего племянника, который был здесь прекрасным маркграфом; опираясь на ее поддержку, [ты добьешься], что весь народ придет к тебе». И вот, когда тот прибыл, народ камеринцев и сполетцев поступил именно так, как и предсказывал король. Собрав большое войско, [Сарлион] поспешил к городу, где находился сам Анскарий. Услышав об этом, Анскарий обратился к первому своему воину по имени Викберт с такими словами:

«Сарлиус, трус, полагаясь на воинов многих,
Биться пришел; нам навстречу ему выйти нужно
С храбростью в сердце, с оружием, вступить в суровую битву.
Так приди же ко мне, твоему молодому патрону,
Отряд отборный, испытанный в многих сраженьях,
Свиту мою всегда составлявший, блеском металла сияя».

VI. Услышав это, Викберт, будучи мужем, полагающимся не только на храбрость, но и на мудрость, сказал: «Оставайся [здесь] и собери столько воинов, сколько сможешь. Ведь очень опасно противостоять войску со столь малым числом людей. А если ты обратишь внимание на то, с кем придется иметь дело, то увидишь, что это – герои, не хуже нас приученные к войне». Анскарий решил уже последовать доброму совету Викберта и хотел, отправив во все стороны гонцов, собрать войско, когда некий Аркод, родом бургундец, осадил Викберта такими язвительными словами: «Ты, – говорит, – подобен Хремету, который из страха перед Фрасоном дал совет Фаиде закрыться в доме, пока он приведет с форума защитников, сказав, когда Фаида этому воспротивилась: “Для твоего же блага глупо допускать то, чего можно остережся. Лучше проявить предусмотрительность, чем потом мстить за уже причиненную обиду”. Ты, Викберт, – говорю я, – здорово напоминаешь также воина Фрасона, который сначала изрыгал проклятия, а когда пришла пора действовать, поставил Сириека на правый фланг, Сималиона – на левый, а сам искал себе места за первой линией⁸. Ведь никто из тех, кто знает бургундцев, не будет отрицать, что они болтливы, ненасытны и трусливы. А насколько часто ты трусил, доказывает отсутствие шрамов на твоём теле, ибо ты избежал их путем бегства».

VII. Итак, возбужденные такого рода словами, Анскарий и Викберт с малым числом воинов тотчас же бросились туда, где, как они слышали, находился Сарлиус с многочисленным [войском]. Сарлиус имел 6 отрядов, 3 из которых направил против одного отряда Анскария, в рядах которого тот сражался. Сам же, перейдя реку, оставался там с 3 [другими] отрядами, ожидая исхода дела. Ведь он боялся, что даже столь сильное [войско] не сможет его защитить, если Анскарий сумеет склонить на свою сторону его людей. Тотчас же началась битва, в которой Аркода никто не видел, ибо он бежал, а Викберта смертельно ранили, ибо он предпочел умереть, нежели бежать. Итак, когда все [3 отряда] были разбиты Анскарием, Сарлиус отправил против него еще 2 отряда, оставив при себе всего один. И, когда Анскарий хотел проверить, кто из его людей пал на поле боя, навстречу ему вышел окровавленный Викберт, забрызганный, правда, не столько своей, сколько чужой кровью: И говорит ему: «Против нас движутся два прекрасно вооруженных отряда; еще и еще раз прошу я тебя не ожидать их [прихода], но избежать [встречи] с ними. Аркод, который, как ты сам хорошо знаешь, был виновником этой битвы, как видишь, бежал. Я же, находясь на пороге смерти, не думаю уже о битве, но молю милосердного Бога о [своей] душе, дабы не вменил Он мне в преступление то, что я совершил сегодня из любви к тебе, обрешши многих людей на смерть». Сказав это, он испустил дух.

VIII. Итак, Анскарий, собрав кого только мог, выступил против 2-х [этих] фаланг; яростно бросившись на них, он учинил страшное кровопролитие. Оба этих отряда возглавлял некий граф по имени Хатто; увидев, что Анскарий, сломав свое копье, держит в руках одно лишь древко, он стремительно выступил ему навстречу. Анскарий же, увидев его, сказал: «А! Это ты, который, презрев клятву, лживо данную во имя Бога на кресте и [мощах] святых, покинул своего господина и ушел, как перебежчик и дезертир, к лису Сарлиусу?! Маны⁹ умерших, те подземелья, где терпят муки [души] вероломных [людей], а также Коцит¹⁰ и черных лягушек в пучи-

нах Стигийских¹¹, которых ты видел до сих пор только во сне, сейчас увидишь воочию!». Говоря это, он с такой яростью бросил ему в лицо то древко без железного [наконечника], которое держал [в руке], что оно, забрызганное кровью и мозгом, вышло у того из затылка, а затем, вытащив меч, — ибо масса [врагов] бросилась на него, — стал отчаянно сражаться. И вот, когда он сам, ни от кого не получая помощи, сдерживал натиск почти всех врагов, устремляясь то туда, то сюда, конь, на котором он сидел, упал в яму и, склонив шею вниз, а ноги задрал вверх, до тех пор лежал на Анскарии, пока враги, бросившись на него, не метнули дротики и не убили его. Когда умер [Анскарий], Сарлиус спокойно овладел маркой, а король Гуго испытал безграничную радость.

IX. Пока все это происходило, горная область, окружавшая Италию с северо-запада, была жесточайшим образом опустошена сарацинами, живущими во Фраксинете. Следуя совету, [данному] относительно этого дела, король Гуго отправил послов в Константинополь, с просьбой к императору Роману прислать ему корабли с греческим огнем, которые сами греки на своем языке называют «хеландиями». Гуго сделал это для того, чтобы, пока он сам будет разорять Фраксинет с суши, греки на судах обложили бы ту его часть, что защищена морем, сожгли корабли [сарацин] и самым тщательным образом следили за тем, чтобы им на помощь не было прислано из Испании ни войско, ни продовольствие.

X. Между тем Беренгар, брат названного Анскария и маркграф города Ивреи, тайно начал замышлять против короля. Когда королю стало об этом известно, он, выказав притворную благосклонность и скрыв гнев, решил ослепить [Беренгара], как только он придет к нему. Однако сын его, король Лотарь, поскольку был мал и не понимал еще своих выгод, присутствуя на совете, не смог, как ребенок, утаить это [решение]; отправив посла к Беренгару, он открыл ему, как желает поступить с ним его отец. Беренгар, услышав об этом, немедленно покинул Италию, поспешив через Юпитерову гору¹² в Швабию к герцогу Герману; жене своей Вилле он велел прийти в ту же провинцию, но по другой дороге. Я не мог бы достаточно надивиться, как эта ждущая ребенка женщина смогла во время перехода через Птичью гору¹³ одолеть пешком столь крутые и неприступные вершины, если бы не знал точно, что судьба всегда была враждебна ко мне. Но увы! Не зная будущего, Лотарь и представить не мог, какую западню себе приготовил. Ведь, помогая Беренгару, он спас того, кто [позже] лишит его и королевства, и жизни. Поэтому я осуждаю не Лотаря, который погрешил из-за детского недомыслия и позже горько в том раскался, но те жестокие горы, которые вопреки своему обыкновению, представили им легкий путь. А теперь мне хотелось бы высказать им свое негодование:

XI. Гнусная Птичья гора, Ибо напасть сохранила, Непроходима всегда ты, Тогда, когда жнец срезает Тогда, когда Феба лучами О, великий позор тебе, Тебя перешли, и если б	Имени этого ты недостойна, Которую в силах была погубить. Даже когда палит солнце, Серпом кривым колосья Цереры, Нас опаляет созвездие Рака. Ибо в суровую зиму Силу мои имели желанья,
---	---

Сразу же прочие горы	Тебя низвергли бы в бездну.
Вот гора Юпитера, что сохранила,	Дав пройти чрез себя, Беренгара,
То не диво, что любо губить ей	Лишь справедливых,
Жалея злодеев, подобных	Маврам, которые, – о ужас! –
Рады крови людской	И живут грабежами.
Что сказать мне еще? Я хотел бы	Чтоб сразил тебя молнией Бог,
И, сокрушенная, ты пребывала	В хаосе вечном, отныне и присно.

XII. Итак, Герман, герцог Швабии, радушно приняв прибывшего к нему Беренгара, с великим почетом привел его к благочестивейшему королю Оттону. Мое перо не в состоянии описать, как милостиво принял его король, какими дарами одарил и какую воздал ему честь. Но, насколько возможно, оно изобразит то, из чего разумный читатель сможет заключить, насколько благочестив и человечен был король и насколько нечестив Беренгар.

XIII. Король Гуго, услышав о бегстве Беренгара, отправил своих послов к королю Оттону, обещая дать ему столько золота и серебра, сколько он пожелает, если только не примет он Беренгара и не окажет ему помощи. Король дал им такого рода ответ: «Беренгар обратился к нашей милости не ради свержения вашего государя, но чтобы, если это возможно, примириться с ним. И если бы я мог чем-то помочь ему в этом деле у вашего государя, то не только не принял бы обещанных им мне богатств, но охотно уступил бы ему свои собственные; просить же, чтобы я не оказал помощи Беренгару или кому-то другому, кто будет взывать к нашему милосердию, – верх глупости». Итак, заметь, с какой любовью принял его благочестивый король, который не только не пожелал принять обещанное, но сам собирался заплатить за него.

XIV. Пока все это происходило, Константинопольский император¹⁴ отправил вместе с послами короля Гуго своих собственных послов, сообщив, что даст ему корабли и все, что он пожелает, если он отдаст свою дочь замуж за его малолетнего внука, сына Константина, носившего одно с ним имя¹⁵. Я говорю о Константине¹⁶, сыне императора Льва, а не о сыне самого Романа. Ведь вместе с Романом правили еще три [императора], а именно: два его сына – Стефан и Константин, и тот Константин, о котором шла сейчас речь, сын императора Льва. Итак, король Гуго, выслушав это посольство, опять отправил к Роману послов, сообщив, что не имеет дочерей от законной супруги, но если [императора] устроят дочери его от наложниц, он может отправить ему одну из них, славную своей красотой¹⁷. И так как греки при выяснении знатности рода обращают внимание только на то, кто был отцом, а не матерью, император Роман тотчас же приготовил суда с греческим огнем, отправил великие дары и [велел] сообщить, что [согласен] на то, чтобы ее выдали замуж за его внука. Но так как мой отчим, человек, преисполненный достоинства и мудрости, был послом короля Гуго, мне кажется нелишним изобразить здесь то, что, как я слышал, он часто говорил о мудрости и человечности императора и о его победах над руссами.

XV. В северных краях есть некий народ, который греки по его внешнему виду называют Ρουσιος, русиос, мы же по их месту жительства зовем «нордманнами». Ведь на тевтонском языке «норд» означает «север», а «ман» – «человек»; отсюда –

«нордманны», то есть «северные люди». Королем этого народа был [тогда] Игорь¹⁸; собрав более тысячи судов, он пришел к Константинополю. Император Роман, услышав об этом, весьма встревожился, ибо отправил свой флот против сарацин и для защиты островов. Проведя в размышлениях немало бессонных ночей, – Игорь в это время опустошал морское побережье, – Роман узнал, что в его распоряжении есть еще 15 полуразрушенных хеландий, которые народ оставил [дома] из-за их ветхости. Услышав об этом, он велел прийти к нему τὸς καλαφάτας τὸς καλαφάτα, то есть кораблестроителям, и сказал им: «Сейчас же отправляйтесь и немедленно оснастите те хеландии, что остались [дома]. Но разместите устройство для метания огня не только на носу, но также на корме и по обоим бортам». Итак, когда хеландии были оснащены согласно его приказу, он посадил в них опытнейших мужей и велел им идти навстречу королю Игорю. Они отчалили; увидев их в море, король Игорь приказал своему войску взять их живьем и не убивать. Но добрый и милосердный Господь, желая не только защитить тех, кто почитает Его, поклоняется Ему, молится Ему, но и почтить их победой, укротил ветры, успокоив тем самым море; ведь иначе грекам сложно было бы метать огонь. Итак, заняв позицию в середине русского [войска], они [начали] бросать огонь во все стороны. Руссы, увидев это, сразу стали бросаться с судов в море, предпочитая лучше утонуть в волнах, нежели сгореть в огне. Одни, отягощенные кольчугами и шлемами, сразу пошли на дно морское, и их более не видели, а другие, поплыв, даже в море продолжали гореть; никто не спасся в тот день, если не сумел бежать к берегу. Ведь корабли руссов из-за своего малого размера плавают и на мелководье, чего не могут греческие хеландии из-за своей глубокой осадки. Чуть позже Игорь с большим позором вернулся на родину. Греки же, одержав победу и уведя с собой множество пленных, радостные вернулись в Константинополь. Роман приказал казнить всех [пленных] в присутствии посла короля Гуго, то есть моего отчима.

XVI. Итак, король Гуго, собрав войско и отправив флот к Фраксинету по Тирренскому морю, сам отправился туда по суше. Греки, прибыв на место, метнули огонь и быстро сожгли все суда сарацин. Но и король, осадив Фраксинет, заставил бежать всех сарацин на гору Мавр, где обложив со всех сторон, вполне мог бы их захватить, если бы не помешало тому одно обстоятельство, о котором я сейчас расскажу.

XVII. Король Гуго очень боялся Беренгара, как бы он, набрав во Франкнии и Швабии войско, не напал на него и не лишил бы королевства. Потому-то, следуя дурному совету, он тотчас отослал греков на родину и заключил с сарацинами мир на условии, что они расположатся в горах, отделяющих Швабию от Италии, и, если вдруг Беренгар решит провести там войско, всеми мерами помешают его переходу. Но сколько крови христиан, шедших к могилам блаженных апостолов Петра и Павла, пролили они, утвердившись там, знает лишь тот, кто держит [у себя] их имена, вписанные в книгу живых¹⁹. Как беззаконно пытался ты, король Гуго, защитить свою власть! Ирод избил множество невинных [младенцев], чтобы не лишиться земного царства; ты же отпустил людей виновных и достойных смерти, дабы его удержат; но пусть бы уж жили эти злодеи, лишь бы не губили они после невинных! Я считаю или, скорее, уверен, что ты не читал и даже не слышал, как гнев

Господень постиг царя Израиля Ахава за то, что, заключив договор, отпустил он Бен-Хадада, царя Сирии, мужа, достойного смерти. И один из сыновей пророков сказал Ахаву: «Так говорит Господь: За то, что ты выпустил из рук своих человека, достойного смерти, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа»²⁰. Так и случилось. Но, сколь сильно повредил ты себе в этом деле, наше перо подробнее расскажет в другом месте.

XVIII. В то время, как Беренгар бежал из Италии, он взял с собой некоего рыцаря по имени Амадей, [мужа] весьма знатного и, как стало ясно позднее, хитростью и отвагой не уступавшего Улиссу²¹. Поскольку храбрый король Отгон, будучи связан рядом дел, а также ежегодно получая от короля Гуго богатые дары, не мог предоставить Беренгару войска, упомянутый мною Амадей сказал Беренгару следующее: «Для тебя, господин мой, не секрет, сколь ненавистен стал король Гуго всем итальянцам за суровость своего правления и, особенно, за широкие раздачи должностей сыновьям [своих] наложниц и бургундцам, в то время, как не найти итальянца, который не был бы или изгнан, или лишен всех своих званий. И если они ничего не предпринимают против своего короля, то лишь потому, что нет у них никого, кого бы они могли сделать своим правителем. Вот если бы кто-нибудь из нас, переодевшись, дабы не быть узнанным, отправился туда и узнал их намерения, то, несомненно, он мог бы подать нам хороший совет». Беренгар и говорит ему: «Никто не сможет сделать это лучше и искуснее, чем ты». И вот Амадей, переодевшись, отправился в Италию вместе с бедняками, шедшими в Рим ради молитвы, — он делал вид, будто тоже собирается идти в Рим, — побывал у князей и выведаль, что каждый из них имеет в [своем] сердце; при этом он не показывался всем в одной и той же одежде: одни видели его в черном, другие в красном, третьи в пестром. Но молва, что любого зла проворней и жива самой скоростью²², о том, что он в Италии, дошла до слуха короля. И [Гуго] приказал разыскивать его самым тщательным образом; но Амадей, вымазав свою длинную и прекрасную бороду смолой, окрасив в черный цвет золотистые волосы и исказив лицо, прикинулся калекой столь искусно, что [отважился] в толпе нищих, обедавших в присутствии короля, предстать перед ним нагим, получить от него одежду и услышать, что король говорил о Беренгаре и о нем самом. Таким образом досконально все разузнав, он вместе с паломниками вернулся домой, но не той же дорогой, какой пришел. Ведь король приказал стражам «клузов» не пропускать никого, пока тщательно не выяснят, кто он таков. Амадей, услышав об этом, совершил переход через непроходимые и крутые места, которые никто не охранял, и прибыл к Беренгару с тем результатом, который тот и хотел услышать.

XIX. В это время король Гуго, дав 10 модиев монет, заключил мир с венграми; взяв заложников, он удалил их из Италии, после чего дал проводника и отправил в Испанию. Если же они так и не дошли до Испании, до того города, где пребывает король ваш, то есть до Кордовы, то причина этого в том, что три дня им пришлось идти по безводной и пустынной местности; полагая, что их кони, да и сами они погибнут от жажды, они убили уступленного им королем Гуго проводника и вернулись домой гораздо быстрее, нежели уходили.

XX. В это же время король Гуго отправил в Константинополь в сопровождении Зигфрида, почтенного епископа Пармской церкви, свою дочь Берту²³, которую родила ему блудница Пецола, дабы выдать ее замуж за Романа, малолетнего сына Константина Порфирогенета. Высшая власть в империи принадлежала тогда Роману Старшему, двум его сыновьям – Константину и Стефану, и Константину, сыну императора Льва, чье имя стояло после Романа, но перед именами его сыновей, и чей малолетний сын от Елены, дочери императора Романа Старшего, взял в жены названную уже Берту или, – как звали ее греки, изменив имя, – Евдокию. Итак, пока эти четверо правили вместе, братья Стефан и Константин, без ведома Константина, сына императора Льва, составили *офáлмата*, *сфалмата*, то есть заговор, против Романа, своего отца. Ведь их раздражала строгость отца, не позволявшего им делать все, что они хотели. Потому-то и стали они, следуя дурному совету, обдумывать план его свержения.

XXI. Константинопольский дворец не только красотой, но и крепостью превосходит все укрепления, какие я когда-либо видел, и охраняется немалым воинским контингентом. Согласно обычаю, он после утренних сумерек становится открыт для всех; после 3-го часа дня, по сигналу, – здесь его называют «мис», – всех удаляют, и вплоть до 9-го часа вход для всех закрыт. Проживая здесь, ис то хрисотриклинон, то есть в золотом тронном зале, – он считается лучшей частью, – как первый среди императоров, Роман предоставил прочие части дворца зятю – Константину и сыновьям – Стефану и Константину. Оба они, не вынося, как мы уже сказали, справедливой отцовской строгости, собрали в своих покоях многочисленное войско и назначили день, когда отец будет свергнут, а они будут править самостоятельно. И вот, когда наступил желанный день и все, согласно обычаю, покинули дворец, Стефан и Константин, собрав своих людей, напали на отца и, без ведома горожан, изгнали из дворца; затем они, согласно обычаю, постригли его и отправили молиться Богу на соседний остров²⁴, где множество монахов вели созерцательный образ жизни. Тотчас же среди константинопольской черни пошли разноречивые слухи: одни кричали, что Роман низложен, другие, что убит Константин, его зять. Не медля, весь народ сбежался ко дворцу. О Романа, как императоре незаконном, не спрашивали, но все задавались вопросом – жив ли Константин. Когда его поиски вызвали немалую смуту, Константин, по просьбе Стефана и Константина, высунул голову с неповрежденными волосами через решетку с той стороны, где тянется большой Цуканистрий²⁵, и, успокоив своим появлением народное волнение, убедил людей разойтись по домам. Событие это причинило тяжкую боль обоим братьям. «Что толку, – говорили они, – если, устранив отца, нам придется терпеть иного государя, который нам не отец? Ведь более сносно и прилично сносить отцовскую власть, нежели чужую. Что с того, – говорили они, – что ему на помощь пришли не только свои, но и чужие народы? Ведь епископ Зигфрид, посол короля Гуго, взяв с собой народы своего языка, амальфитанов, римлян, газтанцев, ему был защитой, а нам – погибелью».

XXII. Сказав это, они, как и при [свержении] отца, заполнили покои отрядами своих сторонников. Командовал ими Дьяволин, который поначалу был зачинщи-

ком всего этого, а позднее предал их. Ведь он обратился к Константину, погруженному в [свои] книги, с такой речью: «Какая беда угрожает тебе от братьев, скорее твоих врагов, Стефана и Константина, не ведает то благочестие, что издавна пребывает в тебе. Если бы ты знал об уготованной тебе участи, то думал бы [теперь лишь] о том, как сохранить себе жизнь. Ведь братья Стефан и Константин, собрав отряды сторонников и уже разместив их в покоях, задумали не просто изгнать тебя из дворца, как своего отца, но убить здесь. Убийство твое произойдет при следующих обстоятельствах: через три дня Константин и Стефан пригласят тебя отобедать [с ними]. И когда ты попытаешься занять свое место в центре, что согласно обычаю указывает на первенство, тотчас ударят в щит, из покоев выскочат спрятанные там [враги] и кровопролитием положат конец твоей жизни. Если ты потребуешь доказательств того, что я сказал, я лишь покажу тебе в щелочку запертых там людей; а затем, – что более важно для твоего спасения, – передам ключи от [дверей, где заперты твои] враги». Услышав это, Константин отвечал: «Открыв, – говорит, – вероломство заговорщиков, подскажи, как мне их победить. Ведь мое спасение не будет мне так дорого, как будет приятно исполнение долга, когда я отблагодарю [тебя]»²⁶. А Дьяволин ему и говорит: «Тебе неизвестно, что македонцы преданны тебе и суровы в бою. Призови их и размести в собственных покоях, но так, чтобы Стефан и Константин о том не знали. А когда наступит указанный день пиршества и возникнет спор за почетное место, будет дан сигнал, – как я уже говорил, это будет удар по щиту, – по которому внезапно выскочат твои люди, – приверженцы [твоих врагов] не смогут их защитить, – схватят их тем быстрее, чем менее они того ожидали и, обрив по обычаю волосы, отправят молиться Богу в соседний монастырь, туда, куда они выслали своего отца, а значит твоего тестя. Ибо божественное правосудие, возмездия которого не избежать тем, кто погрешил против своего отца, и которое защитит тебя от ошибок, будет содействовать твоему делу». О том, как согласно справедливому решению Бога, это случилось, поет теперь не только Европа, но и Азия, и Африка. В указанный день братья Стефан и Константин с притворным радушием пригласили на пир Константина и, когда началась ссора за почетное место, ударили, как было сказано, в щит, после чего неожиданно ворвались македонцы, схватили обоих братьев – и Стефана, и Константина, обрили им головы и сослали молиться Богу на соседний остров, куда те [прежде] отправили своего отца²⁷.

XXIII. Когда Роман, их отец, услышал о том, что они прибыли, он возблагодарил Бога, вышел за ворота монастыря им навстречу и с радостным лицом сказал: «Какая, – говорит, – радость, что ваши величества решили навестить здесь наше ничтожество. Полагаю, что именно [сыновняя] любовь, изгнавшая меня из дворца, не позволила вам, [моим] сыновьям, долго там оставаться. Как хорошо, что вы отправили меня сюда перед собой. Ведь братия и те мои товарищи, что посвятили себя служению Богу, не знали бы, как принять императоров, если бы не имели меня, издавна поднаревшего в имперских церемониях. Готов уж отвар из воды, холодной, чем иной на родине готов²⁸; имеются сладкие бобы, овощи и молодой чеснок. Болеют здесь не от морских деликатесов, а скорее от частых постов. Не принимает наша умеренность большой и расточительной свиты; принимает она толь-

ко ваши величества, которые пришли сюда, дабы не оставить отца в старости». Пока Роман насмеялся над ними так или примерно так, сыновья [его], Стефан и Константин, стояли пристыженные, устремив глаза в землю; не нужно объяснять, насколько неохотно шли они в монастырь; это и так понятно. Вслед за тем Роман с распростертыми руками пал к подножию алтаря и со слезами вознес Богу такого рода молитву:

XXIV. «Христос, Бог, единый с Отцом и Духом [Святым],
Слово волею Отца, благодаря которому Отцу известны
Секреты неба и который все тайное разоблачает,
Узри в милосердии своем творение свое.
Не допусти погибнуть мне от козней демона, молю,
Тому, кому священной кровью ты пожелал жизнь даровать!
Дай, Боже, сил мне одолеть гордыню мира,
Удержи вдали от нас искусителя злого,
Кто стремится всегда погубить блаженные души.
Что любил я, когда носил скипетр, мне теперь не угодно.
Благодарю тебя за то, что прогнал Ты злодеев,
Дабы тронотом отцовским и властью не владели они незаконно!».

XXV. Вслед за тем Стефана и Константина передали бдительной страже; отец же их стоически сносил выпавшие на его долю испытания. Так, говорят, приводя свидетельства [очевидцев], что он, будучи принужден братией к покаянию, ответил, что более счастлив тот правитель, который служит смиренным рабам Божиим, чем тот, который повелевает живущими в грехе сильными мира сего.

XXVI. Между тем, страстно ожидаемый Беренгар с небольшой свитой из Швабии, прибыв через Виншгау²⁹ в Италию, разбил лагерь у крепости Формигар³⁰, которую Манассия, архиепископ Арльского престола, о котором мы уже говорили выше, владетель Триентской, Веронской и Мантуанской [епархий], поручил защищать своему клирику Аделарду. Когда Беренгар увидел, что ни штурмом, ни посредством осадной техники не в состоянии ее взять, он, зная честолюбие и кенодоксию, то есть тщеславие Манассии, просил Аделарда прийти к нему; и сказал ему: «Если ты передашь под мою власть это укрепление, а господина своего, Манассию, убедишь поддержать меня, я, став королем, дарую: ему – архиепископство Миланское, тебе – епископство в Комо. А чтобы убедить тебя в надежности обещанного, я подкреплю свои слова клятвой». Когда Манассия услышал об этом от Аделарда, он не только приказал сдать укрепление Беренгару, но и всех итальянцев побудил оказывать ему помощь.

XXVII. Итак, молва, что любого зла проворней, скоростью самой жива³¹, очень быстро поведала всем о приходе Беренгара. И тотчас же некоторые, оставив Гуго, стали переходить на сторону Беренгара. Первым среди них был Мило, могущественный граф Вероны; находясь под подозрением у Гуго, – тайно отправив стражей, тот держал его под наблюдением, – он делал вид, будто не замечает, что за ним следят. Однажды, затянув пир почти до полуночи, когда все предались отдыху, то ли заснув, то ли опьянев от вина, он быстро, в сопровождении одного только ору-

женосца, помчался в Верону; отправив послов, он призвал к себе Беренгара и, приняв его в Вероне, собрался оказать здесь Гуго отчаянное сопротивление. Его отворотило от Гуго не [врожденное] вероломство, а ряд причиненных ему обид, терпеть которые далее он был не в силах. За ним последовал Видо, епископ Моденской церкви, не из-за какой-то причиненной ему обиды, но в надежде получить крупное аббатство Нонантулу, которое тогда же и получил³². Причем он не только покинул Гуго, но и привел с собой очень многих вассалов. Гуго, услышав об этом, собрал войско и, придя к его замку Виньоле³³, мужественно, но безуспешно штурмовал его. То, что это так, доказывает следующее. Ведь, пока он там находился, Беренгар, призванный архиепископом Милана Ардериком³⁴, оставив Верону, поспешно прибыл в Милан. Услышав об этом, король Гуго, опечаленный, вернулся в Павию. Между тем, все итальянские князья не в добрый час начали оставлять Гуго и примыкать к бедному Беренгару. Бедным же я называю не того, кто ничего не имеет, но того, кому никогда ничего не достаточно. Ибо злые и алчные люди, чье богатство ненадежно и подвержено всяким случайностям, вечно жаждут иметь еще больше и не найти среди них такого, кто был бы доволен тем, что имеет; потому и следовало бы считать их не зажиточными и не богатыми, но неимущими и бедными. Ибо только те богаты и владеют прибылями и постоянным имуществом, кто доволен тем, что имеет, и считает достаточным то, что у него есть. Не быть жадным – истинное богатство; не быть одержимым жаждой наживы – доход. Так признаемся же себе, кто богаче из двух: тот ли, кому не хватает чего-то, или тот, у кого больше, чем нужно? Тот ли, кто терпит нужду, или тот, кто имеет всего в избытке? Тот ли, кто чем больше имеет, тем сильнее стремится к наживе, или тот, кто содержит себя на свои средства? Быть довольным тем, что имеешь, – величайшее и самое верное богатство. Но об этом теперь сказано вполне достаточно. Пусть же перо мое вернется к Беренгару, чей приход обещал всем золотой век, и время, возвысившее такого [мужа], почиталось счастливым.

XXVIII. Итак, в то время, как он пребывал в Милане, раздавая должности в Италии своим приверженцам, король Гуго отправил своего сына Лотаря не только к Беренгару, но ко всему народу с просьбой: раз уж они отвергают его, неугодного им, то пусть по крайней мере примут ради любви к Богу его сына, который ни в чем перед ними не виноват и кого они могли бы сделать послушным своим желаниям. Когда же Лотарь отправился в Милан, король Гуго, покинув Павию со всеми своими богатствами, вознамерился оставить Италию и уйти в Бургундию. Однако его задержало следующее обстоятельство. Когда Лотарь в церкви блаженного исповедника Амвросия и блаженных мучеников Гервасия и Протасия распростерся перед крестом, [народ], склонный к милосердию, поднял его и объявил своим королем; вслед за тем, к королю Гуго отправили посла, с заверением, что он опять может ими править. Это решение, скорее обман, исходило не от всех, но [только] от Беренгара, который, исполненный коварства, помышлял вовсе не о том, чтобы те в самом деле получили власть, но, как стало ясно позднее, чтобы Гуго не ушел и с помощью своего огромного богатства не призвал бы против него бургундцев или какой-то другой народ.

XXIX. В это время большим уважением пользовался некий Иосиф, епископ города Брешии, нравами старец, но юный летами. Беренгар, как человек богобоязненный³⁵, за доброту нравов лишил его епископства и поставил на его место Антония³⁶, который и теперь еще жив, без всякого синода и совещания с епископами. Но и в Комо тогда поставил он епископом не Аделарда, как обещал, а некоего Вальдо, из расположения к архиепископу Миланскому. Насколько хороши были его действия, красноречиво и скорбно повествуют разорение подданных, вырубка виноградников и деревьев, ослепление многих людей, а также постоянно повторяющиеся раздоры. Аделарда же он поставил епископом в Реджо³⁷.

XXX. Бозо же, епископа Пьяченцы, незаконнорожденного сына короля Гуго, и Лиутфрида, епископа церкви в Павии, он задумал изгнать; однако, получив от них деньги, он сделал вид, будто из любви к Богу оставляет им [их места]. Как велика была тогда радость итальянцев! Кричали, что пришел новый Давид. В своем ослеплении они предпочитали его даже Карлу Великому. И, хоть итальянцы опять признали королями Гуго и Лотаря, на деле королем был Беренгар, нося лишь титул маркграфа, а они, называясь королями, фактически являлись не более, чем графами. Что сказать еще? Столь великая слава Беренгара, его человечность и кротость побудили моих родителей отдать меня ему в услужение. Преподнеся ему богатые дары, они добились того, что я стал поверенным его тайн и ответственным за его переписку. Долгое время служил я ему верой и правдой, за что и получил от него такую, – о ужас! – награду, о которой расскажу в соответствующем месте³⁸. Подобное воздаяние довело бы меня до отчаяния, если бы не поступил он подобным образом со многими из моих товарищей. О таком, как он, прекрасно сказано: *«Перья страуса похожи на перья ястреба и цапли. Когда придет время, поднимется он на высоту и посмеется коню и всаднику его»*³⁹. Ведь пока были живы Гуго и Лотарь, этот большой и ненасытный страус, не будучи добрым, по крайней мере казался таким. Когда же они скончались и народ возвел его на вершину власти, как поднял он вверх крылья и как осмелел всех нас, расскажу не столько словами, сколько вздохами и стонами. Но, оставив это, вернемся к порядку изложения.

XXXI. Король Гуго, не сумев ни отворотить Божье наказание, ни одолеть Беренгара, оставил Лотаря, под видомостью мира вверив его верности Беренгара, и со всеми своими богатствами поспешил в Прованс. Услышав об этом, Раймунд⁴⁰, правитель Аквитании, пришел к [Гуго] и, став его вассалом за 1 тысячу мин, дал клятву верно ему служить. Кроме того, он обещал, собрав войско, вторгнуться в Италию и покорить Беренгара; насколько сильно это нас всех рассмешило, ясно каждому, ибо ничтожество [аквитанского] народа всем известно; но даже если бы и смог он оказать [Гуго] какую-то помощь, все это ни к чему бы не привело, ибо в скором времени, призванный Господом, король Гуго вступил на путь всякой плоти⁴¹, оставив свои богатства племяннице Берте, вдове⁴² Бозо, графа Арльского. По прошествии же малого времени, упомянутый Раймунд, нечестивейший князь нечестивейшего народа, сделал ее своей супругой, хотя все ценители изящной красоты⁴³ уверяли, что он даже поцелуя ее недостойн, не то, что разделять с ней брачное ложе.

XXXII. В это же время ее сестра, то есть жена Беренгара Вилла, оказалась замешана в тяжком преступлении. То, что это случилось, открыто говорят не только придворные и спальники, но и птичники, и кондитеры. У Виллы был один священник, капеллан по имени Доминик, [человек] малого роста, [с волосами] цвета сажи, мужиковатый, вечно небритый, глупый и неотесанный варвар, суровый, косматый, блудливый, вздорный, дурной, упрямый и злой, которому она доверила обучать чтению и письму 2-х своих дочерей, а именно Гизелу и Гербергу. Итак, пользуясь тем, что Доминик, этот неотесанный и грязный священник, довольно неплохо обучал девочек, мать оказывала ему всяческое расположение, давая и роскошные яства, и дорогую одежду. Все удивлялись, почему это она, враждебная, противная и скупая ко всем, к нему столь щедра. Но правдивое изречение, гласящее: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано»⁴⁴, не заставило людей долго этому удивляться. Ведь, когда однажды ночью, в отсутствие Беренгара, этот неотесанный [мужлан] хотел, как обычно, прийти к ложу госпожи, там оказалась собака, которая страшным лаем разбудила лежавших по соседству и сильно его покусала. Наконец, когда те, что были в доме, вскочили и, схватив его, стали спрашивать, куда он шел, госпожа дала упреждающий ответ: «Этот несчастный шел к нашим женщинам». Надеясь, что ему будет легче, если он подтвердит сказанное госпожой, священник сказал: «Да, это так». А госпожа, стремясь его погубить, обещала награду тому, кто лишит его жизни. Но, поскольку все были богобоязненны и смерть его пришлось [в результате этого] отложить, молва [о случившемся] дошла до Беренгара. Вилла же обратилась к услугам гаруспиков и знахарей, надеясь, что их заговоры помогут ей. Не знаю, их ли заговоры ей помогли, мягкость ли Беренгара, но дух его склонился к тому, чтобы добровольно глупый рот свой протянуть к недоузду⁴⁵. Священника же, кастрировав, – за то, что он осмел служанок госпожи, – отпустили; Беренгар же еще сильнее стал любить свою жену. Те, кто кастрировал [Доминика], говорили, что госпожа не даром его любила, ибо, – это не подлежит сомнению, – он был вооружен, как Приап⁴⁶.

XXXIII. В это время Таксис, король венгров, вступил в Италию с большим войском. Но Беренгар дал ему 10 модиев монет, причем не из своих средств, а из сборов церковных и [в пользу] бедных. Поступил же он так не потому, что заботился о народе, но, чтобы пользуясь этим случаем, собрать большое богатство. Что ему и удалось. Ведь все люди, без различия пола и возраста, – и взрослые, и младенцы, – должны были внести за себя по одной монете; подмешав к ним меди, [Беренгар] из малого количества [монет] начеканил 10 модиев; остальную часть, а также все, что он взял из церквей, он оставил себе.

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ КНИГА ПЯТАЯ. БЛАГОДАРЕНИЕ БОГУ

КНИГА ШЕСТАЯ

НАЧИНАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ ШЕСТОЙ КНИГИ

- I. Пролог.
 - II. О том, как император Константин отправил посла к Беренгару.
 - III. С какой хитростью отправил посла в Константинополь Беренгар, ничего ему не дав.
 - IV. О времени, когда этот посол вышел из Павии и когда прибыл в Константинополь.
 - V. Об удивительном зале, что зовется Магнавра и о принятии послов.
 - VI. О дарах, которые посол Беренгара сделал императору из собственных средств от имени Беренгара, который ничего ему не прислал.
 - VII. О том, как император пригласил посла Беренгара к столу.
 - VIII. Об удивительном зале Деканея и о 3-х больших золотых вазах.
 - IX. Об удивительном представлении за обеденным столом.
 - [X. Вместо заключения.]
-

ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ГЛАВ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ШЕСТАЯ

I. [Описание] наступившего времени потребовало бы от меня способностей скорее трагика, нежели историка, если бы Господь не приготовил мне трапезу в виду тех, кто меня притеснял¹. Ведь я не могу и передать, сколько несчастий обрушилось на меня с тех пор, как покинул я родину; человеку внешнему пристало скорее оплакивать, нежели описывать [свое несчастье]. Внутренний же человек, ободренный учением апостола, хвалится «такого рода скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда; а надежда не постыжает, потому что любовь Божья излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам»². Итак, да повинуется человек внешний внутреннему, не только не гнушаясь своими неудачами, но, напротив, находя в них утешение; и, пока, описывая их, он сообщает, как колесо Фортуны одних возвышает, а других унижает, он сам менее чувствует нынешние неприятности и, радуясь изменчивости [Фортуны], не боится уже худшего, — ибо оно уже невозможно, если не считать смерти и по-

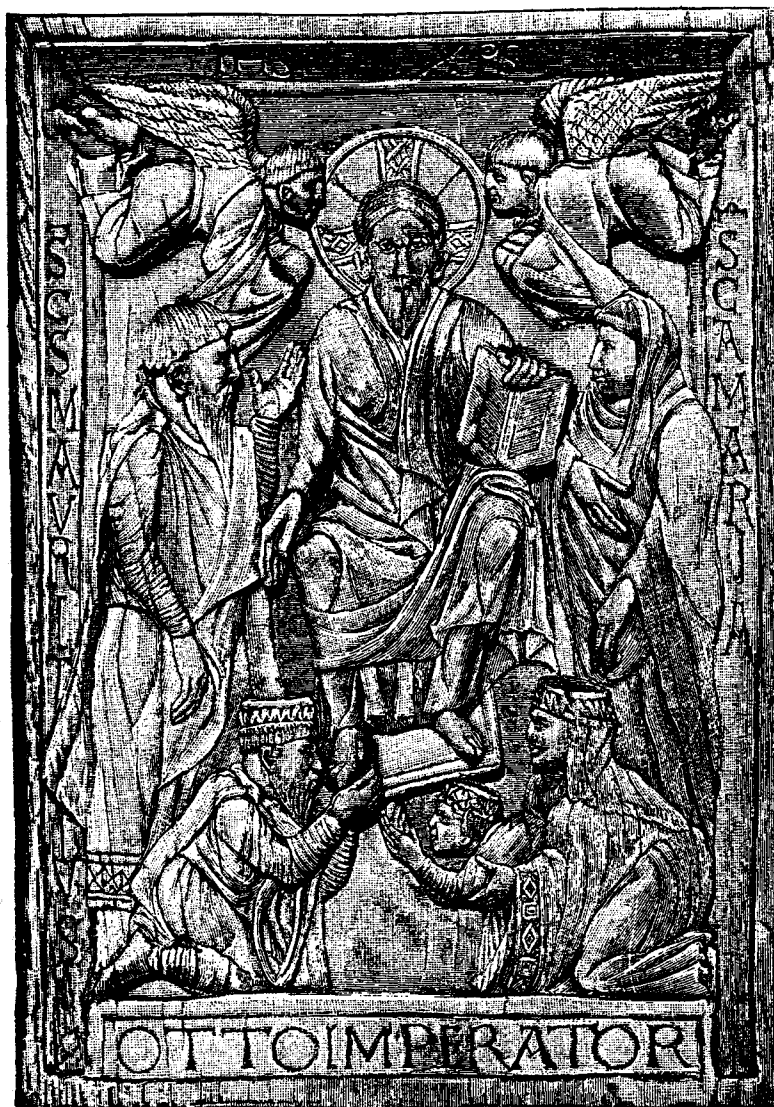
вреждения членов, – но постоянно надеется на [поворот] судьбы. Ведь если она изменит настоящее, то принесет благополучие, которого нет, а преследующие нас несчастья изгонит. Так, будем же писать [историю], добавляя, согласно истине, к уже рассказанному то, что последовало.

II. Когда король Гуго умер в пределах Прованса, имя Беренгара стало славным у многих народов, особенно, у греков. Ведь в действительности именно он правил всеми итальянцами, тогда как Лотарь был королем лишь по имени. Константин, правивший Константинопольской империей по свержении Романа и его сыновей, услышав, что власть Беренгара превосходит власть Лотаря, отправил через некоего Андрея, занимавшего должность «дворцового графа», Беренгару письма, в которых говорилось, что он страстно желает видеть у себя его посла, по возвращении которого Беренгар узнает, как сильно он его любит. Написал он ему также рекомендательные письма относительно Лотаря, в которых [просил Беренгара] быть верным слугой тому, кто милостью Божьей является правителем. Константин проявил немалую заботу о благе Лотаря потому, что относился с благочестивой любовью к своей невестке³, которая была сестрой Лотаря.

III. Итак, Беренгар, будучи преисполнен коварства⁴, размышляя, кого бы лучше всего отправить, чтобы не оплачивать его расходы на дальнюю дорогу, обратился к [моему] отчиму, под опекой которого я тогда состоял: «Сколько бы, – говорит, – я дал, чтобы твой пасынок научился греческому!». И, когда тот ему ответил: «О, ради этого я и сам отдал бы половину своих богатств», он сказал: «Не нужно и сотой части. Константинопольский император просит в письме, чтобы я отправил к нему своего посла. Никто не подходит для этого лучше, чем [твой пасынок], как по твердости духа, так и по искусству красноречия. Да что говорить, с какой легкостью он изучит греческие премудрости, если еще в детские годы он так освоил латинские?». Воодушевленный этой надеждой, мой отчим тотчас оплатил все расходы и отправил меня с богатыми дарами в Константинополь.

IV. Покинув 1 августа Павию, я по реке Эридан⁵ через 3 дня прибыл в Венецию, где застал греческого посла Саломона, китонита⁶ и евнуха, который, вернувшись из Испании и Саксонии, собирался уже отбыть домой, в Константинополь; его сопровождал с богатыми дарами посол нашего государя, тогда короля, а теперь императора, Лиутфрид, один из богатейших купцов Майнца. Покинув Венецию 25 августа, мы 17 сентября прибыли в Константинополь, где нам оказали столь неслыханный и удивительный прием, что было бы досадно не описать его.

V. Есть в Константинополе по соседству с дворцом помещение удивительной величины и красоты, которое греки, ставя «V» вместо дигаммы⁷, зовут Магнавра⁸, то есть магна аура. Так вот, как ради испанских местов, недавно туда прибывших, так и ради меня и Лиутфрида, Константин велел приготовить его следующим образом. Перед императорским тронем стояло бронзовое, но позолоченное дерево, на ветвях которого сидели птицы различных видов, тоже бронзовые с позолотой, певшие на разные голоса, согласно своей птичьей породе. Императорский же трон был построен столь искусно, что одно мгновение казался низким, в следующее – повыше, а след за тем – возвышенным; [трон этот] как будто охраняли огромной

Изображение императора Оттона I, его супруги Адельгейды и их сына Оттона, благословляемых Христом. Милан, частная коллекция. Резьба по слоновой кости. Император целует ногу сидящего на престоле Христа, по разные стороны от которого стоят святые – покровители Оттона: Маврикий и Мария. Надписи: сверху – «Иисус Христос», слева – «Святой Маврикий», справа – «Святая Мария; внизу – «Оттон император»

величины львы, не знаю из бронзы или из дерева, но покрытые золотом; они били хвостами о землю и, разинув пасть, подвижными языками издавали рычание. И вот, опираясь на плечи 2-х евнухов, я был введен туда пред лик императора. Когда при моем появлении львы зарычали, а птицы защебетали, согласно своей породе, я не испугался и не удивился, ибо был осведомлен обо всем этом теми, кто хорошо это знал. Итак, трижды поклонившись императору, я поднял голову и увидел того, кого прежде видел сидевшим на небольшом возвышении, сидящим почти под самым потолком зала и облаченным в другие одежды. Как это случилось, я не мог понять, разве что он, вероятно, был поднят вверх также, как поднимают вал давилного пресса. Сам [император] тогда ничего не сказал, – да если бы он и захотел, это было бы неудобно из-за большого расстояния, – но через логофета осведомился о жизни и здоровье Беренгара. Ответив ему подобающим образом, я по знаку переводчика вышел и вскоре вернулся в отведенную мне гостиницу.

VI. Нельзя также не вспомнить о том, что я тогда сделал для Беренгара, дабы стало понятно, как сильно я его тогда любил и какого рода награду получил от него за свои добрые дела. Испанские послы, а также названный Лиутфрид, посол нашего государя, тогда короля, Оттона, доставили императору Константину от имени своих государей богатые дары. Я же не принес от имени Беренгара ничего, кроме одного письма, да и то насквозь лживого. Потому-то душа [моя], страшась позора, пребывала в немалом беспокойстве, напряженно размышляя над тем, что можно сделать в данных обстоятельствах. И тут меня, озабоченного и крайне обеспокоенного, осенила мысль: преподнести те дары, которые принес я императору от своего имени, от имени Беренгара и словами насколько возможно приукрасить сей малый дар⁹. Преподнес же я [ему] 9 отличных панцирей, 7 превосходных щитов с позолоченными буллами, 2 серебряных кубка с позолотой, мечи, копыя, дротики и 4-х хорезмийских¹⁰ рабов, которые для названного императора были ценнее всех [прочих даров]. Хорезмийцами же греки называют молодых евнухов; верденские купцы ради огромной прибыли имеют обыкновение кастрировать их еще в детстве и вывозить в Испанию.

VII. Вслед за тем, по прошествии 3-х дней, император велел вызвать меня во дворец и сам, лично переговорив со мной, пригласил меня к столу; а уже после пира одарил меня и моих провожатых богатыми дарами. Но, поскольку выпал случай рассказать о том, каким был его стол, особенно в праздничные дни, и какие зрелища наблюдают за столом, полагаю, уместно будет не обойти молчанием, но описать.

VIII. Близ ипподрома, с северной его стороны есть удивительной высоты и красоты помещение, которое зовется «Деканнеакубита»; имя это получено им не просто так, но по очевидным причинам; ведь греческое «deca» по-латыни означает «десять», «еппеа» – «девять», «cubita» же от «cubare» мы можем перевести как «наклонное» или «изогнутое». [Название] это произошло оттого, что в каждую годовщину рождения Господа нашего Иисуса Христа в этом зале накрываются 19 столов. Император обедает за ними вместе с гостями, причем не сидя, как в обычные дни, а возлежа; в эти дни им подают [пищу] не на серебряной, но только на золотой посуде. А после обеда в 3-х золотых вазах вносятся фрукты, которые из-за огромной

тяжести доставляются не руками людей, а привозятся на покрытых пурпуром повозках. Две из них ставятся на стол следующим образом. Через отверстия в потолке опускают три обтянутых позолоченной кожей каната с [прикрепленными к ним] золотыми кольцами, продевают их в петли на краях сосудов, а затем посредством лебедки, расположенной над потолком, и с помощью 4-х или более человек [внизу] ставят [вазы] на стол; точно так же потом их убирают. Представления, которые я там видел, я опушу, ибо описывать их было бы слишком долго; лишь одно мне не стыдно будет изобразить здесь, ибо оно удивительно.

IX. Пришел некий [человек], неся на лбу без помощи рук деревянный шест длиной в 24, а то и более фута, на котором локтем ниже верхнего конца имелась перекладина в 2 локтя длиной. Привели также 2-х голых, но препоясанных, то есть имевших набедренные повязки, мальчиков, которые карабкались вверх по шесту и выполняли там трюки, а затем, повернувшись головой вниз, спускались по нему, а он оставался неподвижным, словно корнями врос в землю. Затем, после того как один [мальчик] спустился, второй, оставшийся там один, продолжал выступление, что привело меня в еще большее изумление. Ведь, пока они оба выполняли на шесте трюки, это казалось вполне возможным, ибо они, хоть и были весьма искусны, но управляли шестом, по которому взбирались, благодаря одинаковой тяжести. Но как один, оставшийся на вершине шеста, сумел сохранить равновесие так, чтобы и выступать, и спуститься невредимым, – это меня поразило настолько, что удивление мое не укрылось даже от императора. Поэтому, подозревая переводчика, он пожелал узнать, что мне показалось более удивительным: мальчик, который двигался столь осторожно, что шест оставался неподвижным, или тот, кто держал его у себя на лбу столь мастерски, что ни от тяжести мальчиков, ни от их игры даже слегка не отклонился в сторону? И когда я сказал, что не знаю, что мне кажется *thaumastoteron*, то есть более удивительным, он, засмеявшись, ответил, что и сам этого не знает.

X. Но полагаю, мне не следует обходить молчанием и то новое и удивительное, что я еще там увидел. В неделю перед Вайофороном, который мы называем Вербным Воскресеньем, император осуществляет раздачу золотых монет, как воинам, так и чиновникам различного ранга, согласно занимаемому ими рангу. Он велел мне прийти, ибо хотел, чтобы я присутствовал при этой церемонии. Происходила же она следующим образом. Ставился стол длиной в 10 локтей и шириной в 4, на котором в [закрытых] мешках лежали монеты, – кому сколько причиталось, – а снаружи, на сумках была указана сумма. Затем, по зову глашатая к императору входили, – не толпой, а в определенном порядке, – те, чьи имена он зачитывал по списку, согласно занимаемому ими рангу. Первым из тех, кого вызывали, был ректор дворца, которому монеты давались не в руки, а клались на плечи вместе с 4 одеждами. После него вызывались domestici аскалонас¹¹ и друнгари флота, один из которых командовал воинами, а другой – моряками. И вот, получив равное количество монет и одежд, – ибо они равны рангом, – они из-за огромного количества несли их уже не на плечах, но с трудом, с помощью других [людей] тащили за собой. После них приглашались магистры, числом 24, каждому

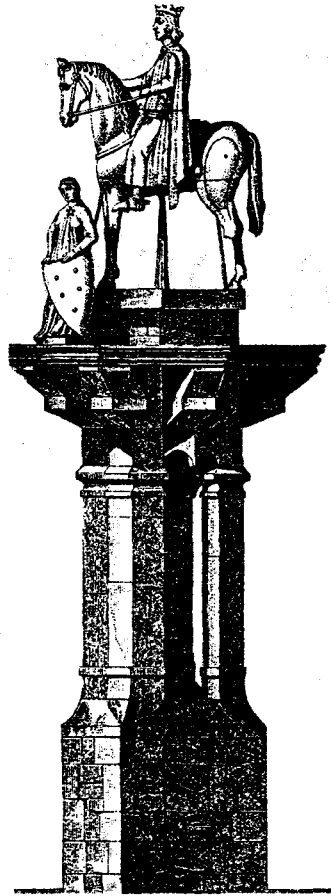
из которых выдавалось по 24 фунта золотых монет, – согласно их общему числу, – и по 2 одежды. Затем следовал ряд патрициев, каждый из которых получал по 12 фунтов монет и по 1 одежде. Все же, кроме того, что получил каждый из них, я не знаю ни числа патрициев, ни общего количества полученных ими фунтов. Вслед за ними вызывалась огромная толпа протоспафариев, спафариев, спафарокандидатов, китонитов, манглавитов, протокаравов, каждый из которых получал согласно своему рангу от 7 до 1 фунта. Однако ты можешь подумать, что все это происходит в течение одного дня. Ничего подобного. Начав [раздачу] в четверг, с 1-го часа дня по 4-й, император заканчивает ее только в пятницу и субботу. Ведь тем, кто получает меньше одного фунта, [деньги] выдает уже не император, а паракимомен в течение всей недели перед Пасхой. И вот, когда я там был, с изумлением наблюдая это мероприятие, император спросил меня через логофета, как мне это нравится? И я ответил: «Очень понравилось бы, если бы принесло доход; также как горящему [в аду] богатею понравилось бы созерцание блаженства Лазаря, если бы он достиг его; но так как ему это не суждено, разве может оно ему понравиться?». Император засмеялся и, несколько смутившись, кивнул мне головой, чтобы я подошел к нему, после чего охотно вручил мне большой плащ вместе с фунтом золота, который я принял еще охотнее.

КНИГА ОБ ОТТОНЕ

*Конная статуя Оттона I Великого
в Магдебурге*

Книга Лиутпранда о короле Оттоне

I. Когда в Италии правили, скорее свирепствовали, а говоря еще точнее, тиранствовали Беренгар и Адальберт, верховный понтифик и вселенский папа Иоанн¹, чья церковь познала тогда всю жестокость вышеназванных Беренгара и Адальберта, отправил к светлейшему и благочестивейшему Оттону, тогда королю, а ныне августейшему цезарю, послов святой Римской церкви, а именно кардинала-дьякона Иоанна и скриниария Аццо, смиренно умоляя его и в письмах, и посредством явных доказательств освободить ради любви к Богу и святым апостолам Петру и Павлу, которых он просит об отпущении грехов, его и вверенную ему святую Римскую церковь из их пасти и восстановить прежние свободы и благополучие. А пока римские послы жаловались подобным образом, к власти упомянутого выше Оттона, тогда короля, а ныне августейшего цезаря, обратился почтенный муж Вальперт, архиепископ св. Миланской церкви, едва освободившийся полуживым от ярости вышеназванных Беренгара и Адальберта, заявляя, что не может более выносить и терпеть жестокость Беренгара и Адальберта, а также Виллы, которая вопреки праву и законам поставила во главе Миланского престола Арльского епископа Манассию. Она, – заявлял он, – является [истинным] бедствием для его церкви, ибо отняла все, что должен был получить он и его люди. Вслед за ним последовал Вальдо, епископ Комо, громко крича, что он претерпел от Беренгара, Адальберта и Виллы те же, что и Вальперт, обиды. Из Италии пришли также мужи светского звания; среди них был светлейший маркграф Отберт; прибыв вместе с апостольскими послами, он просил у святейшего Оттона, тогда короля, а ныне августейшего цезаря, совета и помощи.

II. Итак, благочестивейший король, тронутый их слезными жалобами, заботясь не о своем, а о том, что угодно Иисусу Христу² и поставив вопреки обычаю королем своего бывшего еще в детских годах и одноименного ему сына³, оставил его в Саксонии, а сам, собрав войско, поспешно двинулся в Италию. И тем быстрее изгнал он из королевства Беренгара и Адальберта, чем более всем было известно, что он имеет святейших апостолов Петра и Павла своими соратниками. Итак, рассеянное собирая, а разрушенное восстанавливая⁴, добрый король вернул каждому свое⁵, а затем отправился в Рим, чтобы сделать там то же самое.

III. Здесь он был принят названным верховным понтификом и вселенским папой Иоанном с удивительным великолепием и неслыханной роскошью, и помазан в императоры⁶. Он не только вернул [папе] его добро⁷, но и почтил богатыми дарами в драгоценных камнях, золоте и серебре. И принял от названного папы Иоанна и всей знати города клятву над драгоценнейшим телом св. Петра в том, что

они никогда не будут помогать Беренгару и Адальберту. Вслед за этим [Оттон] как можно быстрее вернулся в Павию.

IV. Между тем, названный папа Иоанн, забыв о клятве и обещаниях, данных им святому императору, отправил [послов] к Адальберту, приглашая его прийти и клятвенно заверяя, что поможет ему против власти святейшего императора. Ведь этот Адальберт⁸, гонитель церкви Божьих и самого папы Иоанна, до того боялся святого императора, что покинул всю Италию, отбыл во Фраксинет и вверил себя верности сарацин. Праведный император не мог надивиться, почему папа Иоанн возлюбил теперь Адальберта, которого прежде преследовал со жгучей ненавистью. Вызвав по этому поводу некоторых доверенных ему лиц, он отправил их в Рим, дабы выяснить насколько это соответствует истине. Послы, прибыв на место, получили не от кого-то одного и не от немногих людей, но от всех римских граждан такого рода ответ: «Причина, по которой папа Иоанн возненавидел святейшего императора, то есть того, кто освободил его из рук Адальберта, и та, по которой дьявол ненавидит Создателя, кажется, одна и та же. Император, как это мы знаем по собственному опыту, думает о том, что Божье⁹, творит и любит его, церковные и светские дела защищает оружием, украшает нравами, улучшает законами¹⁰; папа же Иоанн противится всему этому. То, что мы говорим, не секрет для народа. В доказательство мы сошлемся на вдову Райнера, его собственного вассала, которую он, охваченный слепой страстью, сделал правительницей многих городов и одарил золотыми крестами и чашами из святая святых блаженного Петра. Сошлемся также на Стефану, его тетку¹¹, которая недавно скончалась при извержении того, чем он ее наградил¹². Да если бы все молчали [об этом], Латеранский дворец, некогда [прибежище] святых паломников, а ныне продажных блудниц, не умолчит о [другой] его тетке, и одновременно супруге, сестре Стефании, другой его наложнице. Сошлемся и на отсутствие женщин иных народов, кроме римского, ибо они боятся совершать паломничество к могилам святых апостолов, услышав, что [папа] несколько дней назад изнасиловал некоторых замужних дам, вдов и девиц. Свидетели этого также церкви святых апостолов, крыши которых протекают и уже не капли дождя, но целый ливень изливается прямо на священные алтари. А как страшат нас [гнилые] балки, когда мы молимся там о помощи Божьей! Смерть царит под кровлями и не дает нам долго молиться, заставляя как можно скорее покинуть дом Господень. Сошлемся не только на женщин, заботящихся о своей осиной талии, но и на тех, кто заботится о ежедневной своей красе. Для него нет разницы между теми, кто ходит пешком по улицам грязным¹³, и теми, кого привозят при помощи статных коней. Потому и возникла между ним и святым императором, как в природе между волком и овцами¹⁴, столь сильная вражда. Желая остаться безнаказанным, он сделал Адальберта своим отцом, покровителем и защитником».

V. Император, услышав это от вернувшихся послов, сказал: «Он еще мальчик и легко исправится, беря пример с добрых мужей. Надеюсь, что он легко вынырнет из этой бездны зла¹⁵ посредством благонамеренного порицания и искреннего убеждения, и мы скажем вместе с пророком: *‘Это – изменение десницы Всевыш-*

него»¹⁶. И добавил: «Давайте прежде, как того требуют обстоятельства, прогоним Беренгара, который все еще сопротивляется на горе Монтефельтро¹⁷, а затем с отеческим назиданием обратимся к господину папе; если и не по доброй воле, то по крайней мере из страха он станет совершенным мужем¹⁸. И, возможно, что привыкнув посредством принуждения к добру, он постыдится от него отвыкать».

VI. Вслед за тем он сел в Павии на корабль и по реке По добрался до Равенны; оттуда он отправился к горе Монтефельтро и осадил [замок] св. Льва, где находились Беренгар и Вилла. Туда же названный папа отправил к святому императору послов, а именно – почтенного Льва, тогда протоскриниария святой Римской церкви, а ныне сидящего на этом престоле в качестве наместника блаженного князя апостолов Петра¹⁹, и Деметрия, знатнейшего из римской знати, поручив им [передать императору], чтобы он не удивлялся, если [папа], поддавшись юношеской страсти, до сих пор вел себя, как ребенок; уже пришло время, когда он желает жить по-иному. К этому он коварно прибавил, что святой император принял у себя изменивших ему епископа Льва и кардинала-дьякона Иоанна, а также нарушил свои обещания²⁰, приняв от местных жителей присягу в верности себе, а не папе. На это император ответил им следующее: «За исправление и улучшение нравов, которое обещает [папа], благодарю; что же касается нарушения мною обещаний, в чем он меня обвиняет, судите сами, так ли это. Всю землю св. Петра, какая только окажется в нашей власти, мы обещали вернуть; именно по этой причине стараемся мы изгнать Беренгара со всей его челядью из этого укрепления. Каким образом мы могли бы вернуть ему эту землю, если бы прежде не подчинили ее нашей власти, вырвав из рук разбойников? Епископа же Льва и кардинала-дьякона Иоанна, изменивших [папе] и будто бы принятых нами, мы в это время и не видели, и не принимали; когда господин папа в пику нам отправил их в Константинополь, они, как мы слышали, были схвачены в Капуе. Мы слышали также, что вместе с ними там были схвачены Салек, родом болгарин, по воспитанию венгр, довереннейшее лицо господина папы, и Цахей, негодный муж, не ведающий ни светских, ни духовных наук, который был недавно посвящен господином папой в епископы и отправлен к венграм, дабы побудить их напасть на нас. Мы никогда не поверили бы ничьим рассказам о том, что папа мог так поступить, если бы нас не убедили в том письма с папской печатью и его собственноручной подписью».

VII. Вслед за тем [император] вместе с названными послами отправил в Рим епископов Ландварда Минденского из Саксонии и Лиутпранда Кремонского из Италии, чтобы заверить господина папу в том, что он ни в чем не повинен. Справедливый император велел также их вассалам доказать истину поединком, если папа не поверит иначе. Итак, названные епископы Ландвард и Лиутпранд, придя в Рим к господину папе, были приняты им с такой неприязнью, что им сразу стало ясно, какую вражду он питает к святому императору. Тем не менее, когда они, согласно инструкциям, изложили все по порядку, папа не захотел принять извинения ни посредством клятвы, ни посредством поединка, продолжая упорствовать по-прежнему. Все же через 8 дней он вместе с ними коварно отправил к господину императору Иоанна, епископа Нарнии, и кардинала-епископа Бенедикта, полагая,

что сможет обмануть своими уловками того, кого так трудно провести на словах. Перед их возвращением, по приглашению папы, в Центумцеллы прибыл вернувшийся из Фраксинета Адальберт; отправившись оттуда в Рим, он был не отвергнут, как следовало бы, но с честью принят папой.

VIII. Пока все это происходило, тяжко Рака созвездье, Феба лучами пылая²¹, держало императора вдали от римских крепостей. Но когда вернулось созвездие Девы, принеся благодатную погоду, он, собрав войско, тайно приглашенный римлянами, прибыл в Рим. «Тайно», говорю я, но какая там тайна, когда большая часть римской знати захватила замок св. Павла и, дав заложников, пригласила святого императора!? Что тут говорить? Став лагерем возле города, император обратился в бегство и римского папу, и Адальберта. Граждане же впустили святого императора со всеми его людьми в город²², опять дали клятву верности, присоединив к ней клятвенное обещание никогда не избирать и не рукополагать папу без согласия и выбора господина императора Оттона, августейшего цезаря, и его сына короля Оттона.

IX. Через три дня по просьбе как римских епископов, так и простого народа в церкви св. Петра состоялось великое собрание; наряду с императором здесь заседали архиепископы из Италии: вместо Ингельфреда, патриарха Аквилейского, пораженного в этом городе внезапно, как это случается, возникшей болезнью, — дьякон Рудольф, а также Вальперт Миланский и Петр Равеннский; из Саксонии: архиепископ Адальдаг и Ландвард, епископ Минденский; из Франконии: Отгер, епископ Шпейерский; из Италии: Губерт Пармский, Лиутпранд Кремонский, Герменальд из Реждо; из Тосканы: Конрад из Лукки, Эберхард из Ареццо, [епископы] Пизы, Сиены, Флоренции, Пистойи, Петр из Камерино и [епископ] Сполето²³; из Римского [диоцеза]: Григорий Альбанский, Сикко из Остии, Бенедикт из Порто, Луцидус из Габий, Феофилакт из Пренесте, Видо из Сильва Кандида, Лев из Веллетри, Сикко из Бледы, Стефан из Цере, Иоанн из Непи, Иоанн из Тибура, Иоанн из Форума Клодии²⁴, Роман Ферентинский, Иоанн из Нормы, Иоанн из Вероли, Марин из Сутрия, Иоанн из Нарнии, Иоанн Сабинский, Иоанн из Галлезе, [епископы] из Чивита Каstellано, Алатри и Орте²⁵, Иоанн из Ананьи, [епископ] из Треви, Саббатин из Террачины, Стефан, кардинал-архипастырь из приходов Нереза и Ахиллея, Лев, священник из прихода Бальбины, Доминик из прихода Анастасии, Петр из прихода Дамаса, Феофилакт из прихода Хрисогона, Иоанн из прихода Эквита, Иоанн из прихода Сузанны, Петр из прихода Памахия, Адриан из прихода Каликста, Иоанн из прихода Цецилии, Адриан из прихода Луцины, Бенедикт из прихода Сикста, Феофилакт из прихода 4-х коронованных святых, Стефан из прихода Сабины, кардинал-архидьякон Бенедикт, дьякон Иоанн, кардинал-дьякон Бонофилий, примицерий ..., секундицерий Георгий, амминикулятор Стефан, аркарий Андрей, примицерий охранников Сергей, сакелларий Иоанн, Стефан, Феофилакт, Адриан, Стефан, Бенедикт, Аццо, Адриан, Роман, Лев, Бенедикт, Лев, опять Лев, Лев скриниарий, Лев примицерий школы певцов, Бенедикт, субдьякон и облационарий, Аццо, Бенедикт, Деметрий, Иоанн, Амикус, Сергей, Бенедикт, Урсо, Иоанн, субдьякон Бенедикт, субпультментарий, и архиаколит Стефан со

всеми аколитами и регионариями; из первых людей Римских городов: Стефан, сын супериста Иоанна, Деметрий из Мелиоза, Кресценций из Мраморной лошади, Иоанн по прозвищу Мицина, Стефан из Имизы, Теодор из Руфины, Иоанн из Примичерия, Лев из Кацунули, Риккард, Петр из Канапарии, Бенедикт вместе с Булгамином, своим сыном; от простого народа присутствовал Петр, который звался также Имперiola, со всей римской милицией.

Х. И вот, когда они расселись и наступила глубокая тишина, святой император начал так: «Как было бы прилично, если бы господин папа Иоанн присутствовал на столь славном и святом собрании. О том же, почему его здесь нет, мы спрашиваем вас, о святые отцы, кто вместе с ним жил и вел общие дела». Тогда римские епископы и кардиналы, священники и дьяконы, вместе со всем народом сказали: «Нас удивляет, что Ваша святая милость спрашивает нас о том, что не является тайной даже для жителей Иберии, Вавилона и Индии. Ведь этот [папа] даже не из тех, которые приходят в овечьих шкурах, внутри же суть волки хищные²⁶. Ведь он так открыто свирепствует, так явно вершит дьявольские дела, что и не пытается их скрывать». Император на это ответил: «Нам кажется справедливым поименно указать обвинения, а затем сообща обсудить, как следует поступить». Тогда кардинал-священник Петр, поднявшись, засвидетельствовал, что видел, как [папа] служил мессу, не причастившись. Иоанн, епископ Нарнии, и кардинал-дьякон Иоанн заявили, что видели, как он рукополагал дьякона в конюшне, притом в неурочное время. Кардинал-дьякон Бенедикт вместе с прочими содьяконами и священниками говорили, что знают, как [папа] рукополагал епископов за деньги, как он поставил епископом города Тоди 10-летнего [мальчика]. О святотатстве, – сказали они, – не нужно и спрашивать, ибо мы не то что слышали, но видели это собственными глазами. Распутство же его, – сказали они, – мы лично не видели, но точно знаем, что [папа] состоял в связи со вдовой Райнера, наложницей своего отца Стефаной, вдовой Анной и ее племянницей, превратив святой дворец в бордель и притон. Они сказали, что он открыто занимался охотой; Бенедикта, своего духовного отца, он ослепил, отчего тот вскоре и умер; Иоанна, кардинала-субдьякона, он кастрировал, отчего тот также скончался; они засвидетельствовали, что он устраивал поджоги, препоясывался мечом и надевал шлем и кольчугу. То, что он пил вино из любви к дьяволу, громко заявляли все – и клирики, и миряне. Во время игры в кости, – говорили они, – он призывал на помощь Юпитера, Венеру и прочих демонов. Они заявляли, что он не служил утреню и канонические часы, не осенял себя знаком креста.

XI. Услышав это, император, поскольку римляне не могли понять его собственную, то есть саксонскую, речь, велел Лиутпранду, епископу Кремонскому, на латинском языке изложить всем римлянам следующее. Итак, поднявшись, он начал так: «Часто случается, – и мы верим этому, исходя из нашего собственного опыта, – что завистники клеветуют на людей, занимающих высокие посты; добрый человек не угоден злым, равно как и злой – добрым. И это причина, почему данное обвинение против папы, которое только что зачитал кардинал-дьякон Бенедикт, выдвинув его вместе с вами, нам представляется спорным и мы пока еще не знаем, сде-

лано ли оно из стремления к справедливости или из нечестивой зависти. А потому я, в силу вверенных мне, недостойному, полномочий, клянусь всем вам перед Богом, которого никто, даже если бы и хотел, не сможет обмануть, перед Его матерью, непорочной девой Марией, и перед тем драгоценнейшим телом князя апостолов, на котором зиждется эта церковь, что ни одно преступление не будет вменено господину папе, которое бы он не совершил и которое бы не было засвидетельствовано честнейшими мужами». Тогда епископы, священники, дьяконы и прочее духовенство, а также весь римский народ в один голос сказали: «Да не разрешит нас от груза грехов наших блаженнейший Петр, князь апостолов, который словом закрывает небо недостойным и открывает праведным, если недостойный папа Иоанн не совершал тех преступлений, которые были зачитаны дьяконом Бенедиктом и еще более гнусных и постыдных; и да будем мы преданы анафеме и поставлены в день новейший по левую сторону, рядом с теми, которые говорили Господу Богу: *«Отойди от нас, не хотим мы знать путей твоих»*²⁷. Если ты не веришь нам, то должен поверить по крайней мере войску императора, навстречу которому 5 дней назад [названный папа] вышел, препоясанный мечом, со щитом, в шлеме и кольчуге; только Тибр, отделявший его от войска, помешал последнему схватить его». Тотчас же святой император сказал: «Свидетелей этого дела столько, сколько воинов в нашем войске». А святой синод произнес: «Если святому императору угодно, пусть к господину папе будут отправлены письма, чтобы он пришел и очистился от всего этого». И тогда ему были отправлены письма такого рода.

XII. «Верховному понтифику и вселенскому папе господину Иоанну от Оттона, из уважения к милости Божьей императора-августа, а также от архиепископов и епископов Лигурии, Тосканы, Саксонии и Франконии, во имя Господа привет! Когда мы, придя ради службы Божьей в Рим, спросили сынов Ваших, а именно римских епископов, кардиналов-священников и дьяконов, а кроме них также весь простой народ о Вашем отсутствии и о том, какова причина того, что Вы не желаете видеть нас, защитников Вашей церкви и Вас самих, они нам сообщили о Вас такое и столь непристойное, что мы сгорели бы от стыда, если бы подобное было рассказано об актерах. Дабы все это не было скрыто от Вашего величия, мы вкратце приведем здесь некоторые из этих [обвинений]; ибо, хоть мы и хотели бы изложить их все по отдельности, на это нам не хватило бы и дня. Так вот, знайте, что Вы обвиняетесь не отдельными какими-то, но всеми людьми, как из нашего, так и из другого сословия, в убийстве, вероломстве, святотатстве и кровосмесительной связи как с собственными родственницами, так и с 2-мя сестрами. Говорят также, — о чем и слышать-то страшно, — что Вы пили вино из любви к дьяволу, во время игры в кости просили помощи у Юпитера, Венеры и прочих демонов. Так вот, мы настоятельно умоляем Вас, святой отец, не скрываясь, прийти в Рим и очиститься от всего этого. Если же Вы боитесь насилия со стороны безрассудной толпы, мы под присягой заверяем Вас, что с Вами не случится ничего иного, кроме того, что [предусмотрено] положениями святых канонов. Дано 6 ноября».

XIII. [Папа], прочитав это письмо, написал такого рода ответ: «Иоанн епископ, раб рабов Божьих, всем епископам. Мы слышали, что говорят, будто вы хотите

избрать другого папу; если вы это сделаете, я во имя всемогущего Бога отлучаю вас [от церкви], дабы не имели вы права ни посвящать в сан, ни служить мессе»²⁸.

XIV. Когда это письмо было зачитано на святом синоде, пришли те благочестивые мужи, которые ранее отсутствовали: из Лотарингии – Генрих, архиепископ Трирский, из Эмилии и Лигурии – Видо Моденский, Гецо из Тортоны и Сигульф из Пьяченцы; по их совету господину папе был дан такой ответ: «Верховному понтифику и вселенскому папе господину Иоанну от Оттона, из уважения к Божьей милости императора-августа, а также от святого синода, собравшегося в Риме ради службы Божьей, во имя Господа привет! На предыдущем синоде, состоявшемся 6 ноября, мы отправили Вам письма, в которых содержались слова Ваших обвинителей и основания их обвинений. В этих письмах мы просили также Ваше величие, – как того требует справедливость, – прийти в Рим и очистить себя от этих обвинений. Мы также получили от Вас письмо, которое ничего не говорит о сущности дела, но доказывает лишь ничтожество [писавших его] безрассудных людей. Вы должны были представить более разумные основания своей неявики на синод. Или хотя бы должны были присутствовать послы Вашего величия, которые бы оправдали Вашу неявку на святой синод или болезнью, или какой-то иной уважительной причиной. В Вашем письме написано также нечто, что уместно было бы написать невежественному мальчишке, но уже никак не епископу. Ведь получается, что фактически Вы отлучаете всех, чтобы они «имели право служить мессе и рукополагать в церковные должности, если мы поставим кого-либо епископом римского престола». Ибо там написано: «Чтобы не имели права *никого* рукополагать». До сих пор мы считали, вернее были убеждены, что два отрицания дают в итоге одно утверждение²⁸, если только Ваше величие не отменило правил древних авторов. Однако ж ответим – не Вашим потугам, но Вашим словам. Если Вы не замедлите прийти на синод и очиститься от обвинений, мы без колебаний подчинимся Вашей власти. Но если, – да не будет того, – Вы не удосужитесь прийти и очиститься от тех уголовных преступлений, в которых Вас обвиняют, особенно, когда ничто не мешает Вам прийти – ни путешествие по морю, ни телесная немощь, ни длительность пути, то мы оставим без внимания Ваше отлучение, более того, обратим его против Вас самих, ибо имеем на то полное право. Иуда, который предал, вернее продал Господа нашего Иисуса Христа, получил прежде от учителя наряду с прочими [учениками] власть вязать и разрешать в таких словах: *«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»*²⁹. Ведь пока [Иуда] был добрым наряду с прочими учениками, он имел власть вязать и разрешать; однако позже, став из-за жадности убийцей, он хотел погубить жизни всех [людей]; так кого из связанных мог он тогда разрешать, кого из разрешенных вязать, кроме себя самого, кого и удушил в проклятой петле? Дано 22 ноября и отправлено с кардиналом-священником Адрианом и кардиналом-дьяконом Бенедиктом».

XV. Однако, придя в Тибур, они его там не нашли; ведь, взяв лук и стрелы, он уже ушел в поле и не было никого, кто мог бы сказать им, где он. Не сумев найти его, они вместе с этими письмами вернулись к святому синоду, который собрался

тогда уже в 3-й раз. Тотчас же император сказал: «Мы ожидали его прихода, дабы в его присутствии изложить все обиды, которые он нам причинил; но поскольку мы точно знаем, что он не придет, то еще и еще раз просим вас внимательно выслушать, как гнусно он поступил с нами. Да будет известно вам, архиепископам, епископам, священникам, дьяконам и прочему духовенству, а также графам, судьям и всему народу, что этот папа Иоанн, теснимый восставшими против нас Беренгаром и Адальбертом, отправил к нам в Саксонию послов, прося нас ради любви к Богу прийти в Италию и освободить церковь св. Петра и его самого из их власти. Не нужно говорить о том, что мы с помощью Божьей сделали; вы и сами прекрасно это видите. Вырванный моими стараниями из их рук и восстановленный в надлежащем достоинстве, он, забыв и о клятве, и о верности, которую мне обещал над телом св. Петра, велел этому Адальберту прийти в Рим, защищал его против меня, учинил мятеж и, как то видели наши воины, словно полководец облачался в шлем и кольчугу. Пусть святой синод объявит, что он думает по этому поводу». На это римские владыки, прочее духовенство и весь народ ответили: «Неслыханная язва должна быть выжжена неслыханными средствами. Если бы он своими скверными нравами вредил только себе, а не всем, его следовало бы терпеть. Но сколько чистых стало уже в подражание ему нечестивцами? Сколько честных людей по примеру его образа жизни стало негодьями? Поэтому мы просим величие Вашей власти изгнать из святой Римской церкви это чудовище, чьи пороки не искупаются ни одной добродетелью³⁰, и поставить на его место другого, который примером своего доброго образа жизни мог бы принести нам пользу и соответственно руководить нами, который сам бы жил праведно и нам бы давал пример праведной жизни». На это император ответил: «Мы согласны с тем, что вы говорите, и нет ничего приятнее, чем найти такого, кто занял бы святой и вселенский престол».

XVI. На эти слова все в один голос воскликнули: «Мы избираем себе в пастыри, верховным и вселенским папой святой Римской церкви Льва, почтенного протоскриниария святой Римской церкви, мужа испытанного и достойного звания верховного архипастыря, а нечестивого Иоанна низлагаем за его безбожные нравы!». Повторив это трижды, они с согласия императора, с хвалебными, согласно обычаю, гимнами, ввели названного Льва в Латеранский дворец и в установленное время в церкви св. Петра возвели его путем святого посвящения в сан верховного архипастыря³¹, дав ему клятву в верности.

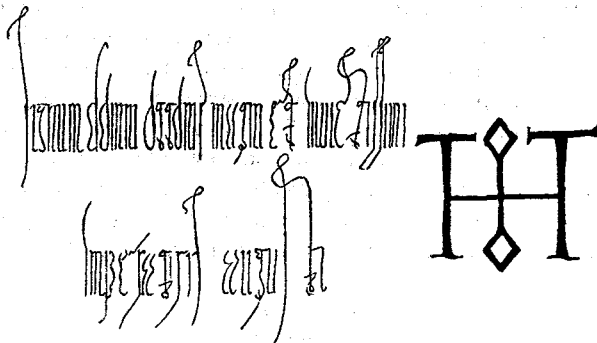
XVII. Вслед за тем святейший император, надеясь, что сможет остаться в Риме с немногими людьми, дабы не обременять римский народ многочисленностью войска, дал многим разрешение вернуться домой. Как только Иоанн, так называемый папа, узнал об этом, он, хорошо знавший, как легко можно за деньги купить расположение римлян, тайно отправил в Рим послов, обещая им богатства св. Петра и всех церквей, если они нападут на благочестивого императора и господина папу Льва и безбожно убьют их. Что тут говорить? Римляне, полагаясь на малочисленное войско, скорее обманутые этим, и воодушевленные обещанными деньгами, как только протрубили в рог, поспешно бросились на императора, чтобы его убить³². Император вышел им навстречу на Тибрском мосту, который римляне

перегородили повозками. Его храбрые воины, привыкшие к войне и неустрашимые сердцем, с оружием бросились в их ряды и, при отсутствии сопротивления, устрашили их, как ястребы стаю птиц. Ни убежища, ни корзины, ни пустые бочки, ни даже клоаки для нечистот не могли быть для бегущих надежной защитой. Итак, их убивали и поражали со всех сторон, в том числе и со спины, как то и подобает отважным мужам. Кто тогда из римлян остался бы жив после такого побоища, если бы не милосердие святого императора, – которого они вовсе не заслуживали, – остановившего и отозвавшего своих людей, все еще жаждавших крови?

XVIII. Итак, когда мятежники были побеждены, а от тех, кто остался в живых, взяты заложники, почтенный папа Лев бросился императору в ноги и умолял его вернуть римлянам заложников, а его самого вверить их верности. Наконец, по просьбе почтенного папы Льва святой император вернул римлянам заложников, хоть и предвидел, как это будет рассказано мною ниже, что они опять возьмутся за старое. Итак, он доверил этого папу верности римлян, словно агнца волкам. Уйдя затем из Рима, он поспешил в Камерино и Сполето, где, судя по слухам, находился Адальберт.

XIX. Между тем женщины, с которыми Иоанн, так называемый папа, занимался развратом, будучи знатного рода и весьма многочисленны, подговорили римлян убить верховного и вселенского папу Льва, избранного Богом и ими самими, и впустить в Город Иоанна. Когда те так и сделали, почтенный папа Лев милостью Божьей освободился из их рук и с небольшой свитой обратился к милосердию благочестивейшего императора Оттона.

XX. Святой император, тяжело перенеся подобное бесчестье, – как то, что папа Лев был низложен, так и то, что низложенный Иоанн изувечил кардинала-дьякона Иоанна и скриниария Аццо: первому отрубили правую руку, а второму – отрезали язык, два пальца и нос, – решил опять собрать войско и вернуться в Рим. Однако еще до того, как были собраны войска святого императора, Господь пожелал показать всему миру, насколько справедливо был низложен своими епископами и всем народом папа Иоанн и насколько несправедливо принят затем обратно³³; однажды

Монограмма (справа) императора Оттона I Великого (слева на латыни: «Подпись господина Оттона великого и непобедимого // императора августа»)

ночью, забавляясь за [стенами] Рима с женой некоего мужа, он был поражен дьяволом в висок так сильно, что уже через 8 дней умер от этой раны³⁴. Но и святое напутствие не принял он по наущению того, кто его поразил, как то часто мы слышали от его родичей и друзей, бывших тогда при нем.

XXI. Когда он умер, все римляне, забыв о клятве, данной ими святому императору, поставили папой кардинала-дьякона Бенедикта и клятвенно обещали никогда его не покидать, но защищать против власти императора. Император, услышав об этом, окружил Город и никто не мог из него выйти, не заплатившись каким-либо увечьем; осадными орудиями и голодом он утеснял их до тех пор, пока вопреки воле римлян не овладел Городом и не восстановил на престоле почтенного мужа Льва; Бенедикт, похититель верховного престола, был передан им в руки Льва³⁵.

XXII. Когда в церкви Латерана заседали господин Лев, верховный и вселенский папа, и святейший император Оттон, а также епископы римские и итальянские, архиепископы из Лотарингии и Саксонии, епископы, священники, дьяконы и весь римский народ, – их имена будут указаны ниже, – пришел Бенедикт, похититель апостольского престола, введенный руками тех, кто его избирал, и облаченный в папские одежды. Кардинал-архидьякон Бенедикт обратился к нему со следующей речью: «Какой властью и по какому закону, о похититель, присвоил ты это папское облачение, когда жив еще настоящий господин наш, почтенный папа Лев, которого ты сам, обвинив и изгнав Иоанна, возвел вместе с нами на апостольский престол? Или сможешь ты отрицать данную тобой и прочими римлянами присутствующему здесь господину императору клятву не избирать и не рукополагать папу без его и сына его, короля Оттона, согласия?». Бенедикт отвечал: «Если я в чем-либо погрешил, пожалейте меня». Тогда император, проливая слезы, – этим он явил свое милосердие, – просил синод не осуждать Бенедикта, не выслушав. Если он хочет и может, пусть ответит на вопросы и защитит свое дело; если же не может или не хочет, но сразу признает себя виновным, пусть они ради страха Божьего будут к нему милосердны. Услышав это, названный Бенедикт тотчас же бросился к ногам господина папы Льва и самого императора, воскликнув, что виноват, и признав себя похитителем святого Римского престола. Затем он снял с себя паллий и вместе с епископским посохом, который нес в руке, вернул господину папе Льву. Папа сломал этот посох и показал народу его обломки. Затем он велел Бенедикту сесть на землю, после чего снял с него ризу, которую называют «планета», вместе со столой. А затем сказал всем епископам: «Мы лишаем Бенедикта, похитителя святого Римского и апостольского престола, всякого епископского и священнического достоинства; все же ради милости господина императора Оттона, усилиями которого мы восстановлены на принадлежащем нам престоле, мы разрешаем ему сохранить звание дьякона, но не в Риме, а в ссылке, местом которой назначаем...»³⁶

ОТЧЕТ О ПУТЕШЕСТВИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Печать императора Оттона I Великого

ЛИУТПРАНД, ЕПИСКОП СВ. КРЕМОНСКОЙ ЦЕРКВИ, ЖЕЛАЕТ, ЖАЖДЕТ И МОЛИТСЯ, ЧТОБЫ ОТТОНЫ, НЕПОБЕДИМЕЙШИЕ РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ-АВГУСТЫ, И СЛАВНЕЙШАЯ ИМПЕРАТРИЦА-АВГУСТА АДЕЛЬГЕЙДА ЗДРАВСТВОВАЛИ, ПРОЦВЕТАЛИ И ТОРЖЕСТВОВАЛИ.

I. Что явилось причиной того, что вы¹ до сих пор не получали ни писем моих, ни вестника, станет ясно из последующего отчета². 4 июня мы прибыли в Константинополь и, будучи в поношение вам дурно приняты, подверглись постыдному обращению. Нас заперли в доме³, довольно большом и открытом, который не защищал ни от холода, ни от жары. Вооруженные воины были поставлены на страже и запрещали моим людям выходить оттуда, а [всем] остальным туда входить. Этот дом, только и доступный для нас, заключенных, был настолько удален от дворца, что мы, добираясь туда не верхом, но пешком, едва дышали [от усталости]. В довершение наших бед греческое вино оказалось невозможно пить из-за примешанной к нему сосновой смолы и гипса. В доме не было воды и только за деньги мы могли купить воду, чтобы утолить жажду. К этой немалой беде добавилась еще одна, а именно наш сицилийский⁴ страж, который ежедневно доставлял нам припасы; если захочешь найти ему подобного, то найдешь не на земле, а разве что в преисподней; ибо он обрушивал на нас, как разлившийся поток⁵, любое зло, любое надувательство, любой шантаж, любое мучение, любое несчастье, какое только мог придумать. В течение 120 дней не было ни одного, который бы не доставил нам стонов и стенаний.

II. 4 июня, как записано выше, мы достигли Константинополя у Золотых ворот⁶ и ждали, сидя на лошадях, под проливным дождем⁷ до 11 часов. В 11-м же часу Никифор⁸ приказал нам войти, но решил, что мы, украшенные вашей милостью, не достойны прибыть верхом, и нас отвели в названный уже мраморный, ненавистный, лишенный воды и открытый для сквозняков дом⁹; 6 июня, в субботу накануне Троицы, нас ввели к его брату Льву, куропалату и логофету¹⁰, где мы выдержали большой спор о вашем императорском титуле¹¹. Ибо он назвал вас не императором, то есть βασιλέα на их языке, а с целью унижить – ῥήτορα, то есть по-нашему королем; когда я сказал ему, что это означает одно и то же, хоть и обозначается по-разному, он заявил мне, что я пришел не ради мира, но ради того, чтобы вести споры; так, встав в гневе, он довольно презрительно принял ваши письма, не сам, а через переводчика; был он человеком довольно внушительным, но лживого смирения, на которого ежели кто обопрется, то пронзит себе руку¹².

III. 7 июня, то есть в день св. Троицы, меня ввели во дворец, который называют Стеφάνα, то есть Коронным¹³, к Никифору, довольно нелепому человеку, пигмеем с тупой головой и маленькими, как у кролика, глазками; короткая, широкая и густая с проседью борода, а также шея в палец высотой уродовали и обезобразили его; мохнатый из-за обильно и густо растущих волос, цветом кожи – эфиоп, «с которым не

захочешь повстречаться посреди ночи»¹⁴, он имел одутловатый живот и тощий зад; бедра сравнительно с его малым ростом были слишком длинные, а голени – слишком коротки, пятки и стопы – соразмерной длины; одет он был в роскошное шерстяное платье, но слишком старое и от долгого употребления зловонное и тусклое, обут в сикийонские башмаки¹⁵; дерзкий на язык; с лисьими повадками, по вероломству и лжи – истинный Улисс. Вы, мои государи, августейшие императоры, всегда казались мне прекрасными, насколько же прекраснее теперь! Всегда великолепными, насколько же великолепнее теперь! Всегда могущественными, насколько же могущественнее теперь! Всегда добрыми, насколько же добрее теперь! Всегда полными достоинств, насколько же полнее теперь! Слева от него, но не в одном с ним ряду, а несколько ниже, сидели два малолетних императора¹⁶, некогда его повелители, а теперь подчиненные. Начало его речи было следующим:

IV. «Мы должны были, более того, желали принять тебя радушно и с блеском; но не сделали это из-за нечестия твоего государя, который как враг вторгся и захватил Рим, силой, вопреки праву и закону, отобрал у Беренгара и Адальберта их землю, одних римлян поразил мечом, других повесил, одним выколол глаза, а других отправил в изгнание¹⁷; кроме всего прочего он пытался огнем и мечом подчинить себе города нашей империи; и, так как его злобные старания не увенчались успехом, он теперь прислал к нам тебя, пособника и подстрекателя его злобы, под предлогом мира, а на самом деле как хатаожолов, то есть шпиона».

V. Я ответил ему: «Мой государь вступил в город Рим не силой и не как тиран, но освободил его от тирана, более того, от ига тиранов. Разве не правили им дети [блудниц]?¹⁸ Или, что еще гнуснее и постыднее, сами блудницы? Я полагаю, что твоя власть, вернее власть твоих предшественников, которые лишь по имени зовутся римскими императорами, но не являются ими на деле, тогда спала. Если же у них была реальная власть, если они были римскими императорами, то почему оставили Рим во власти блудниц?¹⁹ Разве не были одни святейшие папы изгнаны, а другие до того утеснены, что не имели ни хлеба насущного, ни возможности творить милостыню? Разве не посылал Адальберт оскорбительных писем императору Роману и Константину, твоим предшественникам? Разве не грабил он, как разбойник церкви святейших апостолов? Кто из вас, императоров, движимый рвением к Богу, позаботился о том, чтобы отомстить за это гнусное преступление и вернуть святой церкви ее положение и собственность? Вы пренебрегли этим, но не пренебрег мой государь, который, от краев земли поднявшись²⁰ и придя в Рим, изгнал нечестивцев и вернул наместникам святых апостолов их власть и все почести. Позднее тех, которые восстали против него и господина папы, он в соответствии с указами римских императоров Юстиниана, Валентиниана, Феодосия и прочих казнил, удушил, повесил и отправил в изгнание, как клятвопреступников и святотатцев, пытавших и грабивших своих государей пап; если бы он этого не сделал, то сам оказался бы нечестивым, неправедным и жестоким тираном. Известно, что Беренгар и Адальберт, став его вассалами; приняли Итальянское королевство вместе с золотым скипетром из его рук и под присягой, в присутствии твоих слуг, которые до сих пор живы и обитают в этом городе, обещали ему верность²¹. И, по-

скольку они по наущению дьявола, нарушили эту присягу, он справедливо лишил их королевства, как предателей и мятежников; да ты и сам поступал точно также с теми, которые были твоими подданными, а затем восстали».

VI. «Однако, – сказал [Никифор], – это отрицает вассал²² Адальберта». А я ему говорю: «Если он говорит иное, то пусть завтра один из моих воинов докажет, согласно твоему приказу, правоту нашего дела в поединке». «Допустим, – сказал [император], – он, как ты говоришь, поступил справедливо. Но объясни, почему он с огнем и мечом вторгся в пределы моей империи? Мы были друзьями и собирались посредством брака заключить нерушимый мир».

VII. «Земля, – отвечал я, – которая, как ты говоришь, принадлежит твоей империи, судя по ее народу и его языку, относится к Итальянскому королевству. Ее держали в своей власти лангобарды; Людовик, император лангобардов и франков, освободил ее из рук сарацин, перебив их во множестве²³. Но и Ландольф²⁴, князь Беневента и Капуи, подчинил ее и удерживал в своей власти 7 лет. И до сего дня не ушла бы она от его службы и от ига его преемников, если бы император Роман не купил дружбу нашего короля Гуго, дав ему огромную сумму денег²⁵. Это и было причиной того, что он заключил брак между своим одноименным внуком и незаконнорожденной дочерью²⁶ нашего короля, того самого Гуго. И, как я вижу, ты приписываешь моему государю не милость, но бессилие из-за того, что он после приобретения Италии и Рима оставлял ее за тобой столько лет. Узы дружбы, которые, как ты говоришь, вам хотелось создать посредством брака, мы рассматриваем как хитрость и коварство. Ты требуешь перемирия, которое не заставит ни тебя требовать, ни нас подчиняться. Однако, чтобы обман был разоблачен, а истина не была продана, мой государь отправил меня к тебе, чтобы, если ты желаешь, отдать за моего государя, вернее за его сына, августейшего императора Оттона, дочь императора Романа и императрицы Феофано²⁷, то подтвердил бы это передо мной клятвой, а я, в обмен на эту милость, подтвердил бы клятвой, что мой господин сделает для тебя то-то и то-то²⁸, и еще больше сделает²⁹. Но мой господин уже передал тебе, как своему брату, лучший залог дружбы, а именно: [уступил] тебе по моему настоянию, – хоть ты и говоришь, что от этого предложения происходит только зло, – всю Апулию, подчиненную его власти³⁰. Свидетелей этого дела столько, сколько жителей во всей Апулии».

VIII. «Прошло, – сказал Никифор, – уже два часа; пришла пора провести торжественную проέλευσις³¹, то есть процессию. Будем делать то, что надлежит. Когда будет подходящее время, мы ответим на твои слова».

IX. Да не будет мне в тягость проέλευσιν, а моим государям услышать о ней. Огромная толпа торговцев и простых людей, собравшаяся в этот праздник для торжественной встречи и восхваления Никифора, заняла обе стороны дороги от дворца до св. Софии³², образуя как бы стену; впрочем, ее сильно безобразили довольно тонкие щиты и жалкие копья, которые люди держали [в руках]. В довершение этого безобразия большая часть черни шла во славу его босиком. Я думаю, что так они рассчитывали еще больше украсить свою священную проέλευσιν. Но и вельможи его, которые проходили вместе с ним через эту плебейскую и босоногую

Оттон II и его супруга Феофано, Благословляемые Христом. Париж, музей Клуни.
 Резьба по слоновой кости. Крышка ковчежца с мощами. Надписи (по-гречески):
 сверху – «Иисус Христос», слева – «Оттон, император Римский», справа – «Фео-
 фано, императрица», внизу – «Христе! Помоги своему помазаннику! Аминь!»

толпу, были одеты в широкие и дырявые от ветхости туники. Им было бы лучше идти в своих повседневных одеждах! Не было ни одного, чей прадед надел бы эту [одежду] новой! Ни один не был украшен ни золотом, ни драгоценностями, разве что сам Никифор, которого императорское облачение, изготовленное для человека более высокого роста, делало еще отвратительнее. Клянусь вашим спасением, которое для меня дороже собственного, что парадное одеяние одного из ваших князей ценнее сотни и даже более подобных одеяний! Итак, меня привели на προέλευσις и усадили на возвышенное место³³ возле псаломщиков, то есть певцов.

X. Пока он шел, словно ползучее чудовище, льстивые псаломщики кричали: «Вот идет утренняя звезда, восходит Эос, взором отражающая лучи солнца, бледная смерть сарацин³⁴, Никифор μέδων, то есть государь!». И далее пели: «μέδωντι, то есть государю Никифору, πολλὰ ἔτη, то есть многие лета! Народы, поклоняйтесь ему, чтите его, склоняйте перед ним свои шеи!». Насколько было бы правильнее петь: «Иди, потухший уголь, μέλε, ковыляющий, словно старуха, ликом Сильван³⁵, мужиковатый, блудливый, козлоногий, рогатый, двучленный; вечно небритый, глупый и неотесанный варвар; суровый, косматый³⁶ и мятежный каппадокиец!». И вот, воодушевленный этими лживыми песнями, он входит в св. Софию, тогда как его государи, императоры, издали следующие за ним, склоняются перед ним в земном поклоне с поцелуем мира. Его оруженосец отмечает стрелой в церкви год, который шел с начала его правления³⁷; так те, кто этого не видел, узнают год от начала эры.

XI. В этот же день он велел мне прийти к нему на пир. Так как он счел меня недостойным иметь предпочтение перед кем-либо из его вельмож, то я сидел на 15-м от него месте и, к тому же, без скатерти. Никто из моих спутников не только не сидел за столом, но даже не видел дома, в котором был пир. Во время обеда, довольно гнусного и отвратительного, по обыкновению пьяниц обильно сдобренного маслом и каким-то ужасным рыбным соусом, он много спрашивал меня о вашем могуществе, о вашем королевстве и войске. Когда же я последовательно и правдиво ответил ему, он сказал: «Ты лжешь! Воины твоего государя не умеют ездить верхом, пехота не умеет сражаться, величина щитов, тяжесть доспехов, длина мечей и бремя шлемов не позволяют им вести бой ни тем, ни другим способом». И со смехом добавил: «Мешает им также gastrimargia, то есть ненасытность чрева; их Бог – чрево³⁸, отвага – хмель, храбрость – пьянство; их пост – слабость, воздержанность – трепет. На море у твоего государя ничтожное количество судов. Только я обладаю сильным флотом, с которым нападу на его суда, войной разрушу его приморские города, а те, что расположены на реках, – обращу в пепел. А как, скажи, сможет он противостоять мне на суше с таким малым войском? Был при нем сын, была жена, саксы, швабы, бавары, итальянцы, все были с ним, и все же не сумели они, вернее не смогли, взять единственный городок³⁹, оказавший им сопротивление. Так как же они намерены противостоять мне, когда я приду, а за мной будет следовать столько воинов, сколько

Жатв на Гаргарской горе⁴⁰, гроздей виноградных в Мефимне,
Звезд на небе⁴¹, волн во время бури на море!

XII. Когда я хотел ему ответить и дать достойную такого высокомерия отповедь, он не позволил; но словно для унижения добавил: «Вы не римляне, но лангобарды!». Он собирался и дальше говорить [в том же духе] и махнул мне рукой в знак молчания, но я, возмущенный, сказал: «Летопись⁴² повествует, что Ромул, братубийца, от кого и получили римляне свое имя, был порниогенитом, то есть рожденным от разврата; он-то и построил себе убежище, куда стал принимать несправимых должников, беглых рабов, убийц, которые за свои проступки заслуживали смерти, и множество им подобных, и назвал их римлянами; от такого-то благородства и ведут свой род те, кого вы называете космократорами, то есть императорами. Мы же, то есть лангобарды, саксы, франки, лотарингцы, бавары, швабы и бургундцы, настолько их презираем, что в гневе зовем наших врагов не иначе, как «римляне». Одним этим именем, то есть именем «римляне», мы обозначаем всякую низость, трусость, алчность, изнеженность, лживость, словом, любой из пороков. Но, так как ты говоришь, что мы невоинственны и не умеем ездить верхом, то если грехи христиан заслуживают того, чтобы ты упорствовал в своем жестокосердии, ближайшие битвы покажут, чего стоите вы и насколько воинственны мы».

XIII. Никифор, разгневанный этими словами, движением руки водворил тишину, велел унести длинный и узкий стол, а мне – вернуться в ненавистный дом, или правильнее сказать, в тюрьму. Там, через 2 дня, я тяжело заболел как от негодования, так и от зноя и жажды. Но и среди моих спутников не было никого, кто не испил бы из этой чаши и не боялся бы, что вот-вот придет его последний день. Как же им было не заболеть, когда питьем их вместо хорошего вина была соленая вода, ложем – не сено, не солома и даже не земля, но жесткий мрамор, а подушкой – камень? Когда открытое помещение не ограждало их ни от жары, ни от дождя, ни от холода? Сама богиня здоровья⁴³, излившись на них, если бы захотела, как говорят в народе, спасти бы их не смогла⁴⁴. Итак, страдая как лично, так и за своих людей, я призвал к себе стража, скорее своего гонителя, и не столько просьбами, сколько подарками⁴⁵, уговорил его отнести брату императора мое письмо следующего содержания:

XIV. «Епископ Лиутпранд куропалату и логофету дрома Льву. Если славнейший император собирается исполнить ту просьбу, ради которой я прибыл, меня не утомят те муки, которые я здесь терплю; но пусть моему господину станет ясно через письма мои и посланника, что я не намерен оставаться здесь без дела. Если же он иначе понимает это дело, то здесь стоит венецианское торговое судно, готовое к отплытию. Пусть разрешит он мне, больному, взойти на него, чтобы, если придет время моей смерти, то хотя бы тело мое достигло родной земли».

XV. Прочитав это, он велел мне явиться к нему через 4 дня. Для обсуждения вашего дела вместе с ним согласно их традиции сидели мудрейшие мужи, сильные в аттическом красноречии: паракимомен⁴⁶ Василий, протасикрит⁴⁷, протовестиарий⁴⁸ и 2 магистра⁴⁹; они начали беседу следующим образом: «Изложи, брат, причину, по которой ты сюда прибыл». Когда я сказал им, что прибыл ради заключения брачного союза, который должен стать основой для продолжительного мира, они сказали: «Неслышанное дело, чтобы порфиогенита порфиогенета, то есть багря-

народная дочь багрянородного императора, соединилась браком с чужеземцем⁵⁰. Однако, хоть ты и просишь о столь исключительном деле, ты получишь то, о чем просишь, если отдашь то, что наше по праву, а именно: Равенну и Рим со всеми прилегающими землями, которые простираются оттуда вплоть до наших владений. Если же ты ищешь дружбы без брака, то пусть твой господин освободит Рим, а князей Капуи и Беневента, некогда подданных нашей империи, а ныне мятежников, пусть вернет в прежнее рабство».

XVI. Я сказал им: «Вы сами прекрасно знаете, что мой господин повелевает славянами⁵¹, более могучими, чем Петр, царь Болгарии, который взял себе в жены дочь императора Христофора⁵². «Но Христофор, – сказали они, – не был багрянородным».

XVII. «А Рим, – говорю я, – о свободе которого вы громко кричите, кому служит? кому платит налоги? Разве не служил он прежде блудницам? И пока вы спали, вернее были без сил, разве не мой государь, августейший император, освободил его от столь позорного рабства? Константин, император-август, который основал этот город и назвал его своим именем, как космократор передал римской церкви святых апостолов множество даров, причем не только в Италии, но во всех почти западных королевствах, а также в восточных и южных, а именно – в Греции, Иудее, Персии, Месопотамии, Вавилонии, Египте, Ливии, как свидетельствуют его грамоты, которые находятся в наших руках⁵³. И вот, все, что принадлежит церкви блаженных апостолов в Италии, а также в Саксонии, Баварии, во всех королевствах моего господина, он пожаловал наместнику святейших апостолов⁵⁴. И если мой государь из всего этого прибрел для себя лично города, поместья, вассалов или крепостных, то я погрешил против Бога. Почему же [ваш] император не поступит также, не вернет церкви апостолов то, что находится в его империи и не получит еще большую прибыль и свободу, чем та прибыль и свобода, которые мой господин получает за свои труды и щедрость?

XVIII. «Но это, – сказал паракимомен Василий, – он сделает, когда Рим и Римская церковь подчинятся его воле». Тогда я сказал: «Некий человек, претерпевший много обид от другого, обращается к Богу с такими словами: «Господи, отомсти за меня моему врагу! А Господь ему отвечает: «Я сделаю это в день, когда воздам каждому по делам его!»⁵⁵. А тот: «Увы, – говорит, – когда же это будет!».

XIX. Тогда все, кроме брата [императора], засмеялись и, прекратив беседу, велели вернуть меня в ненавистный дом и тщательно охранять до самого дня святых апостолов⁵⁶, который празднуют все благочестивые люди. Во время этого праздника [император] приказал мне, – я был очень болен в это время, – а также болгарским послан, прибывшим накануне, выйти ему навстречу к [храму] св. апостолов. После пения хвалебных песен и торжественного богослужения нас пригласили к столу; причем на более почетное место за длинным и узким столом он [посадил] болгарского посла, обритого по венгерскому обычаю⁵⁷, опоясанного бронзовой цепью и бывшего, как мне показалось, катехуменом⁵⁸, отдав ему предпочтение передо мной в поношение вам, мой августейшие государи. За вас я был подвергнут презрению, унижению и оскорблению. Но я благодарю Господа Иисуса Христа,

которому вы служите всей вашей душой, за то, что удостоился принять бесчестие за ваше имя⁵⁹. Однако, мои государи, полагая оскорбленным не себя, но вас, я покинул стол. И когда я в гневе хотел уйти, куропалат Лев, брат императора, и протасикрит Симеон последовали за мной, бранясь: «Когда Петр, василевс Болгарии, женился на дочери Христофора, было подписано *symphona*, то есть соглашение, клятвенно подтвержденное, о том, что болгарские апостолы, то есть послы, должны пользоваться у нас предпочтением, почетом и уважением перед послами всех прочих народов⁶⁰. Хоть этот болгарский посол, как ты справедливо заметил, острижен, немывает и опоясан бронзовой цепью, он все же патрикий, и мы решили и постановили, что было бы неправильно предпочесть ему епископа, особенно франкского. И так как мы знаем, что ты счел это недостойным себя, то не позволим тебе сейчас, как ты собирался, вернуться в гостиницу, но заставим тебя принять пищу в отдельном помещении вместе со слугами императора».

XX. Я ничего им не ответил по причине ни с чем не сравнимой сердечной боли, но сделал так, как они велели, ибо решил, что стол, за которым болгарского посла предпочитают, – не говорю мне, епископу Лиутпранду, – но вашему послу, не достоин меня. Однако святейший император утешил мою тоску великим даром, послав мне из числа своих самых изысканных кушаний жирного гуся, восхитительно вкусного, начиненного чесноком, луком и пореем, а также пропитанного рыбным соусом, которого он сам прежде отведал и о котором я мог мечтать лишь за вашим столом; так что вы, не верившие, что деликатесы священного императора могут быть желанными, должны непременно поверить этому!

XXI. Итак, по прошествии 8 дней, когда болгары уже отбыли, [император], полагая, что я очень высокого мнения о его столе, заставил меня, больного, отобедать с ним в том же самом месте. Вместе со многими епископами там также присутствовал патриарх⁶¹; в их присутствии он задал мне множество вопросов относительно Священного Писания, на которые я, вдохновленный Духом Святым, довольно изящно ответил; наконец, желая поиздеваться над вами, он спросил, какие соборы мы признаем. Когда я упомянул ему Никею, Халкедон, Эфес, Антиохию, Карфаген, Анкиру, Константинополь, то он засмеялся: «Ха! Ха! Ха! Ты забыл упомянуть Саксонию⁶². И, если ты спросишь, почему наши книги ее не содержат, я отвечу, что ваша вера слишком молода и вы еще не смогли достигнуть нас».

XXII. А я ему в ответ: «Если член поражен недугом, то его следует отсечь каленым железом⁶³. Все ереси произошли от вас, у вас же и расцвели; нами же, то есть народами запада, они были и задушены, и уничтожены. Мы не причисляем к названным соборам те соборы, что часто проводились в Риме и Павии. Так, римский клирик, впоследствии вселенский папа, Григорий, который зовется вами «Диалогус»⁶⁴, избавил еретика Евтихия⁶⁵, патриарха константинопольского, от его ереси. Ибо этот Евтихий говорил, причем не только говорил, но и учил, провозглашал и писал, что мы обретаем при Воскресении не истинную плоть, которой обладаем здесь, но некую фантастическую; книга его заблуждений была сожжена ортодоксальным Григорием. Но и Эннодий, епископ Павии, был отправлен сюда, то есть в Константинополь, римским патриархом⁶⁶ по причине другой ереси, обуздав

которую, он восстановил католичество и православие⁶⁷. Народ саксов с тех пор, как принял святое крещение и учение Божье, не запятнал себя ни единой ересью, по причине которой следовало бы провести там собор, чтобы исправить ошибку, коей не было. Ты говоришь, что вера саксов молода; я утверждаю то же самое; ибо вера Христова всегда молода и не стара у тех, у кого за верой следуют дела⁶⁸. И там вера не молода, но стара, где дела не сопровождают ее и где ею пренебрегают, словно старой, изношенной одеждой. Но я точно знаю об одном соборе, проходившем в Саксонии, на котором было постановлено и утверждено, что более подобает сражаться мечами, чем перьями, и что лучше принять смерть, чем обратиться к врагу спиной. Это испытало на себе и твое войско! И еще узнает на деле, как они сражаются!» – добавил я в сердцах.

XXIII. В тот же день, после полудня, он по пути во дворец велел мне выйти ему навстречу, хотя я был столь слаб и немощен, что идущие мне навстречу женщины, прежде кричавшие мне: «Μανα! Μανα!⁶⁹», [сочувствуя] моему несчастью, ударяли себя в грудь и говорили: «ταλαινή καί ταλαίπωρε!»⁷⁰. О, если бы исполнилось то, что я пожелал тогда, воздев руки к небу, Никифору, когда он приблизился, и вам, отсутствующим! Но можете мне поверить, он заставил меня рассмеяться, ибо сидел на нетерпеливом и необузданном коне – столь маленький на столь огромном. Это напомнило мне куклу, которую ваши славяне привязывают к жеребенку, позволяя ему затем следовать за матерью без узды.

XXIV. После этого меня отвели к моим согражданам и сожителям, 5 «львам»⁷¹, в вышеназванный ненавистный дом, где я в течение 3-х недель ни с кем, кроме моих людей, не разговаривал. По этому поводу мне пришло на ум, что Никифор решил никогда меня не отпускать; от безмерной печали горе мое настолько усилилось, что я ушел бы из жизни, если бы Мать Божья не добилась ее для меня своими молитвами у Творца и Сына Его, что было явлено мне в истинном, а не призрачном видении.

XXV. Итак, в течение этих 3-х недель Никифор пребывал за пределами Константинополя, в месте под названием Εἰς λήγας, то есть «У фонтанов»⁷², куда и велел мне прийти. И, хотя я был столь слаб, что не только стоять, но и сидеть мне было очень тяжело, он заставил меня стоять перед ним, обнажив голову, что было крайне вредно для моего здоровья; и сказал мне: «Послы твоего господина, короля Оттона, которые были здесь перед тобой в предыдущем году⁷³, клятвенно обещали мне и письменно подтвердили свою присягу, что он никогда и никоим образом не затеет скандал с нашей империей. Ты считаешь большим скандалом то, что он называет себя императором или что он присвоил себе фемы⁷⁴ нашей империи? Обе эти вещи нетерпимы; и если обе они непереносимы, то особенно невозможно выносить, даже слышать о том, что он называет себя императором. Но если ты подтвердишь то, что они обещали, наше императорское величество тут же отпустит тебя домой счастливым и богатым». Он сказал это не потому, что надеялся, будто вы будете соблюдать эти обещания, если бы я по своей глупости их сделал, но из желания иметь в своих руках что-нибудь, что он мог бы в будущем предъявить во славу себе и в поношение нам.

XXVI. Я сказал ему: «Недавно мой святейший государь, мудрейший и преисполненный Святым Духом, предвидя то, о чем ты говоришь, предписал мне в ἐντολίνα, то есть инструкции, заверенной его печатью, не преступать тех границ, которые он установил, и вести себя только в соответствии с ней». Ты знаешь, мой августейший государь, на что я полагался, сказав: «Пусть будет оглашена ἐντολίνα, и все, что она велит, то я клятвенно подтвержу перед тобой. Но то, что обещали предыдущие послы без повеления моего господина, под присягой или на бумаге, то это, говоря словами Платона: «вина избирающего, а Бог – невиновен»⁷⁵.

XXVII. После этого речь зашла о знатнейших князьях Капуи и Беневента⁷⁶, которых он именует своими рабами⁷⁷ и из-за которых его терзает душевная боль. «Твой господин, – сказал он, – принял под свою защиту моих рабов; если он не отпустит их и не вернет в их прежнее рабство, то лишится нашей дружбы. Ведь они сами просят, чтобы их вернули под нашу власть; но наше императорское величество отвергает их, чтобы они знали и испытали [на себе], сколь опасно рабам отпадать от своих господ и бежать от рабства. Твоему господину более подобает передать их мне, как другу, чем потом отпускать вопреки своей воле. Воистину узнают они, если я буду жив, что значит обманывать своего повелителя и оставлять свою службу. Да и сейчас, я думаю, они чувствуют то, что я говорю, ибо наши воины за морем не дают им покоя!».

XXVIII. Он не позволил мне на это ответить, но приказал вернуться к своему столу, хоть я и желал уйти. Рядом с ним сидел его отец⁷⁸, человек, как мне показалось, 150 лет. В своих хвалебных, вернее продажных, гимнах греки желали, чтобы Бог продлил лета ему и его сыну. Из этого мы можем сделать вывод, насколько греки глупы, сколь сильно они любят подобную славу, сколь угодливы⁷⁹ они и сколь жадны: ведь они желают не только старику, но ветхому старцу того, чего природа ему не в состоянии дать, о чем и сами знают. И ветхий старец радуется тому, что ему желают, причем знает, что Бог этого не сотворит, а если и сотворит, то не к пользе его, но во вред. А Никифор, пожалуйста, радуется, что они называют его...⁸⁰ мира и утренней звездой! Называть бессильного мужественным, глупого мудрым, низкого высоким, черного белым, грешника святым – это, поверьте мне, не хвала, но оскорбление. И он, который более радуется, что его называют чужими, а не собственными эпитетами, похож на тех птиц, чьи глаза видят ночью, а днем слепнут.

XXIX. Но вернемся к теме. Во время этого обеда он велел то, чего прежде не делал, а именно: громким голосом прочесть гомилию⁸¹ блаженного Иоанна Златоуста на Деяния апостолов. После окончания чтения, когда я просил о разрешении вернуться к вам, он, кивнув головой в знак того, что так и делает, приказал моему гонителю⁸² отвести меня назад – к моим землякам и сожителям, «львам». Когда это было сделано, меня не принимали вплоть до 20 июля, но тщательно сторожили, дабы не мог я насладиться беседой с кем-нибудь, кто пришел бы ко мне. Между тем [император] велел Гримицо, послу Адальберта, прийти к нему и вернуться домой вместе со своим флотом. Последний состоял из 24-х хеландий, 2-х русских и 2-х галльских кораблей⁸³; не знаю, отправлял ли он еще суда, но других я не видел. Храбрость ваших солдат, мои государи, августейшие императоры, не нуждается в

воодушевлении [описанием] слабости их врагов, как то часто имело место с другими народами, из которых наиболее отдаленные и наиболее слабые по сравнению с прочими сокрушили отвагу греков и сделали их данниками. Ибо как не устранил бы я вас, если бы сказал, что они самые храбрые и подобны Александру Македонскому, так и не вселю в вас храбрость, рассказывая про их слабость, как то и есть на самом деле. Хотелось бы, чтобы вы мне поверили, и я знаю, вы мне поверите, что 400 ваших воинов смогут разбить всю эту армию, если только рвы или стены им не помешают. А во главе этой армией, — полагаю, в поношение вам, — он поставил как бы человека, — «как бы», говорю я, ибо он перестал быть мужчиной, но не смог стать женщиной. Адальберт передал Никифору, что у него есть 8 тысяч рыцарей в доспехах и сказал, что с помощью аргосского⁸⁴ войска или обратит вас в бегство, или уничтожит; и просил вашего соперника⁸⁵ прислать ему денег, чтобы он мог убедить своих людей сражаться лучше.

XXX. А ныне, мои государи, познайте коварство данайцев по проступку одного и судите обо всех⁸⁶. Никифор дал тому рабу, которому поручил набор и наем войска, довольно крупную сумму денег с условием, чтобы он распорядился ею следующим образом: если Адальберт, как и обещал, придет к нему с 7 и более тысячами закованных в броню [рыцарей], то он должен разделить эту сумму среди них; Кона, брат [Адальберта], с его и аргосцев войском должен на вас напасть, а Адальберта следовало держать под надежной охраной в Бари, пока его брат не вернется с победой. Если же Адальберт, придя, не приведет столько тысяч человек, сколько обещал, он велел его схватить, связать и передать вам, когда вы придете; более того, деньги, которые были ему предназначены, также следовало передать в ваши руки⁸⁷. Ну и воин! Ну и верность! Он хочет предать того⁸⁸, кого намерен защищать; он собирается защищать того⁸⁹, кого хочет погубить; ни тому, ни другому он не был верен, но в обоих случаях был лжив: он сделал то, чего не хотел, и хотел то, чего не сделал. Но, да будет так; он поступил так, как и подобало поступать грекам! Мы же вернемся к теме.

XXXI. 19 июля я наблюдал из ненавистного дома, как он отправлял этот собранный флот⁹⁰. 20 июля, в день Вознесения пророка Илии на небо, который легкомысленные греки празднуют сценическими играми, он велел мне прийти к нему и сказал: «Наше императорское величество намерено вести армию против ассирийцев, а не против христиан, как твой господин. Еще в прошлом году я хотел это сделать, но услышав, что твой господин желает вторгнуться в земли нашей империи, мы, оставив ассирийцев, обратили наши поводыя против него; навстречу нам в Македонии вышел его посол, венецианец Доминик⁹¹, который с большим трудом и терпением убедил нас вернуться, клятвенно уверив нас, что твой господин никогда не будет думать об этом и никогда этого не сделает. Возвращайся домой», — когда я услышал это, то сказал про себя: «Слава Богу!», — «и объяви своему господину то и то-то⁹²; если он даст мне желанное удовлетворение, возвращайся назад».

XXXII. Я ответил: «Пусть твое святейшее величество велит мне тут же помчаться в Италию; как только мой господин выполнит то, что желает твое величество, я с радостью вернусь к тебе». Впрочем, ирония, с которой я это сказал, — увы! — не

укрылась от него. Ибо, улыбаясь, он кивнул головой и приказал мне, склонившемуся до земли и собиравшемуся уходить, оставаться снаружи и прийти к нему на обед, сильно пахнувший чесноком и луком и обильно приправленный маслом и рыбным соусом; в тот день я вознес множество молитв о том, чтобы он соизволил принять мой дар, которым часто пренебрегал.

XXXIII. Когда мы сидели за его длинным узким столом, покрытым [скатертью] на паллинг⁹³ в ширину, – в длину же лишь наполовину, – он издевался над франками, именем которых называл как латинов, так и тевтонцев, и просил меня рассказать – в каком месте расположена столица моей епархии и чьим именем она названа. Я сказал ему: «Кремона, близ Эридана, царя [всех] италийских рек⁹⁴. И, так как твое императорское величество отправило туда хеландии, да будет к моей пользе то, что я увидел и узнал тебя! Даруйте мир месту, которое может сохранить благополучие лишь благодаря тебе, ибо не в состоянии тебе сопротивляться!». Но этот коварный тип понял, что я сказал это εἰρωμικῶς⁹⁵, и со смиренным выражением лица пообещал, что так и сделает; и он поклялся мне честью его священной империи, что я не пострадаю от болезни, но с благоденствием и быстротой прибуду в порт Анконы с его хеландиями. И в этом он поклялся мне, ударяя себя пальцами в грудь.

XXXIV. Но заметьте, сколь нечестиво он поклялся. Это было сделано и сказано 20 июля, в понедельник; так вот, с того дня и до самого 24 июля я не получил от него ни куска хлеба, тогда как в Константинополе был столь сильный голод, что и за три золотых не мог я достать еды для 25 моих спутников и 4-х греческих стражей. В среду Никифор покинул Константинополь, собираясь отправиться против ассирийцев.

XXXV. В четверг его брат вызвал меня к себе и обратился с такими словами: «Святейший император уехал, а я по его распоряжению остался ныне дома. Скажи мне теперь, имеешь ли ты желание видеть святейшего императора и нет ли у тебя чего-либо, что ты еще не сообщил?». Я ответил ему: «У меня нет причин ни видеть святейшего императора, ни сообщить ему что-то новое; об одном лишь прошу: чтобы меня, согласно обещанию святейшего императора, на хеландиях доставили в порт Анкону». Услышав это, он начал клясться, что выполнит это, головой императора, – ибо греки всегда готовы поклясться чьей-либо головой⁹⁶, – собственной жизнью, детьми, которых, если он говорит правду, да сохранит Бог. Когда я спросил его: «Когда?», он ответил: «Скоро; но императора сейчас нет; когда же император вернется, делонгарис⁹⁷, в чьих руках находится вся сила флота, позаботится о тебе». Обманутый этой надеждой я, радостный, ушел от него.

XXXVI. Но через два дня, в субботу, Никифор приказал мне явиться к нему в Умбрию⁹⁸, место, расположенное в 18 милях от Константинополя, и сказал мне: «Я полагал, что ты, муж влиятельный и честный, пришел сюда ради того, чтобы, во всем уступив моей воле, установить между мной и твоим господином вечную дружбу. Но поскольку из-за твердости своего сердца ты не хочешь этого сделать, обещаю по крайней мере добиться, – это ты вполне можешь сделать на законном основании, – чтобы твой господин не отправлял помощи князьям Капуи и Беневенто, моим рабам, на которых я собираюсь напасть. Раз уж он не уступает своего,

пусть хотя бы отдаст наше. Прекрасно известно, что их отцы и деды платили дань нашей империи, и войско нашей империи постарается, чтобы они в скором времени делали то же самое». А я ему говорю: «Эти князья принадлежат к высшей знати и являются вассалами моего господина, который, если узнает, что твое войско напало на них, отправит им армию, которая сокрушит твоих людей и отберет у тебя те 2 фемы⁹⁹, которыми ты владеешь за морем». Тогда он, надувшись, как жаба, в раздражении сказал: «Убирайся! Я сам, ради себя и своих родителей, породивших меня таким, каков я есть¹⁰⁰, заставлю твоего господина думать о чем-то ином, чем о защите отпавших рабов».

XXXVII. И когда я собирался уходить, он приказал переводчику пригласить меня к столу; призвав брата тех князей¹⁰¹ и Византия из Бари¹⁰², он приказал им излить против вас, а также против латинского и тевтонского народов целый поток брани. Однако, когда я собирался уйти с этого омерзительного обеда, они тайно, через посланников, передали мне и поклялись, что всю эту брань они изрыгнули не по своей воле, но по воле императора, угрожавшего им. Сам же Никифор спросил меня во время этого обеда, есть ли у вас *perivolia*, то есть зверинцы¹⁰³, и есть ли в этих зверинцах дикие ослы и прочие звери? Когда я подтвердил, что у вас есть зверинцы, в зверинцах – животные, но нет диких ослов, он сказал: «Я отведу тебя в наш зверинец; ты увидишь и изумишься его размерами и дикими ослиами». Итак, меня отвели в зверинец, который был довольно велик, холмист и покрыт кустарником, но отнюдь не прелестен; когда я ехал верхом в шапке и куропалат увидел меня издали, то сразу же отправил ко мне сына и сказал, что обычай никому не позволяет быть в шапке в присутствии императора, но что можно носить теристру¹⁰⁴. А я ему говорю: «У нас только женщины носят тиары и теристры, а мужчины ездят в шапках. Не годится вам принуждать меня изменять здесь обычаям моей страны, учитывая, что мы позволим вашим посланцам соблюдать у нас свои обычаи. Ибо они, с длинными рукавами, закутанные, украшенные блестками, длинноволосые, облаченные в туники до самых лодыжек, ездят, ходят и сидят за столом; и, что всем нам кажется особенно постыдным, лишь они целуют наших императоров с непокрытой головой». – «Чему да не допустит Бог продолжаться и далее», – добавил я про себя. «Тогда возвращайся назад», – сказал он.

XXXVIII. Когда я повернул назад, мне навстречу вышли вперемешку с козами дикие, как они их называют, ослы. Но, скажите на милость, какие же они дикие? Они точно такие же, как в Кремоне домашние. Их цвет, форма и уши те же самые; они столь же голосисты, когда начинают реветь; и размер, и ловкость у них одинаковы; и те, и другие одинаково лакомы для волков. Когда я увидел их, то сказал ехавшему рядом со мной греку: «Таких я никогда не видел в Саксонии». «Если, – сказал тот, – твой господин будет покорен воле святейшего императора, тот даст ему таких множество, и будет для него немалой славой владеть тем, чего никогда не видели его предшественники государи». Но, поверьте мне, мои августейшие господа, собрат мой и соепископ, господин Антоний¹⁰⁵, может дать вам не худших, о чем свидетельствуют рынки Кремоны; и они бродят там не как дикие ослы, но как домашние, и не просто так, но навьюченные [товаром]. Но когда он передал выше-

описанные слова Никифору, тот, передав мне двух коз, дал разрешение уехать. А на следующий день отправился в Сирию.

XXXIX. Но прошу, обратите внимание, почему он теперь повел войско против ассирийцев. У греков и сарацин есть книги, которые они называют βροσείς или видениями Даниила, я же зову «[книгами] Сивиллы»¹⁰⁶, и в которых записано, сколько лет будет жить тот или иной император, какие события, мир или война случатся в его правление, сарацинам ли будет сопутствовать удача, или наоборот. Так, там записано, что во времена этого Никифора ассирийцы не смогут противостоять грекам и что он, Никифор, проживет всего 7 лет¹⁰⁷; что после его смерти придет еще худший император, – но боюсь, что хуже не найти, – и менее воинственный, во время которого ассирийцы настолько усилятся, что подчинят своей власти все земли вплоть до Халкедона, который недалеко отстоит от Константинополя. Каждый народ соблюдает свое время; поэтому воодушевленные греки наступают, а сарацины, отчаявшись, не сопротивляются, ожидая времени, когда сами будут напасть, а греки, в свою очередь, не смогут сопротивляться.

XL. Но Ипполит¹⁰⁸, некий сицилийский епископ, написал нечто подобное о вашей империи и о нашем народе, – «нашими» я называю все народы, находящиеся под вашей властью; – о если бы было правдой то, что он написал о нынешних временах! Многое из того, что он писал, уже исполнилось, как я слышал от тех, кто знает его книги. Но из многих его пророчеств упомянем одно. Ибо он говорит, что настало время исполниться пророчеству, которое гласит: λέων καὶ ὄχινος ὀμοίω-ξουσιν βναυρον. Это по-гречески. По-латински же так: «Лев и его львенок вместе изгонят дикого осла». Греческое истолкование этого таково: Лев, то есть римский или греческий император, и его львенок, а именно, франкский король, в нынешние времена вместе изгонят дикого осла, то есть африканского короля сарацин. Это истолкование не кажется мне истинным, ибо лев и львенок – звери хоть и разной величины, но одной природы и вида или породы; и, как подсказывают мне мои знания, если бы лев был греческим императором, то не годится, чтобы львенком был король франков. Ибо, хоть оба они люди, как лев и львенок оба – животные, они тем не менее настолько отличаются друг от друга нравами, насколько отличается, – не скажу, вид от вида, – но разумное существо от неразумного. Львенок ничем не отличается от льва, кроме возраста; форма та же самая, свирепость одинакова, рев один и тот же. Греческий царь носит длинные волосы, тунику, длинные рукава и теристру; он лжив, коварен, безжалостен, хитер, как лис, высокомерен, притворно скромн, скуп и алчен; живет на чесноке, луке и порее, а пьет «банную воду»¹⁰⁹. Король франков, напротив, красиво подстрижен; носит отнюдь не женское платье и шапку; он правдив, не ведает коварства, милостив, когда это возможно, суров там, где следует, всегда истинно скромн, никогда не скупится; не живет на чесноке, луке и порее; когда может, щадит зверей, не съедая их, но продавая и собирая деньги. Вы слышали разницу; не пожелайте принять их толкование; ибо оно или относится к будущему, или недостоверно. Ибо невозможно, чтобы Никифор, как они лгут, был львом, а Оттон – львенком, которые совместно кого-то изгонят. Ибо «раньше, в скитаньях пройдя родные пределы, изгнанник парф к

Арару испить подойдет, а к Тигру германец»¹¹⁰, чем Никифор и Оттон станут друзьями и заключат друг с другом союз.

XLl. Выслушав толкование греков, услышите теперь толкование Лиутпранда, епископа Кремоны! Я говорю и не просто говорю, но утверждаю, что написанное должно исполниться в нынешние времена, а именно: лев и львенок, то есть отец и сын, Оттон и Оттон, во всем схожие и лишь возрастом отличающиеся друг от друга, совместно, в настоящее время изгонят дикого осла Никифора, который вполне уместно сравним с диким ослом за свое пустое и никчемное тщеславие и за кровосмесительный брак со своей госпожой и матерью своих крестников¹¹¹. Если этот дикий осел не будет ныне изгнан нашим львом и его львенком, Оттоном и Оттоном, то есть отцом и сыном, августейшими римскими императорами, тогда то, что написал Ипполит, окажется неправдой. Ибо прежнее толкование греков уже отброшено. Но, о милосердный Иисус, Вечный Боже, Слово Отца, кто говорит с нами, недостойными, не голосом, но духом, не допусти иного толкования этой фразы, кроме моего! Вели, чтобы этот лев и львенок изгнали этого дикого осла и смирили телесно, дабы пришел он в себя и подчинился своим государям, императорам Василию и Константину, и чтобы дух его был спасен в День Господень!¹¹²

XLII. Но и астрономы предсказывают нечто подобное относительно вас и Никифора. Удивительное дело, говорю я. Когда я беседовал с одним астрономом, то он точно описал ваши, моего августейшего государя, и вашего августейшего тезки облик и характер, а также рассказал все мое прошлое, словно сам при этом присутствовал. Он не пропустил ни одного имени тех моих друзей и врагов, о которых я хотел его спросить, и не было таких, о чьем звании, облике и нравах он не сказал бы мне. Он предсказал мне все будущие беды, которые случились со мной в этом путешествии. Но да будет ложью все, что он мне сказал! Об одном лишь прошу я, чтобы оно было правдой, а именно: то, что он предсказал о том, что вы сделаете с Никифором. О да свершится это! О да свершится это! И тогда я сочту ничтожным все то зло, что я претерпел.

XLIII. Названный Ипполит пишет также, что не греки, но франки сокрушат сарацин. Сарацины, воодушевленные этим пророчеством, вступили 3 года назад близ Сциллы и Харибды в Сицилийском море в битву с патрикием Мануилом, племянником Никифора¹¹³; разбив огромные его силы, они схватили его самого и, отрубив голову, повесили; когда же они взяли в плен его друга и соратника, существо среднего рода¹¹⁴, они сочли для себя недостойным его убивать, но продали его, связанного и изнуренного длительным заключением, за столь высокую цену, за какую никого из людей такого рода никогда не покупал ни один здравомыслящий. И с не меньшим духом, вдохновленные тем же пророчеством, они, спустя малое время, выступили против магистра Эксакионита¹¹⁵; обратив его в бегство, они полностью разгромили его силы.

XLIV. Была также и другая причина, заставившая Никифора вести войско против ассирийцев. Ибо всю землю аргосцев в это время по воле Божьей поразил столь сильный голод¹¹⁶, что 2 павийских секстария¹¹⁷ пшеницы нельзя было купить за 1 золотой, и это там, где будто бы царит изобилие. Это несчастье, усугубленное

грызунами, он усилил еще тем, что во время урожая скупил все зерно тамошних земель, давая несчастным землевладельцам самую низкую цену. И когда он то же самое проделал в Месопотамии, где урожай был гораздо больше из-за отсутствия грызунов, количество собранного им зерна равнялось количеству песка в море. Итак, когда из-за этих постыдных проделок всюду свирепствовал голод, он под предлогом ополчения собрал 80 тысяч человек и в продолжении месяца продавал им хлеб по два золотых там, где купил за один¹¹⁸. Таковы, мой государь, основания¹¹⁹, побудившие Никифора двинуть нынче войска на ассирийцев. Но какие там войска? Воистину, говорю я, это не люди, но лишь подобия людей, которые храбры лишь на язык и чья рука холодна в брани¹²⁰. Никифор смотрит в них не на качество, но лишь на количество. Это крайне рискованно и он слишком поздно раскается, когда толпа негодных воинов, воодушевленных лишь своей численностью, будет сокрушена горсткой наших, которые знают военное дело, более того, жаждут битвы.

XLV. Когда вы осаждали Бари, всего лишь 300 венгров захватили у Фессалоники 500 греков и увели их в Венгрию. Это обстоятельство, ввиду успешного завершения, побудило 200 венгров неподалеку от Константинополя, в Македонии, сделать то же самое; правда, 40 из них, неосторожно возвращаясь домой через узкое ущелье, были взяты в плен. Никифор освободил их из заключения и, украсив самыми дорогими одеждами, сделал своими телохранителями и защитниками, а затем взял с собою против ассирийцев. Однако, что у него за войско, вы можете догадаться по тому, что во главе прочих [у него] стоят венецианцы и амальфитане!

XLVI. А теперь, оставив все это, послушайте, что случилось со мной. 27 июля в Умбрии, за пределами Константинополя, я получил у Никифора разрешение вернуться к вам. Но когда я прибыл в Константинополь, патрикий Христофор, евнух, правивший там вместо Никифора, передал мне, что я не смогу сейчас уехать, ибо сарацины завладели морем, а венгры сушей; что мне надлежит ждать, пока они не уйдут¹²¹. Однако и то, и другое – увы! – было ложью. Тогда же были приставлены стражи, которые не позволяли мне и моим людям выходить из моего же дома. Латиноязычных бедняков, которые пришли ко мне ради милостыни, они схватили и либо убили, либо бросили в тюрьму. Моему греколону, то есть знавшему греческий язык, они не разрешали выходить даже за продуктами; это разрешалось только моему повару, не знавшему греческого языка, который, общаясь с продавцами, объяснялся лишь знаками, на пальцах и кивками головы, и на 4 монеты покупал столько же, сколько греколон на одну. И когда бы кто-либо из моих друзей ни послал мне немного пряностей, хлеба, вина, плодов, они все это выбрасывали на землю и отсылали посланника назад, изрядно наградив его тумачами. И если бы Божья милость не приготовила предо мною трапезы в виду врагов моих¹²², то мне оставалось бы только принять смерть. Но тот, кто допустил искушение, милостиво даровал мне терпение¹²³. Такого рода бедствия томили меня в Константинополе с 4 июня до 2 октября, то есть в течение 120 дней.

XLVII. Но, чтобы еще увеличить мои страдания, в день вознесения св. матери Божьей, девы Марии¹²⁴, в недобрый для меня час, пришли послы господина апостолика, вселенского папы Иоанна¹²⁵, с письмами, в которых он просил Никифора,

греческого императора, установить с его возлюбленным духовным сыном Оттоном, августейшим римским императором, надежную и крепкую дружбу. Если спросят, почему подавшего это письмо, греховное и дерзкое с точки зрения греков, не убили тут же или не уничтожили до того, как он его прочитал, я, который в иных делах часто казался себя неплохим и довольно речистым проповедником, в этом деле оказался нем, как рыба! Греки поносили море, проклинали волны, весьма удивляясь, как смог он¹²⁶ принести подобную гнусность, и почему зияющая бездна не поглотила корабль. «Как можно было, – говорили они, – назвать вселенского римского императора, августа, великого, единственного, Никифора, греческим [императором], а варварского, ничего человека – римским?¹²⁷ О небо! О земля! О море!¹²⁸ Но что, – говорили они, – нам делать с этими преступными и нечестивыми людьми? Они нищие, и если мы их уьем, то оскорвим свои руки их ничтожной кровью; они ходят в лохмотьях, они рабы и мужичье; и если мы побьем их, то обесчестим не их, но самих себя; ибо недостойны они ни позолоченных римских плетей¹²⁹, ни иного подобного наказания. О, если бы один из них был епископом, а другой маркграфом! Ибо тогда, зашитые в мешки после жалающих ударов кнутом, после выдергивания их бород или волос они были бы утоплены в море. Но эти, – говорили они, – уцелеют и будут мучиться в суровом заточении, пока святейший римский император Никифор не узнает об этом преступлении».

XLVIII. Когда я узнал об этом, то счел их счастливыми, ибо они были бедны, а себя – несчастным, ибо был богат. Когда я был дома, моим желанием было оправдать свою бедность; находясь же в Константинополе, сам страх научил меня бояться богатств Креза. Бедность всегда казалась мне тяжелой, а теперь – легкой, и даже приятной и желанной; да, желанной, ибо она не терпит, чтобы губили ее поборников, бичевали ее последователей. И поскольку в Константинополе лишь одна бедность защищает так своих поборников, то да будет единственно она достойна уважения!

XLIX. Итак, папские послы были брошены в тюрьму, а оскорбительное письмо отправлено Никифору в Месопотамию, откуда никто не возвращался с ответом вплоть до 12 сентября. В этот день ответ пришел, но его содержание было скрыто от меня; только через 2 дня, а именно 14 сентября, я мольбами и подарками добился разрешения поклониться животворящему и спасительному дереву¹³⁰. Там, в толпе народа, втайне от стражей, ко мне подошли кое-какие люди и доставили моему опечаленному сердцу радость от выкраденных речей.

L. 17 сентября меня, полуживого, вызвали во дворец. И когда я пришел к патрикию Христофору, евнуху, он радушно меня принял, поднявшись вместе с 3-мя друзьями. Начало их речи было следующим: «Бледность, разлитая в лице твоём, худоба, истощившая тело¹³¹, заросшая голова и, вопреки обычаю, свисающая борода – говорят о безмерной печали в твоём сердце, вызванной тем, что срок твоего возвращения к господину был отложен. Однако мы умоляем тебя, не сердись ни на священного императора, ни на нас. Ибо мы скажем тебе о причинах этой задержки. Папа римский, – если только можно назвать папой того, кто причащал и служил [мессу] вместе с сыном отступника Альберика, прелюбодеем и богохульником¹³², –

что мои одеяния отмечены по венецианскому обычаю; и, поскольку они будут привезены на пользу доверенной мне церкви, все достоинство, которым они обладали, – отобрано. Не надоело вам оскорблять меня, или скорее моих государей, за которых меня высмеивают? Разве не достаточно того, что меня отдали под стражу, что меня мучит голод и жажда, что я не могу вернуться к ним, будучи удерживаемым до сих пор, лишенный своей собственной одежды, дабы переполнить меру вашего презрения к ним? Отберите у меня то, что я сам купил, оставьте хоть те вещи, что даны мне как дар моих друзей!

«Император Константин, – сказали они, – был человеком мягким¹⁴⁷; он постоянно сидел во дворце и только таким образом приобретал дружбу [других] народов; но василевс Никифор, человек тахѹхѹр, то есть склонный к войне, избегает дворца, словно чумы, и зовется нами воинственным и чуть ли не любителем борьбы; он не приобретает дружбу народов за деньги, но подчиняет их себе мечом и страхом. И дабы ты знал наше мнение о твоих государях, королях, то все эти подобного рода цвета, подаренные тебе и купленные тобой, вернутся к нам тем же путем».

LVI. Сказав это и сделав, они поручили мне передать вам χρυσοβούλιον, то есть письмо, написанное и запечатанное золотом, но, как мне думается, недостойное вас. Они передали мне также другие письма, запечатанные серебром, и сказали: «Мы рассудили, что не подобает, чтобы ваш папа получал письма от императора; но куропалат, брат императора, посылает ему письмо, вполне его достойное, причем не через его нищих послов, но через тебя, чтобы он знал, что если он не образумится, то окончательно погибнет».

LVII. Когда я его получил, они отпустили меня, подарив на прощанье довольно милый и любовный поцелуй. Но когда я отправился, они отправили ко мне вестника, вполне достойного их, но не меня, сообщив, что дадут лошадей только для меня и моих людей, но не для багажа. И так, сильно раздосадованный, как того требовали обстоятельства, я дал моему διασώτρ, то есть проводнику, в качестве вознаграждения 50 золотых. И, не зная, как еще можно было воздать Никифору за его зло, я написал на стене моего ненавистного дома и на деревянном столе следующие строки:

Вера аргосцев не безопасна; остерегайся ее, латинянин!
 Не доверяй их словам, не внимай им. Помни об этом!
 Мрамором разным отделан, высокий, просторный,
 Дом сей безводный, солнцу открытый сквозь окна,
 Холод впускает, но не спасает от жаркого зноя.
 Лиутпранд, епископ из авзонского¹⁴⁸ града Кремоны,
 В Константинополь придя из любви к миру,
 Был заключен здесь 4 месяца летних.
 Ибо пред Бари предстал Оттон император¹⁴⁹,
 Пытаясь огнем и мечом подчинить те места своей власти,
 Но, посредством молитв, он победителем вернулся в римские грады¹⁵⁰,
 А оттуда в мои¹⁵¹. Ибо лживые греки ему обещали невестку.

О, если б она вообще не родилась, то не страдал бы я так от дороги!
И не искал бы я случай познать твою ярость, Никифор!
Падчерице ты запретил выйти замуж за сына Оттона.
Но вот грядет день, когда поразят тебя фурии злые,
И, если Бог не отвратит, то Марс будет свирепствовать во всем мире¹⁵²
За преступленье твое
И мир, всем желанный, умолкнет!

LVIII. Написав эти строки, 2 октября, в 10-м часу, я вместе с провожатым покинул в лодке этот, некогда богатейший и процветающий, а ныне голодающий, нечестивый, лживый, коварный, жадный, алчный, скупой и тщеславный город, и через 49 дней езды на осле, лошади и ходьбы пешком, испытав голод и жажду, тоску, плач и стоны, я прибыл в город Навпакт, он же Никополь¹⁵³, здесь мой провожатый нас покинул, разместив в 2-х малых лодках и поручив 2-м посланникам переправить нас через море в Гидрунт¹⁵⁴. Но поскольку entolina, то есть предписания, дающего право взимать [припасы] с греческих вельмож, они не имели, то их всюду презирали, и не они нас поддерживали, а мы их. Как часто размышлял я над следующей строкой Теренция: «Сами нуждаются в защите те, кого избрал ты в свои защитники»¹⁵⁵.

LIX. Итак, 23 ноября я покинул Навпакт и через 2 дня достиг реки Оффидар¹⁵⁶ вместе с моими товарищами, которые добрались до берега не сидя в лодках, не имевших возможности их вместить, но сопровождая их [вдоль берега]. И вот, расположившись на реке Оффидар, мы смотрели на Патры, бывшие в 18 милях от нас, на другом берегу моря. Это место страданий апостола¹⁵⁷ мы посетили и почтили по пути в Константинополь, а теперь пропустили, – признаю свою вину, – не посетив и не почтив. Это было сделано, мои августейшие господа, из страстного желания [поскорее] вернуться к вам и вновь вас увидеть; если бы не это, то, полагаю, я погубил бы себя навеки.

LX. С юга против меня, безумца, восстал шторм, волнуя море до самых его глубин своим неистовством. И когда это длилось уже несколько дней и ночей, 30 ноября, а именно в день его¹⁵⁷ мученичества, я понял, что это случилось со мной из-за моего греха. Только бедствия дают тому, кто слышит, понимание¹⁵⁸. Ибо нас жестоко терзал голод. Жители тех земель хотели убить нас, чтобы отобрать наши вещи; море бурно неистовствовало, желая преградить нам путь. Тогда, обратившись к увиденной мною церкви, я, плача и причитая, сказал: «О, святой апостол Андрей, я раб твоего соратника – рыбака, брата и апостола, Симона Петра. Не по своей воле и не из гордыни уклонился я от места твоего страдания; меня побуждали вернуться домой августейший приказ и августейшая любовь. Если грех мой поверг тебя в негодование, то пусть склонят тебя к милосердию заслуги моих августейших повелителей. Тебе нечего даровать своему брату; даруй же что-нибудь императорам, любящим твоего брата, вверив [меня] Тому, кто знает все. Ты знаешь с каким трудом и напряжением, постоянно недосыпая и неся большие расходы, они обогатили, почтили, возвеличили и привели в должное состояние, – вырвав ее из рук нечестивцев, – римскую церковь брата твоего апостола Петра. Если мои дела меня

губят, то пусть хотя бы спасут меня их заслуги; да не будут они, которым твой брат по вере и по крови, князь апостолов, апостол Петр, желает радости и процветания в других делах, печалится в этом деле, то есть из-за меня, которого они отправили [с посольством]!».

LXI. Это не лесть, мои государи, августейшие императоры, и не сшиваю я ныне мешочки под мышки¹⁵⁹; это не лесть, говорю я, а чистая правда. Через 2 дня¹⁶⁰, только благодаря вашим заслугам море успокоилось и стало столь безмятежным, что когда моряки покинули нас, мы сами провели корабль в Левкаду, то есть прошли 140 миль, не испытав ни опасностей, ни лишений, кроме одной небольшой – у устья реки Ахелой, где ее поток, быстро текущий вниз, сталкивается с морскими волнами.

LXII. Что же, могущественные августы, воздадите вы Господу¹⁶¹ за все, что он ради вас для меня сделал? Я скажу что. Именно этого хочет Бог, именно этого требует и, хоть и сам, без вас может это сделать, предпочитает все же действовать через *hurgos*, то есть исполнителей; ибо он сам дает то, что следует ему пожертвовать; он охраняет то, что требуется, дабы увенчать лучшего. Итак, обратите внимание, прошу вас. Никифор, человек нечестивый и завистливый в отношении всех церквей¹⁶², изобилюющий [злобой] против вас, велел патриарху Константинопольскому возвести церковь Гидрунта в ранг архиепископства и не позволять во всей Апулии и Калабрии совершать богослужение на латыни, но только на греческом¹⁶³. Он сказал, что предыдущие папы были торгашами и торговали Духом Святым, благодаря которому все оживляется и управляется, который наполняет вселенную, который знает Слово, который совечен и единосущен с Богом Отцом и Его Сыном, Иисусом Христом, не имеет ни начала, ни конца и всегда истинен; он не имеет денежной цены, но покупается лишь чистым сердцем, причем настолько, насколько его ценят. И вот, Полиевкт¹⁶⁴, патриарх Константинопольский, даровал епископу Гидрунта привилегию, чтобы он имел право своей властью посвящать епископов в Ачеренце, Турси, Гравине, Матере и Трикарико¹⁶⁵, которые, кажется, относились к диоцезу господина папы¹⁶⁶. Но что вспоминать об этом, когда сама константинопольская церковь по праву подчинена нашей святой католической и апостольской римской церкви? Мы знаем, более того, видели, что епископ Константинопольский распоряжался паллием не иначе, как с разрешения нашего святого отца. Но когда этот нечестивый Альберик, – чья жадность не каплями, но ливнем переполнила [чашу], – захватил власть в городе Рима и держал господина папу под замком, словно своего раба¹⁶⁷, император Роман поставил патриархом своего сына Феофилакту¹⁶⁸, внуха; так как жадность Альберика не укрылась от его взора, он, послав ему довольно большие дары, добился, чтобы от имени папы патриарху Феофилакту были отправлены письма, на основании которых он сам и его преемники могли распоряжаться паллием без разрешения папы¹⁶⁹. Из этой постыдной торговли вырос достойный осуждения обычай, чтобы не только патриарх, но и епископы всей Греции пользовались паллием. Не мне говорить, насколько это нелепо. Но вот мой совет: следует созвать священный собор и вызвать на него Полиевкта. Если же он не захочет прийти и согласно канонам оправдать вышеописанные *сфάλλατα*, то

есть пороки, следует поступить так, как то предписывают святейшие каноны. Вы же, всемогущие августы, в это время продолжайте делать то, что делали; сделайте так, чтобы если Никифор, которого мы намерены уличить согласно канонам, не захочет нас выслушать, то пусть по крайней мере услышит вас, ибо его полумертвое [войско] не дерзнет выступить против ваших войск. Это, говорю я, и есть то, что апостолы, наши повелители и соратники, хотят от нас. Нельзя допустить, чтобы греки презирали Рим из-за того, что его покинул император Константин; напротив, его следует скорее лелеять, почитать и уважать уже за то, что сюда пришли апостолы, святые учителя Петр и Павел. Но довольно мне писать об этом, пока не приду я к вам, вырвавшись из рук греков милостью Божьей и молитвами святейших апостолов. И ничто не помешает мне сказать тогда то, что было неудобно написать ныне. А теперь вернемся к теме.

LXIII. 6 декабря мы прибыли в Левкаду, где были непочтительно встречены и подверглись крайне бесчеловечному обращению со стороны евнуха, епископа этого места; впрочем, и другие встречали нас так же. Во всей Греции, – истину говорю, не лгу¹⁷⁰, – не найти гостеприимных епископов. Они богаты и вместе с тем бедны: богаты золотом, с которым играют в полных сундуках¹⁷¹; бедны слугами и утварью. Они сидят одни за пустыми столиками, поставив перед собой сухари, и не пьют, но цедят «банную воду»¹⁷² из небольших бокалов. Они сами продают и покупают; сами закрывают и открывают двери; они сами себе и столыники, и конюхи, и сароны, – ха! я хотел написать сароны, но это так точно, что я невольно был вынужден написать правду, – ибо они действительно сароны, то есть евнухи¹⁷³, – что противоречит церковному праву; они же и сароны, то есть харчевники, что также противоречит канонам.

Латук начинает и завершает скудный обед их,

Тот латук, каким обычно кончались обеды их предков¹⁷⁴.

Я счел бы счастливыми этих бедняков, если бы они подражали бедности Христа. Но этому мешает тяга к деньгам и страшная жажда золота¹⁷⁵. Но да помилует их Бог! Я думаю, что они поступают так оттого, что их церкви платят налоги. Епископ Левкады поклялся мне, что его церковь ежегодно должна платить Никифору 100 золотых; то же [делают] и прочие [церкви], одни больше, другие меньше, смотря по их силам. Насколько это гнусно, свидетельствуют деяния святейшего отца нашего Иосифа, который, сделав во время голода весь Египет данником Фараона, земли священников оставил свободными от налогов¹⁷⁶.

LXIV. Уйдя из Левкады 14 декабря и плывя самостоятельно, – ибо моряки, как мы писали выше, нас покинули, – мы достигли 18 декабря Корфу, где навстречу нам, – до того, как мы сошли с корабля, – вышел некий стритиг по имени Михаил, херсонит, то есть из места под названием Херсонес; это был седой человек, с приветливым лицом, добрый в беседе, постоянно улыбающийся, но, как выяснилось позднее, с сердцем дьявола; это и открыл мне Бог с помощью ясных знамений, ибо ум мой вряд ли смог бы тогда об этом догадаться. Так, когда он подарил мне поцелуй, – якобы ради мира, которого не имел в сердце, – весь Корфу, то есть огромный остров, задрожал, и не раз, а трижды сотрясаясь в течение этого дня¹⁷⁷. А через

4 дня, то есть 22 декабря, когда я, сидя за столом, ел хлеб вместе с тем, кто попирал меня ногами, солнце, устыдившись столь гнусного преступления, скрыло свои светлые лучи и, пережив затмение¹⁷⁸, устало, но не изменило этого Михаила.

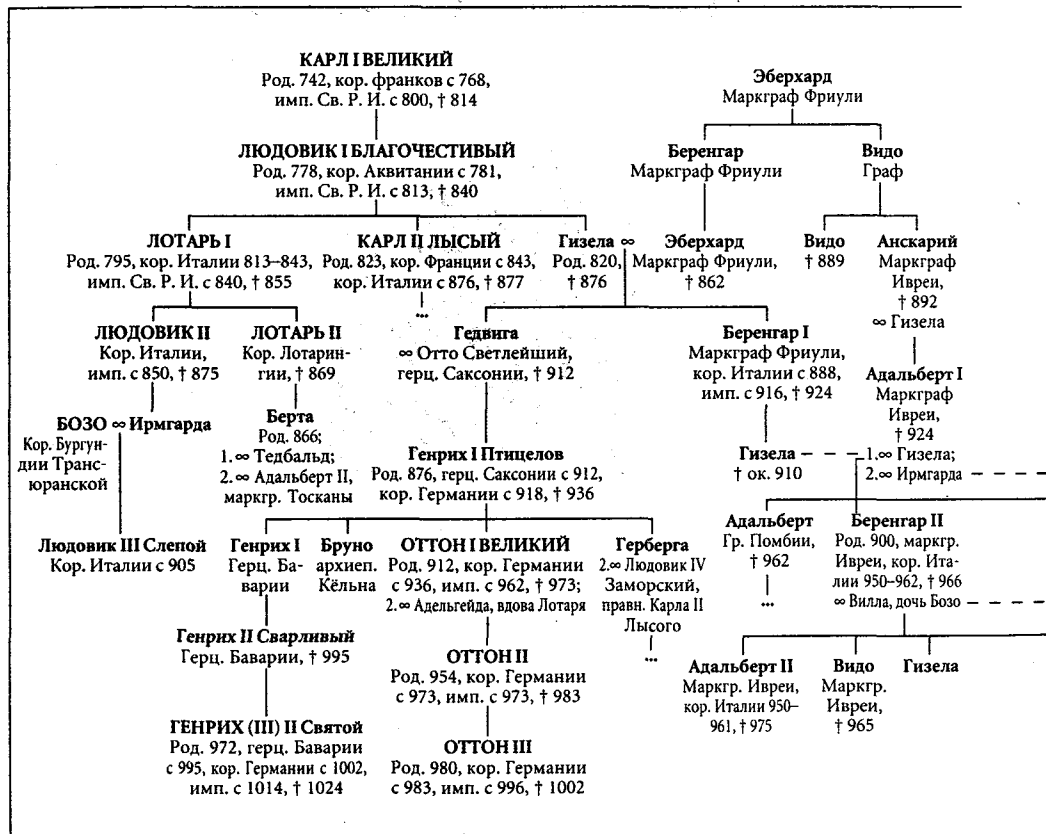
LXV. Итак, я расскажу, что я сделал для него ради дружбы и что получил от него взамен. По пути в Константинополь я дал его сыну самый лучший щит, позолоченный и изготовленный с удивительным искусством, который вы, мои августейшие государи, дали мне вместе с другими дарами, чтобы я подарил их моим греческим друзьям. Теперь, возвращаясь из Константинополя, я подарил отцу самое лучшее облачение; он же отблагодарил меня за все это следующим образом: Никифор написал, чтобы, как только я к нему приду, он без промедления посадил меня на хеландию и послал к китониту Льву. Он этого не сделал, но продержал меня 20 дней и кормил не за свой, но за мой счет, пока от названного китонита Льва не пришел посланник, который отчитал его за то, что он меня задержал. Однако, не желая выслушивать мои упреки, стенания и жалобы, он уехал, поручив меня человеку столь нечестивому и злому, что он даже продукты не позволял мне покупать, пока не получил от меня ковер стоимостью в фунт серебра. И, когда я через 20 дней уехал оттуда, этот посланник, которому я подарил ковер, приказал владельцу судна, чтобы тот, когда мы минуем *acroteria*, то есть некий мыс, посадил меня и оставил умирать с голоду. Он сделал это потому, что, когда он обыскивал мои облачения, — дабы выяснить, не скрываю ли я среди них пурпурные, — и хотел взять себе одно из них, то я ему это не позволил. О Михаилы, Михаилы, где мне еще найти таких, как вы! Ибо мой константинопольский страж поручил меня своему врагу: злодей — еще большему злодею, негодяй — мерзавцу. Мой проводник тоже звался Михаил, простой человек, чья простота, правда, причинила мне почти столько же вреда, сколько злоба других. Но из рук этих мелких Михайлов, я был свергнут в твои, о великий Михаил, полуотшельник, полумонах! Я говорю, и истинно говорю: та «банная вода», что ты усердно пьешь во имя любви блаженного Иоанна Предтечи, на пользу тебе не пойдет. Ибо те, кто притворно ищут Бога, никогда не заслужат [милости] найти Его...¹⁷⁹

ПРИЛОЖЕНИЯ

Итальянские Каролинги, а также Фриули, Ивреи,

короли Италии, маркграфы Тосканы, Камерино и Сполето

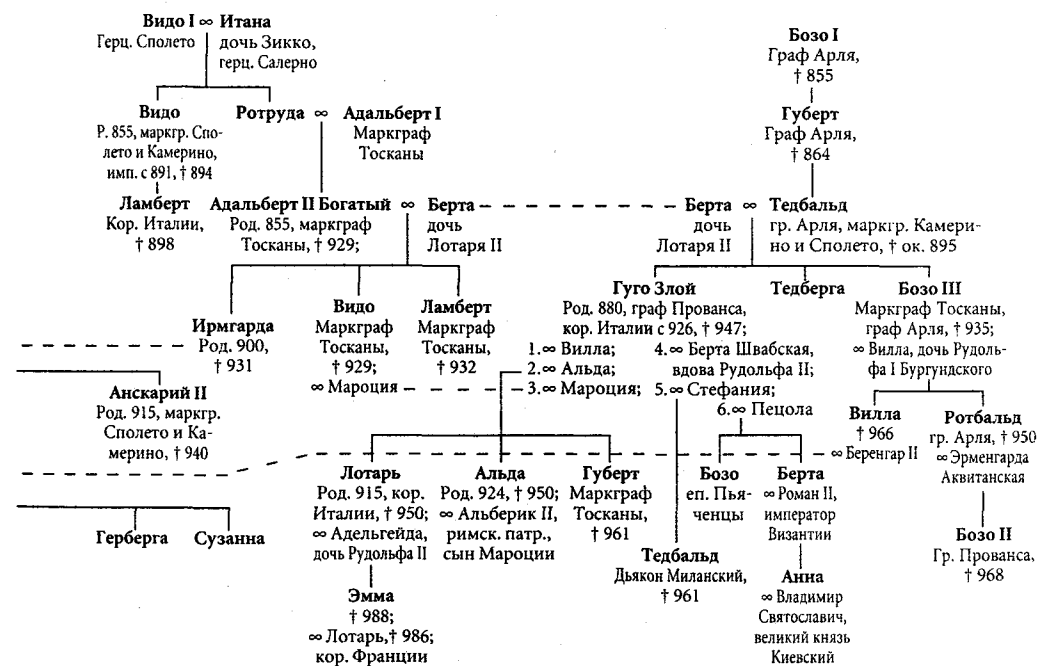
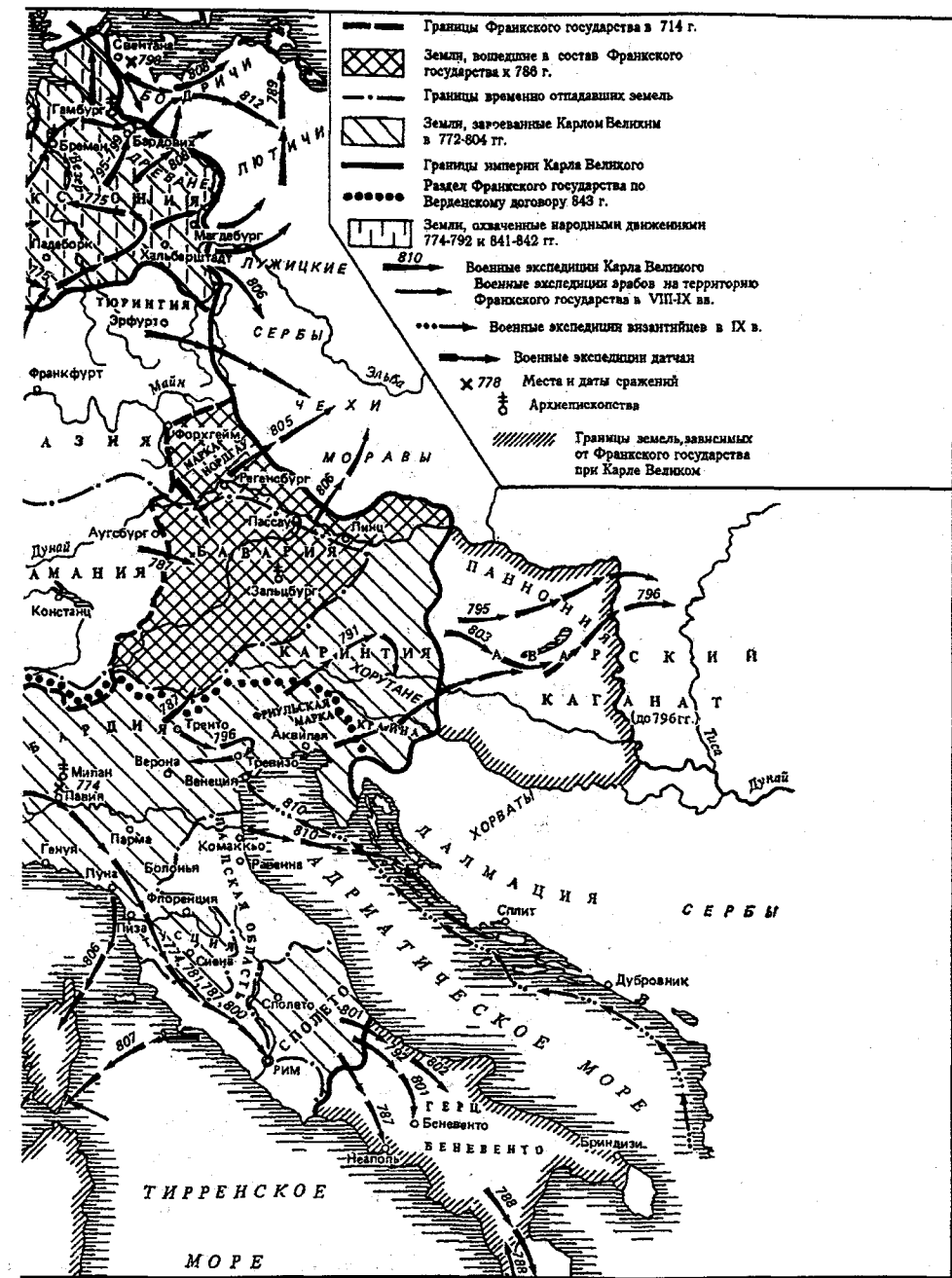
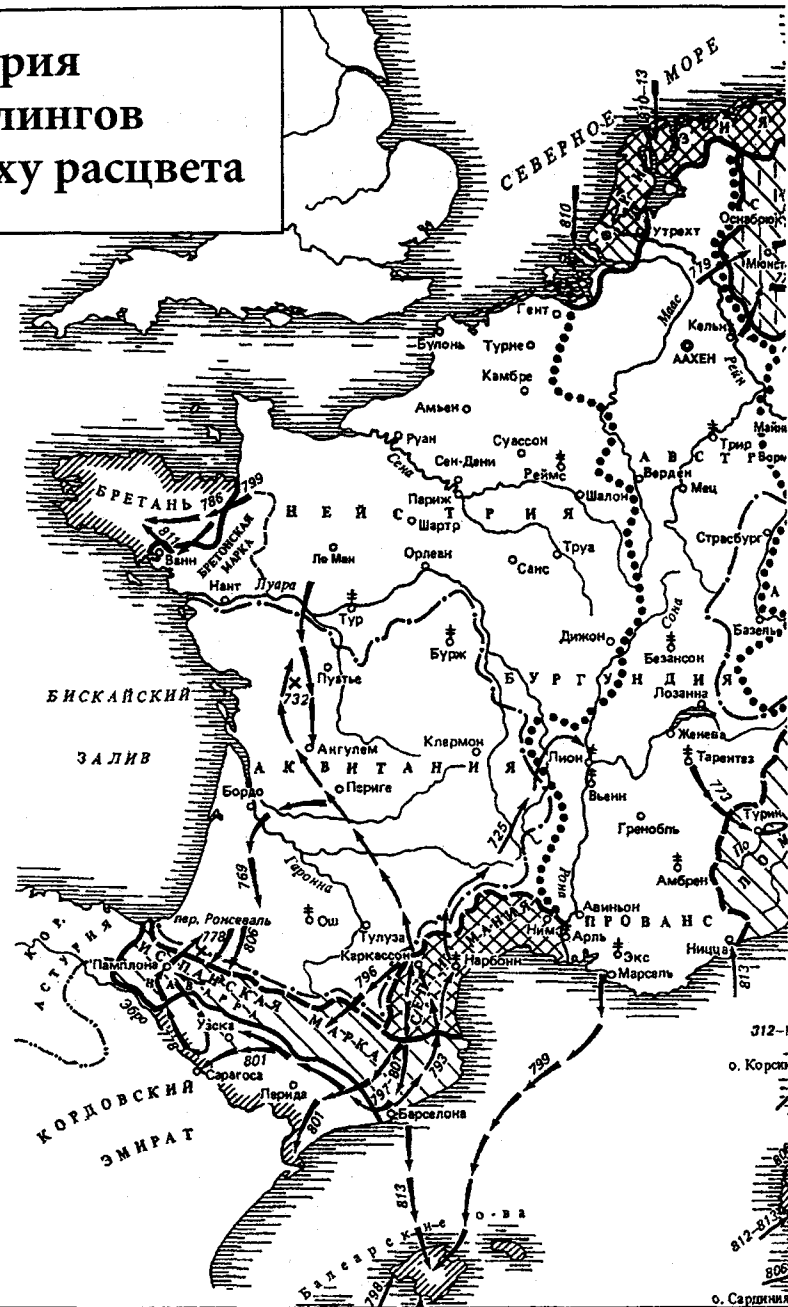
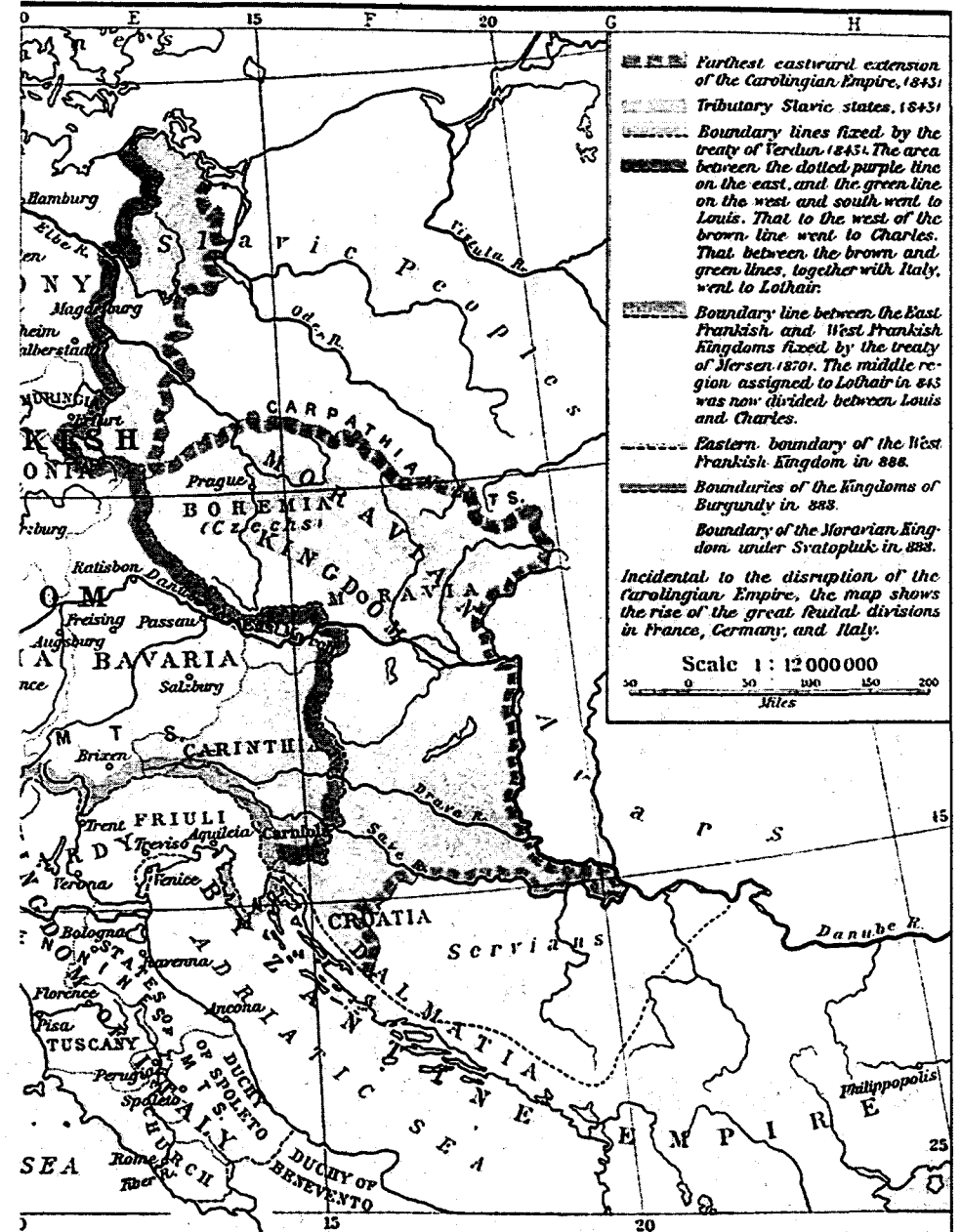

Таблица подготовлена на основе сведений из «Антаподосиса» Лиутпранда Кременского и хрестоматии «История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых» / Сост. М.М. Стасюлевич (СПб., 1902, 1915; переизд.: СПб., 1999).

Империя Каролингов в эпоху расцвета

Государства Каролингов в середине IX в.

Комментарии и примечания

Комментарии к Первой книге «Антаподосиса»:

- ¹ Либерритана (Иллиберис, Эльвира) – предместье г. Гранада в Испании.
- ² Тицин – совр. Павия (далее по тексту везде употребляется Павия).
- ³ Исидор, Начала, I, 41, 1.
- ⁴ Бозций, Утешение философией, I, 1, 5.
- ⁵ Теренций, Евнух, 41.
- ⁶ Т. е. Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. до н. э.).
- ⁷ Академики – последователи философии Платона.
- ⁸ Перипатетики – последователи Аристотеля.
- ⁹ Гай Юлий Цезарь (102–44 гг. до н. э.) – известный римский полководец, диктатор. Консул 59, 48, 46, 45, 44 гг.
- ¹⁰ Гней Помпей Великий (106–48 гг. до н. э.) – консул 70, 55 и 52 гг. Противник Гая Юлия Цезаря.
- ¹¹ Ганнибал (р. ок. 246 г. ум. 187 г. до н. э.) – крупнейший карфагенский полководец. Сын Гамилькара Барки. Непримирымый враг Рима.
- ¹² Гасдрубал (ум. 207 г. до н. э.) – младший брат Ганнибала. Погиб в битве на р. Метавр.
- ¹³ Публий Корнелий Сципион Африканский (ум. 187 г. до н. э.) – римский полководец. Завоеватель Испании, победитель Ганнибала (в битве при Заме 202 г. до н. э.). Консул 205 и 194 гг. до н. э.
- ¹⁴ Исход, 23, 21–23.
- ¹⁵ Притчи Сол., 5, 21.
- ¹⁶ Совр. Ла-Гарде Френе – к юго-западу от Фрежюса.
- ¹⁷ Абдурахман III Победоносный – эмир Кордовы (912–965).
- ¹⁸ Иероним, Комм. на письмо к галатам, III, 5.
- ¹⁹ Втор., 32, 30.
- ²⁰ Лев VI Философ (ум. 912 г.) – император Византии в 886–912 гг.
- ²¹ Василий I Македонянин (ум. 886 г.) – император Византии в 867–886 гг. Основатель Македонской династии. О нем см. далее.
- ²² Константин VII Багрянородный (Порфирогенет) (ум. 959 г.) – император Византии в 913–959 гг. Сын Льва VI. Изв. писатель.
- ²³ Симеон – царь Болгарии (893–927).
- ²⁴ Оттон I (р. 23 ноября 912 г. – ум. 7 мая 973 г.) – сын Генриха I Птицелова, король Германии в 936–973 гг.; император с 962 г.
- ²⁵ Теренций, Девушка с Андроса, 505: *nil iam muttire audeo*.
- ²⁶ Гипотезу о заключении венгров разделял также Видукинд I, 19.
- ²⁷ Лиутпранд (как и Видукинд I, 16 и 28) путает здесь (и далее) Карла Лысого (ум. 877 г.) с Карлом III Толстым (ум. 888 г.).
- ²⁸ Тевтонские франки – жители германской Франконии. Латинские франки – жители совр. Франции.
- ²⁹ Арнульф (р. 850 г. – ум. 899 г. 8 декабря) – маркграф Каринтии с 880 г., король Германии в 887–899 гг., император с 22 февраля 896 г. Внебрачный сын короля Карломана (от Луитсвинты, дочери Эрнста, графа Нордгау).
- ³⁰ Более известен под именем Святополк. Князь Моравии в 870–894 гг.
- ³¹ Беренгар I (ум. 924 г. 7 апреля) – король Италии (888–924), маркграф Фриули (873–924), император с 915 г. Сын Эберхарда, маркграфа Фриули, и Гизелы, дочери императора Людовика Благочестивого.

- ³² Видо (р. 855 г., ум. 12 декабря 894 г.) – король Италии (889–894); маркграф Сполето и Камерино (875–894); император (с 891 г.). Сын Видо I, герцога Сполето, и Итаны Салернской, дочери Зикко, герцога Салерно.
- ³³ Формоз (ум. 896 г. 4 апреля) – римский папа (891 г. 6 окт. – 896 г. 4 апр.).
- ³⁴ Константин I Великий (ум. 337 г.) – император в 306–337 гг. Ок. 330 г. перенес столицу из Рима в Константинополь.
- ³⁵ См. *Ant. I*, прим. 21.
- ³⁶ Михаил III Травл (ум. 867 г.) – имп. Византии в 842–867 гг. Сын имп. Феофила.
- ³⁷ Кубикулярии – служители при опочивальне императора.
- ³⁸ Василий стал соправителем Михаила III 26 мая 866 г.
- ³⁹ Михаил III был убит в ночь с 23 на 24 сентября 867 г.
- ⁴⁰ *Иез.*, 33, 14–15.
- ⁴¹ *Лука*, 16, 9.
- ⁴² *Теренций*, Евнух, 235: *hominem haud impurum, itidem patria qui abligurrierat bona.*
- ⁴³ *Авлулария*, с. 34, 10–13.
- ⁴⁴ *Руфь*, 1, 17.
- ⁴⁵ По *Теренцию*, Самостояз., 124: *adcurrunt servi, soccos detrahunt; video alios festinare, lectos sternere, cenam adparare: pro se quisque sedulo faciebant.*
- ⁴⁶ *Теренций*, Евнух, 772: *mori me satiuist.*
- ⁴⁷ Парки (мойры) – богини судьбы. С парками связывалась вся жизнь человека. Их представляли себе в виде старух, прядущих нить человеческой жизни. Клото прядет нить, Лахесис проводит ее через все превратности судьбы, а Атропос (букв. – неотвратимая) перерезая нить, обрывает жизнь.
- ⁴⁸ *Вергилий*, *Энеида*, II, 1: *conticuere omnes intentique ora tenebant.*
- ⁴⁹ Свободное изложение *Теренция*, *Девушка с Андроса*, 202: *ita aperte ipsam rem modo locutus es, nihil circum itione usus.*
- ⁵⁰ *Лукиан*, *Галл*, 1.
- ⁵¹ См. *Ant. I*, прим. 29.
- ⁵² См. *Ant. I*, прим. 30.
- ⁵³ См. *Ant. I*, прим. 26.
- ⁵⁴ *Матфей*, 16, 26.
- ⁵⁵ *Бытие*, 1, 26.
- ⁵⁶ Подобные мысли встречаются у *Плиния Старшего* (*Естеств. история*, VII, 5) и *Ювенала* (*Сатиры*, 15, 159).
- ⁵⁷ *Иоанн*, 19, 26–27.
- ⁵⁸ *1 Иоанна*, 3, 15.
- ⁵⁹ *Притчи*, 6, 14.
- ⁶⁰ Карл III Толстый, о котором идет речь, умер 13 января 888 г. Об ошибке Лиутпранда см. прим. 27.
- ⁶¹ См. *Ant. I*, прим. 32.
- ⁶² См. *Ant. I*, прим. 31.
- ⁶³ Лиутпранд спутал здесь свершившееся в начале марта 888 г. в Лангре посвящение Видо в короли Западно-Франкского королевства и коронацию его императором 21 февраля 891 г.
- ⁶⁴ Одо (р. 858 г. ум. 898 г.) – король Западно-Франкского королевства в 888–898 гг. из династии Робертинов. Граф Парижский. Сын Роберта Сильного. Был избран королем в Компьене 29 февраля 888 г.
- ⁶⁵ Лотарь I (ум. 855 г.) – император в 840–55 гг. Старший сын Людовика I Благочестивого. Королевство Лотаря I (в последующем также и его сына Лотаря II) – Лотарингия.
- ⁶⁶ Видимо, речь идет о Роберте I, еп. Меца в 883–916 гг.
- ⁶⁷ Ведь Видо был маркграфом Сполето и Камерино. См. *Ant. I*, прим. 32.
- ⁶⁸ Битва при р. Треббия в январе 889 г. Лиутпранд путает последовательность событий. Сначала состоялась битва при Брешии, а затем – при Треббии. В феврале 889 г. Видо был коронован в Павии, как король Италии.
- ⁶⁹ Битва при Брешии состоялась в октябре 888 г.
- ⁷⁰ Центебальд (Цвентибольд) (р. 870/71 г. ум. 900 г. 13 авг.) – сын короля Арнульфа. Король Лотарингии (895–900). С 897 г. женат на Оде, дочери Отто Светлейшего, герцога Саксонии. Его поход в Италию относится к 893 г.
- ⁷¹ Бонифаций (р. ок. 900 г., ум. 954 г.) – маркграф Сполето и Камерино (945–954 гг.).

- Женат на Вальдраде, дочери Рудольфа I, короля Бургундии. Был также маркграфом Болоньи и Модены.
- ⁷² Поход Арнульфа в Италию относится к 894 г.
- ⁷³ *1 Царств*, 3, 11.
- ⁷⁴ Отто Светлейший (ум. 912 г. 30 ноября) – сын Лиудольфа, герцог Саксонии (880–912). Отец Генриха I Птицелова, дед Оттона I Великого.
- ⁷⁵ Рим был взят Арнульфом в феврале 896 г. Так что Лиутпранд здесь смешивает два его похода: в 894 и 896 гг.
- ⁷⁶ *Вергилий*, Энеида, I, 150.
- ⁷⁷ Здесь под Аргосом имеется в виду Константинополь (Византийская империя).
- ⁷⁸ Здесь имеются в виду св. Елена и ее сын Константин I Великий. Согласно англосаксонской традиции, она была дочерью британского князя.
- ⁷⁹ *Персий*, 5, 146.
- ⁸⁰ Народная легенда. Ср. *Геродот*, 4, 134.
- ⁸¹ Часть Рима на правом берегу Тибра; этот район был укреплен папой Львом IV после разруш. церк. св.Петра арабами в 846 г.
- ⁸² Стефан V (885 г. сент. – 891 г. 14 сент.) – умер 14 сентября 891 г.
- ⁸³ Сергий III (ум. 911 г. 14 апр.) – избран папой в 897 г., изгнан в 898 г. Законным папой считается только с 904 г. (29 января).
- ⁸⁴ Адальберт II Богатый (ум. 915 г. 17 августа) – сын Адальберта I и Ротхильды Сполетской. Маркграф Тосканы (884–915).
- ⁸⁵ Папа Формоз умер 4 апреля 896 г.
- ⁸⁶ Умер 8 декабря 899 г.
- ⁸⁷ Т. е. Стефана VI (896 г. май – 897 г. август). Между Формозом и Стефаном VI правил еще Бонифаций VI (в апреле 896 г.).
- ⁸⁸ *1 Коринф.*, 3, 7.
- ⁸⁹ По-латыни: «Фирмус» – «крепкий, прочный, твердый». Ныне – Фермо, на р.Тенна (к югу от Анконы).
- ⁹⁰ Женой Видо была Агильтруда (ум. после 923 г.), дочь Адельгиза, герцога Беневенто. У Лиутпранда несколько спутана хронология. Так поход на Рим и осада им Фирма имели место в 896 г., т. е. уже после смерти Видо (в 894 г.). Сам же он умер в 899 г. (т. е. значительно позже предполагаемого отравления).
- ⁹¹ *Вергилий*, Энеида, III, 56.
- ⁹² *Псал.*, 67, 28.
- ⁹³ Во время разграбления Бергамо в 894 г. См. *Ант.* I, 23.
- ⁹⁴ Пассо делла Киса.
- ⁹⁵ Проход через Альпы у крепости Бард, возле Аосты.
- ⁹⁶ Большой Сен-Бернар.
- ⁹⁷ Анскарий (ум. 896 г.) – маркграф Ивреи (891–896), прежде – граф Оша (Ouche; возле Дижона). Отец Адальберта (896–924), маркграфа Ивреи.
- ⁹⁸ *Вергилий*, Энеида, XI, 338.
- ⁹⁹ Имеются в виду то ли вши, то ли глисты.
- ¹⁰⁰ *2 Макк.* 9, 9.
- ¹⁰¹ *Иеремия*, 17, 18.
- ¹⁰² *1 Коринф.*, 4, 5.
- ¹⁰³ Погиб 12 декабря 894 г. Погребен в кафедральном соборе в Парме.
- ¹⁰⁴ Ламберт (р. ок. 875 г. ум. 898 г. 15 октября) – сын Видо. Уже при жизни отца был коронован как его соправитель. Король Италии (889–898) и император (891–898). Маркграф Сполето (894–898).
- ¹⁰⁵ Самое большее 3 года.
- ¹⁰⁶ *Псал.*, 74, 3.
- ¹⁰⁷ Его графство неизвестно.
- ¹⁰⁸ Берта (р. 863 г. ум. 925 г. 8 марта) – дочь Лотаря II и Вальдрады. Была замужем дважды: первым ее мужем был Теутвальд (ум. между 887 и 898 гг.), граф Арля; вторым – маркграф Адальберт II (ум. 915 г.). Ее дети от 1-го брака: 1. Бозо III (ум. 935 г.), граф Арля; 2. Теутберга (жена Вернера, графа Труа); 3. Гуго Злой (ум. 947 г.), король Италии; от 2-го брака: 1. Ламберт (ум. 958 г.), герцог Лукки; 2. Видо (ум. 928/29 г.), маркграф Тосканы; 3. Эрменгарда (ум. 931 г.; жена Адальберта, маркграфа Ивреи).
- ¹⁰⁹ Борго Сан-Донино.
- ¹¹⁰ *Персий*, 3, 9.
- ¹¹¹ Ламберт был убит 15 октября 898 г.
- ¹¹² *Псал.*, 9, 24.
- ¹¹³ *Матфей*, 10, 26. *Марк*, 4, 22. *Лука*, 8, 17; 12, 2.

Комментарии ко Второй книге «Антаподосиса»:

- ¹ Выражение встречается также у Цицерона (О природе богов, II, 27), Иеронима (Письмо к Евстохию, 22, 30), Лукреция (III, 128).
- ² Арнульф умер 8 декабря 899 г. Людовик IV Дитя (ум. 911 г.) – его сын, был возведен на престол 4 февр. 900 г. Был последним королем Германии из династии Каролингов.
- ³ Походы в Моравию относятся к 902–906 гг.
- ⁴ *Регино*, 889 г.
- ⁵ *Иордан*, Гетика, 24.
- ⁶ *Вергилий*, Георгики, I, 447; Энеида, IV, 585.
- ⁷ Т. е. венгры. Лиутпранд, подобно грекам, неоднократно называет так венгров.
- ⁸ Т. е. Бог.
- ⁹ Феб (по греч. «блистающий») – прозвище Аполлона. У Лиутпранда имеется в виду Солнце.
- ¹⁰ Тонант или Доннер – бог грома и молнии у древних германцев.
- ¹¹ *Ювенал*, Сатиры, 3, 30.
- ¹² Т. е. около часу дня.
- ¹³ Венгры разбили соединенное войско баваров, франков и швабов у Аугсбурга 10 июня 910 г.
- ¹⁴ Адальберт (р. 854 г. ум. 906 г. 9 сентября) – граф Теерский из рода Бабенбергов. Боролся с Конрадинами (к которым принадлежал будущий король Конрад I) за власть над Франконией. Потерпел поражение и был казнен.
- ¹⁵ Вернее, около 4-х лет.
- ¹⁶ Хатто I (р. 850 г. ум. 913 г. 15 мая) – 7-й архиепископ Майнцский в 891–913 гг. Был регентом королевства при Людовике Дитя.
- ¹⁷ Адальберт был осажден не в Бабенберге (Бамберге), а в Теере, близ Швейнфурта.
- ¹⁸ Казнь состоялась 9 сент. 906 г. Об этом событии см. *Видукинд*, I, 22; *Титмар*, I, 4; *Отто Фрейзингенский*, VI, 15. Кстати, в рукописи А вся гл. 6 отсутствует.
- ¹⁹ Скорее, следовало бы сказать «Незадолго до того». Поскольку битва при Бренте состоялась в 899 г. (за 7 лет до казни Адальберта в 906 г.).
- ²⁰ В конце февраля – начале марта 899 г.
- ²¹ Под Италией в эпоху Каролингов понималась только Верхняя Италия, т. е. долина р. По.
- ²² *Персий*, 3, 118: non sani esse hominis non sanus iuret Orestes.
- ²³ *Теренций*, Формион, 547: ut nullus locus relinquitur precī.
- ²⁴ *Овидий*, Фасты, V, 674: si juvat expertis credere, «опыту их, если угодно, поверь».
- ²⁵ *Кассиодор*, Hist. Tripart. VI, 46.
- ²⁶ Дата битвы при Бренте – 24 сентября 899 г. (а не весна, как у Лиутпранда).
- ²⁷ *Иеремия*, 5, 15–18.
- ²⁸ 24 сент. 911 г.
- ²⁹ Конрад I (р. 881 г. ум. 918 г. 23 декабря) – король Германии в 911–918 гг. Сын Конрада Старшего, маркграфа Сорбской марки (ум. 906 г.), и Глисмуты (ум. 924 г.), дочери Арнульфа, короля Германии (т. е. сестры Людовика IV Дитя).
- ³⁰ Арнульф I Злой (р. между 885 и 890 гг. ум. 937 г. 14 июля) – герцог Баварии в 907–937 гг. из династии Лиутпольдингов. Сын баварского маркграфа Лиутпольда.
- ³¹ Бурхард II (р. ок. 884 г. ум. 926 г. 28 апр.) – герцог Швабии в 917–926 гг. Сын Бурхарда I и Лиутгарды Саксонской. Был женат (с 904 г.) на Реглинде, дочери Эберхарда, графа Цюлихгау.
- ³² Эберхард (р. 885 г. ум. 939 г. 2 окт.) – брат Конрада I, герцог Франконии с 918 г. Низложен Оттоном I за мятеж против его власти.
- ³³ Гизельберт (ум. 939 г. 2 окт.) – герцог Лотарингии (915–939 гг.). Сын Регинара I Длинная Шея, графа Геннегау. Погиб во время мятежа против Оттона I.
- ³⁴ Генрих I Птицелов (р. 876 г. ум. 936 г.) – первый король Германии из Саксонской династии. Сын Оттона Светлейшего, герцога Саксонии.
- ³⁵ Арнульф бежал в Венгрию в 917 г.
- ³⁶ Выражение *aura vitalis* встречается также у *Лукреция*, III, 577; V, 787; *Вергилия*, Энеида, I, 387.

- ³⁷ 23 декабря 918 г.
- ³⁸ *Гораций*, Оды, I, 4, 13.
- ³⁹ *Анналы Зальцбурга*: *Wawarii sponte se reddiderunt Arnolfo duci et regnare eum fecerunt in regno Teutonicorum*, «бавары добровольно вернулись к герцогу Арнульфу и сделали его правителем Тевтонского королевства».
- ⁴⁰ Тартар – нижняя часть преисподней – Аида.
- ⁴¹ Флегетон – одна из рек подземного мира.
- ⁴² *Бозций*, Утешение философией, II, 1, 3: *dudum tremendos saeva proterit reges*.
- ⁴³ *Псал.*, 8, 15.
- ⁴⁴ *Рим.*, 13, 1.
- ⁴⁵ *Эфес.*, 1, 4.
- ⁴⁶ В 921 г.
- ⁴⁷ Речь Генриха написана особым размером. Каждая строчка разбита на две части: первая представляет собой первую половину пентаметра, вторая – конец гекзаметра.
- ⁴⁸ Т. е. Карлом Великим.
- ⁴⁹ Стикс – одна из рек подземного мира.
- ⁵⁰ Имеется в виду Харон – перевозчик душ в подземном мире.
- ⁵¹ *Псал.*, 21, 26; 49, 14; 60, 9; 65, 13; 115, 14.
- ⁵² Симония – торговля церковными должностями и имуществом.
- ⁵³ То есть «Господи, помилуй!».
- ⁵⁴ *Вергилий*, Энеида, XII, 952: *vitaque cum gemitu fugit*, «и со стенанием жизнь улетает».
- ⁵⁵ Дата битвы у Мерзебурга – 15 марта 933 г. Еще один отряд венгров был разбит у Зондерсхаузена.
- ⁵⁶ Людовик III Слепой (р. 880 г. ум. 5 июня 928 г.) – король Ниж. Бургундии (890–928); король Италии (901–905) и император (с 6 февр. 901 г.). Сын короля Бозо и Ирмгарды, дочери императора Людовика II. Лиутпранд не упоминает о коронации его императором папой Бенедиктом IV.
- ⁵⁷ Адальберт I (ум. ок. 923 г.) – маркграф Ивреи (901–923 гг.). Сын графа Анскария.
- ⁵⁸ Гизела (р. ок. 880/885 г. ум. после 910 г.) – дочь Беренгара I, жена (ок. 899 г.) Адальберта I, маркграфа Ивреи.
- ⁵⁹ Т. е. Беренгар II (р. 900 г. ум. 966 г. 4 авг.) – король Италии в 950–963 гг. Сын Адальберта, маркграфа Ивреи, и Гизелы, дочери короля Беренгара I. Враг Лиутпранда.
- ⁶⁰ Адальберта II Богатого. О нем см. *Ant.* I, прим. 84.
- ⁶¹ О ней см. *Ant.* I, прим. 108.
- ⁶² Гуго (р. 880 г. ум. 948 г. 10 апр.) – граф Арля и Вьенны, маркграф Прованса; король Италии (926–947 гг.). Сын Тедвальда, графа Арльского, и Берты (см. прим. выше).
- ⁶³ Т. е. долину р. По.
- ⁶⁴ Совр. р. Эч.
- ⁶⁵ *Лука*, 6, 36–37.
- ⁶⁶ *Цицерон*, 1-я Речь против Катилины, I, 1.
- ⁶⁷ В августе 905 г.
- ⁶⁸ Еще в 904 г.
- ⁶⁹ См. *Ant.* I, 2–3.
- ⁷⁰ По-латыни: *Aquae* – воды. Совр. г. Аккуи на р. Бормиде, между Асти и Генуей.
- ⁷¹ Небольшая возвышенность на берегу моря, близ устья реки Гарильяно. Ныне – гора Монте д'Аргенто.
- ⁷² См. *Ant.* III, 25.
- ⁷³ *Псал.*, 32, 5; *1 Тимоф.*, 2, 4; *Эфес.*, 1, 4.
- ⁷⁴ *Псал.*, 15, 2.
- ⁷⁵ *Псал.*, 113, 10.
- ⁷⁶ Иоанн X (914 г. март – 928 г. дек.). В 905–914 гг. был архиепископом Равенны.
- ⁷⁷ Теодора I (ум. после 915 г.) – жена (ок. 900 г.) Феофилакта, маркграфа Тускула; пользовалась огромным влиянием в Риме. Носила титул *senatrix* («сенаторша»).
- ⁷⁸ Альберик II (р. ок. 911 г. ум. 954 г. 31 авг.) – сын Альберика I и Мароции; граф Фермо, маркграф Сполето, патриций Рима (с 932 г.). В 932 г. изгнал из Рима короля Гуго, после чего стал фактическим его правителем. В 936 г. женился на Альде, дочери короля Гуго, что не помешало ему по-прежнему быть врагом последнего.
- ⁷⁹ Мароция (р. ок. 890 г. ум. 936 г.) – старшая дочь Феофилакта Тускуланского и Теодоры Старшей. *Senatrix* Рима. Была замужем трижды: 1) за Альбериком I, маркграфом Сполето (ок. 910 г.); 2) за Видо, маркграфом Тосканы (925 г.); 3) за Гуго, королем Италии (932 г.). Ее дети: 1. Альберик II (от 1-го брака); 2. Берта; 3. Анскарий, марк-

- граф Сполето (ум. 940 г.); 4. Иоанн XI, папа римский (внебр. сын от папы Сергия III).
- ⁸⁰ Теодора II – 2-я дочь Феофилакта Тускуланского и Теодоры Старшей; *senatrix* Рима. Была замужем за Иоанном Кресценцием. Имела от него 2-х детей: Кресценция (ум. 984 г.) и Иоанна XIII (рим. папу в 965–972 гг.).
- ⁸¹ См. *Ant.* I, прим. 83.
- ⁸² Иоанн XI (ум. 936 г.) – римский папа в феврале 931 – дек. 935 гг. Сын Мароции.
- ⁸³ Альберик I (ум. ок. 920 г.) – граф Фермо, с 897 г. (?) – маркграф Сполето (после убийства Видо IV, брата короля Ламберта). В 916 г. – активный участник войны с сарацинами (битва при Гарильяно). После брака с Мароцией (ок. 910 г.) – фактически правил Римом.
- ⁸⁴ Петр был не архиепископом Равенны, а епископом Болоньи. В его церкви и служил дьяконом будущий папа Иоанн X.
- ⁸⁵ Глицерия – имя одной из девушек в произв. Теренция «Девушка с Андроса».
- ⁸⁶ Ландольф I (ум. 943 г.) – сын Атенульфа I, принца Капуи. Герцог Беневента (910–943 гг.).
- ⁸⁷ Т. е. византийскому (ромейскому) императору.
- ⁸⁸ Умер в 915 г. (до 8 дек.). Похоронен в Лукке.
- ⁸⁹ Видо (р. 896 г. ум. 929 г.) – маркграф Тосканы и герцог Лукки (915–929 гг.). Был женат на Мароции. Имел сына – Анскария, маркграфа Сполето и Камерино (в 937–940 гг.).
- ⁹⁰ Ламберт (р. 897 г. ум. 958 г.) – маркграф Тосканы и герцог Лукки (929–932 гг.). Был схвачен и ослеплен своим братом Гуго, королем Италии.
- ⁹¹ Ирмгарда (р. 901 г. ум. 931 г. 29 февр.) – дочь Адальберта II Богатого и Берты Лотарингской. Замужем (ок. 915 г.) за Адальбертом, маркграфом Ивреи.
- ⁹² См. *Ant.* IV, 8, и V, 4.
- ⁹³ Одельрик (ум. 921 г.) – с 910 г. – вассал Беренгара I, с 916 г. – маркграф (Фриули?) и пфальцграф.
- ⁹⁴ Гизельберт (ум. 929 г.) – граф Бергамо с 923 г., пфальцграф кор. Гуго (926 и 927 гг.).
- ⁹⁵ Ламберт (ум. 931 г. 20 июня) – архиепископ Милана в 921–931 гг.
- ⁹⁶ Павонарии – смотрители павлинов.
- ⁹⁷ Теренций, Братья, 372.
- ⁹⁸ Рудольф II (ум. 937 г. 11 июля) – король Верхней Бургундии (912–936 гг.) и Италии (922–926 гг.). Сын Рудольфа I и Виллы Нижнебургундской.
- ⁹⁹ Свадьба состоялась на Рождество 921 г. или на Богоявление 922 г. Берта (р. ок. 907 г. ум. 961 г. 2 янв.) – дочь Бурхарда, герцога Швабии.
- ¹⁰⁰ Сражение у Вероны произошло в 921 г.
- ¹⁰¹ Замок Кальцинат.
- ¹⁰² Теренций, Евнух, 432.
- ¹⁰³ *Рим.*, 12, 17.
- ¹⁰⁴ *Рим.*, 14, 12.
- ¹⁰⁵ *Конст. Багр.* Об управлении империей, гл. 26.
- ¹⁰⁶ Дата сражения у Флорентиола (Фьоренцуолы) – 17 июля 923 г.
- ¹⁰⁷ О нем см. *Ant.* I, прим. 71.
- ¹⁰⁸ Вероятно, был виконтом Новары, вассалом маркграфа Ивреи Адальберта I.
- ¹⁰⁹ Фламберт – вассал графа Ингельфреда Веронского (913 и 918 гг.). Упомянут также у *Конст. Багр.* (Об упр. имп., гл. 26).
- ¹¹⁰ *Иоанн.* 13, 27.
- ¹¹¹ Беренгар I был убит 7 апреля 924 г.

Комментарии к Третьей книге «Антаподосиса»:

- ¹ Т. е. епископ Рецемунд.
- ² Т. е. Беренгара II, короля Италии.
- ³ Вилла (р. ок. 915 г.) – дочь Бозо, маркграфа Тосканы. Жена Беренгара II с 931 г.
- ⁴ Иезавель – жена Ахава, царя Израиля, дочь жреца Астарты. Была фанатически предана идолопоклонству и жестоко преследовала пророков. Символ несчастья.

- ⁵ Ламия – согласно верованиям древних греков, страшное мифическое существо, вампир, пожирающий юношей и детей.
- ⁶ Паксу – один из Ионических островов.
- ⁷ Смерть Беренгара (ум. 7 апреля 924 г.), дату которой Лиутпранд, очевидно, не знал, ошибочно указана им перед пожаром Павии.
- ⁸ Эол – бог ветров в древнегреческой мифологии.
- ⁹ *Псал.*, 76, 8–10.
- ¹⁰ *Аввакум*, 3, 2.
- ¹¹ *Псал.*, 76, 11.
- ¹² В 452 г.
- ¹³ Атила (ум. 453 г.) – король гуннов в 434–453 гг. При нем гуннский союз племен достиг наивысшего могущества.
- ¹⁴ Неверное указание. Венгры из Верхней Италии ушли в Прованс и там, к западу от Роны были уничтожены.
- ¹⁵ Последний раз Адальберт упомянут в Туринской грамоте от 28 февр. 929 г. Об Ирмгарде см. *Ant.* II, прим. 91.
- ¹⁶ *Вергилий*, Георгики, I, 482.
- ¹⁷ *Вергилий*, Энеида, VIII, 77.
- ¹⁸ О нем см. *Ant.* II, прим. 62.
- ¹⁹ О нем см. *Ant.* II, прим. 31.
- ²⁰ *Иов*, 14, 5.
- ²¹ *Псал.*, 32, 17.
- ²² *Вергилий*, Энеида, X, 179.
- ²³ См. *Ant.* II, 55.
- ²⁴ Губерт наследовал Бозо в конце 936 г. Позже он стал пфальцграфом и герцогом Сполето и маркграфом Камерино. Умер между 967 и 970 гг. Был верным сторонником Оттона I.
- ²⁵ Лиутпранд более о нем не упоминает.
- ²⁶ Генриха I Птицелова, короля Германии.
- ²⁷ См. *Ant.* III, 48; *Видукинд*, I, 40.
- ²⁸ Т. е. грекам.
- ²⁹ Роман I Лакапин (ум. 948 г. июль) – пришел к власти в 919 г. Император Византии в 921–944 гг.
- ³⁰ В 927 г.
- ³¹ Теристра – головной платок.
- ³² Роман происходил из самых низов общества. Его отец Феофилакт – армянский крестьянин – был в награду за услугу, оказанную Василию I, зачислен в императорскую гвардию. При Льве VI Роман служил на флоте, в 911 г. стал стратигом Самоса, а затем и друнгарием флота.
- ³³ *Гораций*, Оды, III, 3, 7–8.
- ³⁴ Лев VI умер 11 мая 912 г., а его брат и соправитель Александр – 6 июня 913 г. Константин VII (сын Льва VI) был коронован императором 9 июня 911 г.
- ³⁵ Паракимоменом в первые годы правления Константина VII был некий Константин, сторонник Льва Фоки. Роман, придя к власти, устранил его.
- ³⁶ Т. е. domestиком схол.
- ³⁷ Т. е. друнгарием флота.
- ³⁸ 25 марта 919 г. Роман во главе флота прибыл в Вукелеон и фактически стал хозяином положения.
- ³⁹ Т. е. Византийскую империю.
- ⁴⁰ *Вергилий*, Эклога III, 93: *latet anguis in herba*.
- ⁴¹ Роман Лакапин, упредив кандидата Зою Льва Фоку, сослал ее в монастырь, а в мае 919 г., выдав свою дочь Елену за Константина VII, стал таким образом василеопатором. 24 сент. 920 г. Роман был возведен в сан цезаря, а 17 дек. стал императором, соправителем Константина VII.
- ⁴² Имеются в виду поражения греков у Ахелоя (близ Анхиала) во Фракии 20 авг. 917 г. и у Катасирта (близ Константинополя). Но оба они произошли до прихода Романа к власти.
- ⁴³ *Гораций*, Оды, III, 4, 65–67.
- ⁴⁴ Баян или Вениамин. Петр был царем Болгарии с 927 по 969 г.
- ⁴⁵ В главах 31–34 Лиутпранд почти дословно повторяет содержание *Ant.* I, 6–10.
- ⁴⁶ В оригинале – «архонты».
- ⁴⁷ В оригинале – *principes*, то есть «князья, знать, первый люди в государстве».
- ⁴⁸ *Ювенал*, Сатиры, 5, 157.
- ⁴⁹ Свободное изложение *Псал.*, 144, 14; 145, 7; 74, 9.
- ⁵⁰ *1 Царств*, 2, 7–8.
- ⁵¹ У Романа было 4 сына (Христофор, Стефан, Константин и Феофилакт) и 4 дочери.

- Христофор был его старшим и самым любимым сыном. Роман собирался завещать ему императорскую власть, но Христофор умер в августе 931 г. Все сыновья Романа (кроме Христофора) родились между 912 и 917 гг. (так что Лиутпранд здесь несколько ошибается).
- ⁵² В 927 г.
- ⁵³ Оба упомянуты рядом друг с другом 10 ноября 915 г. и 14 мая 927 г.
- ⁵⁴ Катилина, Луций Сергий – претор 66 г. до н.э. В 63 г. до н.э. поднял мятеж, подавленный Цицероном.
- ⁵⁵ Цицерон, Марк Туллий (106–43 гг. до н.э.) – консул 63 г. до н.э.
- ⁵⁶ См. *Cic. ad fam.* II 7, 1.
- ⁵⁷ Свободно изложено по *Cic. ad fam.* II 12, 1.
- ⁵⁸ См. *Cic. ad fam.* II 7, 2.
- ⁵⁹ Тиресий – легендарный слепой прорицатель; сын Эвера и нимфы Харикло. Юношей Тиресий увидел 2-х змей и убил одну из них, оказавшуюся самкой. Боги, в наказание, превратили его в женщину. Через 7 лет Тиресий убил змею-самца и к нему вернулся его прежний пол. По милости Персефоны Тиресий и в Аиде сохранил разум и способность предвидеть будущее.
- ⁶⁰ Ильдуин (ум. 936 г.) – архиеп. Милана в 931–936 гг.
- ⁶¹ Ламберт умер 20 июня 931 г.
- ⁶² См. *Ant.* II, 73.
- ⁶³ После папы Иоанна X (914–928) правили Лев VI (в мае – дек. 928 г.) и Стефан VII (928–931). Только в марте 931 г. папой стал Иоанн XI (сын Мароции).
- ⁶⁴ *Марк*, 6, 18.
- ⁶⁵ *Втор.*, 25, 5.
- ⁶⁶ *Ювенал*, Сатиры, 6, 300.
- ⁶⁷ Имеется в виду мавзолей Адриана, построенный в средние века в замок св. Ангела.
- ⁶⁸ См. *Ant.* II, прим. 78 и 83.
- ⁶⁹ То есть, король Гуго.
- ⁷⁰ Подобная этимология слова «бургунды» встречается только у Лиутпранда. Происхождение названия от слова «бург» дается, правда, и у Павла Орозия в его «Истории против язычников» (VII, 32, 12), но в ином смысле.
- ⁷¹ В оригинале: *Burgundiones* (бургунды) – *gurguliones* («горланы»).
- ⁷² Мароция была удержана ее сыном под арестом. Видимо, вскоре она умерла (между 932 и 937 гг.), ибо 12 дек. 937 г. Гуго женился на Берте, вдове короля Рудольфа (см. *Ant.* IV, 13).
- ⁷³ Их (т.е. Гуго и Бозо) отцом был Тедвальд, граф Арля, сын убитого в 864 г. Хукберта, аббата Св. Маврикия.
- ⁷⁴ *Псал.*, 118, 137.
- ⁷⁵ *Псал.*, 91, 16.
- ⁷⁶ В 931 г. Уже в грамоте от 17 окт. 931 г. Гуго называет своего брата Бозо «нашим любимейшим братом и славнейшим маркграфом».
- ⁷⁷ В 933 г. Рудольф стал таким образом королем объединенного Бургундского королевства.
- ⁷⁸ Т.е. в Лотарингии.
- ⁷⁹ См. *Ant.* II, 18, 21–23.
- ⁸⁰ На территории Южного Тироля.

Комментарии к Четвертой книге «Антаподосиса»:

- ¹ Лотарь (р. 926/28 г. ум. 950 г. 22 ноября) – сын короля Гуго от Альды. Король Италии в 948–950 гг. Женат (947 г.) на Адельгейде, дочери Рудольфа II, короля Бургундии (см. ниже). Их дочь – Эмма (948–988) стала женой Лотаря, короля Франции.
- ² Альда – из рода тевтонских франков. Жена короля Гуго с 924 г.
- ³ Альда (р. 925 г. ум. 954 г.) – дочь короля Гуго от Альды. Жена Альберика II с 936 г.
- ⁴ О них см. *Ant.* II, прим. 70.
- ⁵ Он был племянником Гуго, сыном его сестры Теутберги.
- ⁶ «Отдал в пищу (на съедение)». Ветхозаветная фраза, см. *Псал.*, 68, 22; *Иезек.*, 15, 4.
- ⁷ *Исидор*, «Начала», VII, 6, 73.

- ⁸ Лука, 4, 10–11.
- ⁹ Левиафан – библейское морское чудовище, враждебное Богу (Яхве).
- ¹⁰ Лука, 4, 12.
- ¹¹ Матфей, 10, 9.
- ¹² Марк, 10, 25.
- ¹³ Лука, 14, 33.
- ¹⁴ Деяния апостолов, 4, 34–35.
- ¹⁵ Иоанн, 21, 18–19.
- ¹⁶ О нем см. *Ant.* II, прим. 59.
- ¹⁷ О ней см. *Ant.* III, прим. 3.
- ¹⁸ Тедвальд I (ум. 936 г.) – племянник Альберика I. Маркграф Камерино и Сполето в 928–936 гг.
- ¹⁹ Император Роман I предпринял в 935 г. поход против Ландольфа I, герцога Беневента, и ряда других князей Южной Италии.
- ²⁰ Дистихи Катона, II, 18.
- ²¹ Вергилий, Энеида, III, 620.
- ²² В 936 г.
- ²³ Свободное изложение по Теренцию («Девушка с Андроса», 487).
- ²⁴ Вергилий, Эклога X, 22.
- ²⁵ В июле 937 г.
- ²⁶ См. *Ant.* IV, прим. 2.
- ²⁷ Адельгейда (р. 932 г. ум. 999 г. 17 дек.) – дочь Рудольфа II, короля Бургундии. С 947 г. – жена Лотаря, короля Италии; с 951 г. – жена Оттона I Великого.
- ²⁸ Бозо (ум. 949/951 г.) в первый раз был упомянут, как епископ и эрцканцлер короля, 26 марта 941 г.
- ²⁹ См. *Ant.* III, 41.
- ³⁰ 2 июля 936 г.
- ³¹ У Лиутпранда ошибочно – *Himenleve*.
- ³² Матильда (р. ок. 896 г. ум. 968 г. 14 марта) – дочь Дитриха фон Рингельхейма и Рейнхильды, дочери норманна Готфрида. С 909 г. – жена Генриха I.
- ³³ Рим, 12, 1.
- ³⁴ Генрих Баварский (р. ок. 922 г. ум. 955 г. 1 нояб.) – 2-й сын Генриха I; герцог Баварии
- ³⁵ 1 ноября 955 г.
- ³⁶ Бруно (р. ок. 925 г. ум. 965 г. 11 окт.) – 3-й сын Генриха I; архиепископ Кёльнский и герцог Лотарингии.
- ³⁷ Ательстан (ум. 940 г. 27 окт.) – король Англии в 924–940 гг. Сын Эдуарда Старшего. То есть Отгифа была его сестрой, а не племянницей.
- ³⁸ Отгифа (Эдит) (ум. 946 г. 26 янв.) – дочь короля Англии Эдуарда Старшего. Жена Оттона I с 927 или 929 г. Умерла в 946 г.
- ³⁹ Лиудольф (930–957 гг.) – старший сын Оттона I. В 949–954 гг. – герцог Швабии.
- ⁴⁰ 6 сент. 957 г.
- ⁴¹ Вергилий, Георгики, I, 37.
- ⁴² Псал., 8, 15.
- ⁴³ О Левиафане см. прим. 9. Бегемот – один из демонов.
- ⁴⁴ Эреб (греч. – «мрак») – олицетворение вечного мрака. Лиутпранд имеет в виду Ад.
- ⁴⁵ Эберхард (р. 885 г. ум. 939 г. 2 окт.) – брат Конрада I. Герцог Франконии в 918–939 гг.
- ⁴⁶ Вегезий Ренат, III, 22.
- ⁴⁷ Генрих был схвачен Танкмаром в Белеке и выдан Эберхарду.
- ⁴⁸ Гизельберт был женат (с 928/9 г.) на Герберге, сестре Оттона I.
- ⁴⁹ Герман I (ум. 949 г. 10 дек.) – герцог Швабии в 926–949 гг. Сын Gebхарда II Юного, герцога Лотарингии, и Иды из рода Эццо.
- ⁵⁰ Удо I (ум. 949 г.) – граф в Рейнгау и Веттерау, из рода Конрадинов. Брат герцога Германа Швабского; двоюродный брат короля Конрада I и герцога Эберхарда.
- ⁵¹ Конрад Мудрый (Курцбольд) (ум. 948 г. 30 июня) – граф Нидерлангау; двоюродный брат Германа и Удо.
- ⁵² Псал., 26, 12.
- ⁵³ Псал., 32, 17.
- ⁵⁴ 2 Кор., 5, 1.
- ⁵⁵ Исход, 17, 8–13.
- ⁵⁶ Иаков, 5, 16.
- ⁵⁷ См. *Ant.* IV, прим. 36.
- ⁵⁸ См. *Ant.* III, 41.
- ⁵⁹ В целом описание не соответствует тому копыю, которое хранится в сокровищнице Хофбурга в Вене, и его копии в Кракове.
- ⁶⁰ Свободное изложение текста Луки (23, 12).
- ⁶¹ В начале ноября 926 г. состоялась встреча Генриха I и Рудольфа II на сейме в Вормсе. Рудольф II признал себя вассалом Генри-

- ха I, а тот, в свою очередь, уступал ему область между Ааре, Юрой и Рейсем. Сюда же входила и южная часть Эльзаса с Базелем.
- ⁶² 1 Царств, 16, 7; Притчи, 24, 12.
- ⁶³ Лиутпранд более к этому не возвращался.
- ⁶⁴ Иоанн, 13, 23–25.
- ⁶⁵ Лука, 18, 31–33.
- ⁶⁶ Псал., 73, 12.
- ⁶⁷ Иоанн, 20, 27.
- ⁶⁸ Бытие, 22, 12.
- ⁶⁹ Лука, 22, 33–34.
- ⁷⁰ Иоанн, 21, 17.
- ⁷¹ Фридрих (р. ок. 905 г. ум. 954 г. 25 окт.) – 10-й архиеп. Майнцский в 937–954 гг.
- ⁷² 1 Макк., 9, 10.
- ⁷³ Рим., 13, 2.
- ⁷⁴ Кор., 10, 4.
- ⁷⁵ Деяния апостолов, 5, 29.
- ⁷⁶ Матфей, 7, 6.
- ⁷⁷ Псал., 80, 14 – 15.
- ⁷⁸ 2 октября 939 г.
- ⁷⁹ Вергилий, Энеида, II, 303: *arrectis auribus*.
- ⁸⁰ Теренций, Самоистяз., 240: *dum comantur, annus est* («покуда с места тронутся, уж год прошел»).
- ⁸¹ Бертольд (ум. 947 г. 23 нояб.) – младший сын Лиутпольда, маркграфа Баварии, брат герцога Арнульфа. Герцог Баварии в 938–947 гг. (до этого, с 926 г. – герцог в Каринтии). Несмотря на верность Бертольда королю, его сын Генрих (III) был лишен Оттоном I возможности наследовать отцу в Баварии (стал герцогом Каринтии, и лишь ненадолго в 983–985 гг. – герцогом Баварии).
- ⁸² Бертольд женился на Билетруде. Правда, неизвестно в точности, была ли она дочерью Гизельберта. А Герберга, его вдова и сестра Оттона I, вторично вышла замуж за Людовика IV Заморского (ум. 954 г.), короля Франции.
- ⁸³ Согласно Видукинду (II, 25) местом его ссылки был Гамбург, а согласно продолжателю Регино – Фульда.
- ⁸⁴ Цицерон, I речь против Катилины, 5.
- ⁸⁵ Сюда он был сослан после неудачи своего второго мятежа в 941 г.

Комментарии к Пятой книге «Антаподосиса»:

- ¹ Ида (ум. 986 г. 17 мая) – дочь Германа I, герцога Швабии, и Регилинды. С 947 г. – жена Лиудольфа (помолвка в 939/940 г.).
- ² Рамиро (ум. 951 г.) – сын Ордоньо II. Король Леона и Галисии в 931–951 гг. Разбил войска Абдуррахмана III в 938/9 г. в битве при Симанке.
- ³ См. *Ant.* III, 33 и 56; IV, 8.
- ⁴ В 936 г.
- ⁵ Анскарий (ум. 940 г.) был маркграфом Сполето и Камерино в 936–940 гг.
- ⁶ Сарлион (ум. 943 г.) – маркграф Сполето и Камерино в 940–943 гг.
- ⁷ *Иез.*, 36, 6.
- ⁸ Упомянутые здесь персонажи (Хремет, Фаида и пр.) – герои пьесы Теренция «Евнух» (см. *Тер.* «Евнух», 761 и пр., 775, 781).
- ⁹ Маны – души умерших, покровительствовавшие своему роду.
- ¹⁰ Коцит – река загробного мира.
- ¹¹ *Ювенал.* Сатиры, 2, 150.
- ¹² Совр. Большой Сен-Бернар.
- ¹³ Совр. Сан-Бернардино (Фогельберг) у истоков Заднего Рейна.
- ¹⁴ Роман I Лакапин. О нем см. *Ant.* III, прим. 29.
- ¹⁵ Имеется в виду Роман II, сын Константина VII Порфирогенета.
- ¹⁶ Т.е. речь идет о Константине VII Порфирогенете.
- ¹⁷ Речь идет о Берте, дочери Гуго от наложницы Пецолы.
- ¹⁸ У Лиутпранда – Ингер. Речь идет о киевском князе Игоре Рюриковиче (912–945 гг.).
- ¹⁹ *Псал.*, 68, 29.
- ²⁰ 3 Царств, 20, 42.
- ²¹ Т.е. Одиссею.

- ²² Вергилий, Энеида, IV, 174–175.
- ²³ Берта (Евдокия) (ум. 949 г.) – дочь короля Гуго от наложницы Пецолы. С 944 г. – жена императора Романа II.
- ²⁴ На остров Прот, где Роман и умер 15 июня 948 г. Государственный переворот произошел 16 дек. 944 г.
- ²⁵ Цуканистрий – ипподром для игры в мяч в Большом дворце.
- ²⁶ *Cic. ad Fam.* 6, 5.
- ²⁷ Стефан и Константин были низложены 27 января 945 г.
- ²⁸ Ювенал, Сатиры, 5, 50.
- ²⁹ Виншгау – округ в Южном Тироле с городами Боцен (Больцано), Бриксен и Меран.
- ³⁰ Замок близ Больцано. С 1473 г. (после того, как эрцгерцог Сигизмунд почти полностью его перестроил) носит название Зигмундскрон.
- ³¹ См. *Ant.* V, прим. 22.
- ³² Видо был эрцканцлером Беренгара, а затем и Оттона I (с 962 г.). От последнего он и получил названное аббатство. Нонантула – аббатство в 2-х милях от Модены.
- ³³ Виньола – городок близ Модены.
- ³⁴ Ардерик Котта (ум. 948 г. 13 окт.) – архиепископ Милана в 936–948 гг.
- ³⁵ Лиутпранд говорит о богобоязненности Беренгара с иронией.
- ³⁶ Антоний, епископ Брешии, в последний раз упомянут в 969 г.
- ³⁷ Аделард впервые упоминается, как епископ Реджо, 19 мая 946 г.
- ³⁸ Лиутпранд так и не рассказал об этом.
- ³⁹ *Иов*, 39, 13; 14.
- ⁴⁰ Раймунд (ум. 961/65 г.) – маркграф Септимании.
- ⁴¹ 10 апреля 947 г.
- ⁴² Берта (ум. 965 г. 18 авг.) была не вдовой, а дочерью Бозо.
- ⁴³ Теренций, Евнух, 566.
- ⁴⁴ *Матфей*, 10, 26.
- ⁴⁵ Ювенал, 6, 43.
- ⁴⁶ Приап – сын Диониса (иногда Адониса или Гермеса) и нимфы Хионы (иногда Афродиты). Почитался в качестве бога чувственных наслаждений. Иносказательно Приап означает сладострастие.

Комментарии к Шестой книге «Антаподосиса»:

- ¹ *Псал.*, 22, 5.
- ² *Рим.*, 5, 3–5.
- ³ То есть к Берте, дочери короля Гуго и жене его сына Романа II. См. *Ant.* V, 20.
- ⁴ См. *Ant.* V, 28.
- ⁵ То есть, по реке По.
- ⁶ Китонит – стражник императорской опочивальни.
- ⁷ Дигамма («двойная гамма») – древнегреческая буква «F», соответствующая латинской «V».
- ⁸ Магнавра – палата Большого дворца. Построена Константином Великим, позже восстановлена Львом VI (886–912 гг.); часто служила местом официальных приемов. тагна – «великая», аига – «золотая».
- ⁹ Теренций, Евнух, 214.
- ¹⁰ Хорезм – государство на южном берегу Аральского моря.
- ¹¹ Более известен, как «доместик схол».

Комментарии к «КНИГЕ ОБ ОТТОНЕ»

- ¹ Иоанн XII (Октавиан, граф Тускуланский; ум. 964 г. 14 мая) – римский папа с 16 дек. 955 г. по 4 дек. 963 г. Сын Альберика II, римского принцепса.
- ² *Фил.*, 2, 21.
- ³ Т. е. Оттона II. Он был коронован 25 мая 961 г. в Ахене.
- ⁴ Намек на *Иез.*, 34, 16.

- ⁵ Вероятно, именно тогда Лиутпранд и получил епископство Кремону.
- ⁶ 2 февраля 962 г.
- ⁷ Благодаря «Привилегии Оттона» (см. MG Const. I, 23).
- ⁸ Данное предложение переведено по смыслу. В оригинале говорится, что именно Оттон боялся Адальберта, и бежал от него во Фраксинет, что, конечно, лишено смысла.
- ⁹ Ср. *Матфей*, 16, 23.
- ¹⁰ *Гораций*, Письма, II, 1, 2.
- ¹¹ Термин *amita* (тетка) здесь следует понимать скорее, как возлюбленная.
- ¹² Т. е. при совершении аборта.
- ¹³ *Ювенал*, Сатиры, 6, 350.
- ¹⁴ *Гораций*, Эподы, 4, 1.
- ¹⁵ *Теренций*, Девушка с Андроса, 562.
- ¹⁶ *Псал.*, 76, 11.
- ¹⁷ Монтефельтро – городок к западу от Сан-Марино.
- ¹⁸ *Эфес.*, 4, 13.
- ¹⁹ Лев VIII – римский папа с 6 дек. 963 г. по март 965 г.
- ²⁰ См. MG Const. I, 21.
- ²¹ *Бозций*, Утешение философией, I, 6.
- ²² 3 ноября 963 г.
- ²³ Гримальд, еп. Пизы; Сихелин, еп. Флоренции; Иоанн, еп. Пистойи; имена епископов Сиены и Сполето неизвестны.
- ²⁴ Форум Клюдии – совр. Сан-Либрато к западу от Лаго ди Браччиано. Позднее епископский престол был перенесен в Монтерано (Мантурианум).
- ²⁵ Имена этих епископов неизвестны, также как и имя епископа Треви.
- ²⁶ *Матфей*, 7, 15.
- ²⁷ *Иов*, 21, 14.
- ²⁸ В латинском оригинале: *ut non habeatis licentiam nullum ordinare et missam celebrare*. Папа допустил здесь грамматическую ошибку, на что не преминули обратить внимание заседавшие на синоде епископы (см. ниже). Он поставил в своем тексте два отрицания: *non* и *nullum*, как то говорится, например, в русском языке («не избирать никого»). В латыни же два отрицания дают в итоге утверждение, как то и было сказано на синоде противниками папы.
- ²⁹ *Матфей*, 18, 18.
- ³⁰ *Ювенал*, Сатиры, 4, 2.
- ³¹ 6 дек. 963 г.
- ³² 3 янв. 964 г.
- ³³ Лиутпранд умалчивает о синоде 26–28 февр. 964 г., на котором папа Иоанн XII объявил решение предыдущего синода недействительным.
- ³⁴ 14 мая 964 г.
- ³⁵ 23 июня 964 г.
- ³⁶ Архиепископ Адальдаг увез его с собой в Гамбург, где Бенедикт V и умер 4 июля 965 г. Оттон III велел доставить его останки в Рим (см. *Титмар*, IV, 62).

Комментарии к «ОТЧЕТУ О ПОСОЛЬСТВЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ»

- ¹ Здесь и далее на протяжении всего текста Лиутпранд обращается к обоим Оттонам, отцу и сыну.
- ² О дипломатическом обычае отправлять во время посольства отчеты о текущих событиях см. *Menzel V. Deutsches Gesandtschaftswesen im Mittelalter.* – Hannover, 1892. S. 60.
- ³ Вероятно так называемый *Ξενοδοχείον τῶν Ῥωμίων* и *Παλάτιον ἐν τῷ Ταύρῳ*, совр. Эски-Серай.
- ⁴ В латинском тексте пропуск: «*homo scilii... orum custos*». Вероятно, речь идет о командире набранного из сицилийцев отряда. Имя стража (Михаил) указано в *Leg* 65.
- ⁵ *Исаия*, 30, 28.
- ⁶ Золотые Ворота находились в гавани у церкви Акакия. Ныне – Синтан-Капу.
- ⁷ Об этом ливне подробно сообщает *Лев Дьякон* (История, IV, 9).
- ⁸ Никифор II Фока (р. ок. 912 г. ум. 969 г. 11 дек.) – император в 963–969 гг. Отвоевал о. Крит, Кипр, ряд крепостей. Впервые

- обеспечил господство Византии в Восточном Средиземноморье. Основной армии сделал тяжелую кавалерию катафрактов. Заговор против Никифора возглавила императрица Феофано, которая провела в спальню Иоанна I Цимисхия, убившего Фоку и ставшего новым императором. На надгробии Никифора были высечены слова: «Ты покорил все, кроме женщины».
- ⁹ См. *Leg.* 57.
- ¹⁰ Куропалат – один из первых по значению титулов в византийской иерархии. Обычно жаловался ближайшим родственникам императора и высокопоставленным иностранцам. Логофет дрома – начальник приказа внешних сношений и государственной почты. Лев Фока занимал обе эти должности, а также должность магистра.
- ¹¹ Об аналогичном споре между Людовиком II и Василием I см. *Салернская хроника*, 107.
- ¹² *Исайя*, 36, 6.
- ¹³ Местонахождение неизвестно.
- ¹⁴ *Ювенал*, Сатиры, V, 53–54.
- ¹⁵ *Цицерон*, Об ораторах, I, 54, 231.
- ¹⁶ То есть пасынки императора Никифора, сыновья Романа II – Василий II и Константин VIII. В 976 г. стали править самостоятельно.
- ¹⁷ В начале 967 г. См. *Продол. Регино*, 967 г.
- ¹⁸ *Исайя*, 3, 4. Имеется в виду Иоанн XI.
- ¹⁹ *Leg.* 17; *Ant.* III, 45.
- ²⁰ *Иеремия*, 6, 22.
- ²¹ На рейхстаге в Аугсбурге в 952 г. См. *Видукинд*, III, 11; *Продол. Регино*, 952 г.
- ²² По имени Гримицо. См. *Leg.*, 29.
- ²³ Взяв в 871 г. Бари, которым в 876 г. после смерти Людовика II овладели греки.
- ²⁴ Тот самый Ландульф, который изгнал сарацин из Гарильяно в 915 г. (см. *Ant.* II, 51–52; IV, 9). Он, согласно сообщению *Кедрина* (История, II, 355), подчинился в результате похода патрикия Козьмы императору Роману I. Константин Багрянородный относит итальянский поход Козьмы к 935 г. (см. *Конст. Багр.* О церемониях византийского двора, II, 44; Об управлении империей, 51–52).
- ²⁵ Об этом союзе см. *Ant.* III, 22–24; *Конст. Багр.* О церемониях византийского двора, II, 44.
- ²⁶ То есть между будущим императором Романом II (сыном Константина Багрянородного и дочери Романа I Лакапина) и Бертой, незаконнорожденной дочерью короля Гуго. См. *Ant.* V, 14; 20.
- ²⁷ Относительно вопроса – была ли Феофано, в последующем супруга Оттона II, названной здесь Лиутпрандом дочерью Романа II и императрицы Феофано, см. *Moltmann, Theophanu, Gemahlin Kaisers Ottos II in ihrer Bedeutung für die Politik Ottos I und Ottos II*, Diss. Göttingen, 1878; *Uhlritz, Über die Herkunft der Theophanu, Gemahlin Kaisers Ottos II*, *Byzantinische Zeitschrift* IV, 1895. S. 477.
- ²⁸ Содержание сделанного Никифору предложения Лиутпранд сознательно опускает.
- ²⁹ *Руфь*, 1, 17.
- ³⁰ В начале 968 г. Оттон I прекратил длившуюся целый месяц осаду Бари.
- ³¹ Торжественное церковное шествие по большим праздникам.
- ³² Путь от дворца до св. Софии подробно описан в работе *Ebersolt J. Sainte-Sophie de Constantinople*. – Paris, 1910.
- ³³ О месте, с которого Лиутпранд наблюдал за процессией, см. *Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des ceremonies*. – Paris, 1910. S. 32.
- ³⁴ Позднее Отто Фрейзингенский применил в своей «Хронике» подобный эпитет по отношению к Оттону II.
- ³⁵ Сильван – мифический бог лесов и полей.
- ³⁶ Ср. *Ant.* V, 32.
- ³⁷ В латинском тексте – «эру».
- ³⁸ *Фил.*, 3, 19.
- ³⁹ То есть Бари, город в Апулии, принадлежавший Византии, который Оттон I осадил в начале 968 г., но не смог взять. См. *Leg.* прим. 30.
- ⁴⁰ Гаргара – город у южной оконечности горы Иды в Троаде.
- ⁴¹ *Овидий*, Наука любви, I, 57 и 59.

- ⁴² Иордан, Romana, 87–90.
- ⁴³ В тексте Salus – богиня здоровья и благополучия.
- ⁴⁴ Теренций, Братя, 762–763.
- ⁴⁵ Теренций, Евнух, 1055.
- ⁴⁶ Паракимомен – главный спальничий, титул, жалуемый обычно евнухам.
- ⁴⁷ Протасикрит – начальник императорской канцелярии.
- ⁴⁸ Протовестиарий – начальник императорской гардеробной, должность, резервированная для евнухов.
- ⁴⁹ Магистр – один из высших титулов табели о рангах, как правило, не связанный с выполнением определенных функций.
- ⁵⁰ Браки между представителями императорского дома и варварскими князьями считались недопустимыми. Исключение, согласно Константину Багрянородному, можно было делать только для франкских императоров, ввиду древности и благородства их рода.
- ⁵¹ Очевидно, Лиутпранд имел в виду князей Чехии и Польши.
- ⁵² См. Ant., III, 38. Прим. 51.
- ⁵³ О подарках Константина см. Zeumer. Sonderabdruck aus Festgabe f. Rud. v. Geist. 1888, S. 55 f.
- ⁵⁴ Т. е. папе римскому. «Константинов дар», о котором, собственно, идет речь, был разоблачен как более поздняя подделка гуманистом Лоренцо Валлой в XV в. Константин якобы пожаловал папе Сильвестру I огромные земельные владения (Патримониум св. Петра) в Италии и прочих частях Западной Римской империи.
- ⁵⁵ Апокал., 22, 12.
- ⁵⁶ 29 июня.
- ⁵⁷ Об обычае венгров брить голову см. Регино, 889 г.: «Венгры наголо сбрасывают мечом волосы с головы»; а также Письмо Титмара, архиепископа Зальцбургского, и подчиненных ему епископов к папе Иоанну IX от 900 г.: «Они (т. е. славяне) начисто обривают головы своих псевдохристиан по их (т. е. венгров) обычаю».
- ⁵⁸ Катехумен – новообращенный в христианство.
- ⁵⁹ Деяния апостолов, 5, 41.
- ⁶⁰ См. Leg. 16; Ant., III, 38. Konst. Багр. (Об управлении империей, гл. 13) крайне неодобрительно относился к этому браку и союзу с болгарами.
- ⁶¹ Полиевкт – патриарх константинопольский с 3 апр. 956 г. по янв. 970 г.
- ⁶² Патриарх имел в виду собор, проведенный в 794 г. во Франкфурте, который отверг постановления VII Никейского собора 787 г. о почитании икон.
- ⁶³ Псевдо-Августин, Речи, 301, 5.
- ⁶⁴ Григорий I Великий, который был назван так по написанному им в 593–594 гг. сочинению: «Четыре книги диалогов о жизни и чудесах италийских отцов, а также о вечности душ».
- ⁶⁵ Евтихий – патриарх константинопольский в 552–565 гг. и 577–582 гг.
- ⁶⁶ Папой Гормиздом в 515 г., а затем вторично в 517 г. Эннодий был епископом Павии в 514–521 гг.
- ⁶⁷ Павел Дьякон, Римская история, XVI, 5. Правда, там говорится о неудаче посольства.
- ⁶⁸ О вере и делах см. Иаков, 2, 14; 17; 18; 20; 22; 26.
- ⁶⁹ Т. е. «Мама! Мама!».
- ⁷⁰ «Бедняга и страдалец».
- ⁷¹ «Львы» образовывали дворцовую лейб-гвардию. Она состояла из сильных мужчин огромной физической силы, которые в любое время были готовы защитить достоинство и истину сказанных их господами слов в поединке. См. Leg. 6, где Лиутпранд называет их просто «воинами».
- ⁷² На северном берегу Золотого Рога.
- ⁷³ Имеется в виду посольство венецианца Доминика в 967 г. См. Продол. Регино, 967 г.; Leg. 31.
- ⁷⁴ Фемы – военно-административные округа в Византии VII–XII вв., во главе которых стояли стратиги, располагавшие судебной, фискальной и военной властью. Фемы представляли государству ополчение стратиотов.

- ⁷⁵ Платон, Государство, X, 617.
- ⁷⁶ Пандульф Железная Голова, князь Капуи, и его брат Ландульф, князь Беневента, были подчинены в начале 967 г. Оттоном I.
- ⁷⁷ В греческом языке не было понятия, соответствующего франкскому понятию «вассал». Поэтому Лиутпранд переводит как «раб» употребленное Никифором слово «доблос».
- ⁷⁸ Варда Фока, которому Никифор II пожаловал титул кесаря, когда овладел престолом. Лев Дьякон (История, V, 5) сообщает, что он умер в 969 г. в возрасте 90 лет. См. *Продолжатель Феофана, О Конст. Багр.* гл. 41.
- ⁷⁹ Ювенал (Сатиры, III, 86) называет греков «народом, более прочих умеющим льстить».
- ⁸⁰ В тексте лакуна.
- ⁸¹ Гомилия (греч. omilia – речь в собрании, беседа со многими) – древнейший (с апостольских времен) вид христианской храмовой проповеди. Позднее этим термином стали называть беседы пастырей на литургии, следовавшие непосредственно за прочтением Св. Писания и содержавшие обязательное истолкование прочитанных мест.
- ⁸² Т. е. провожатому. См. *Leg.* 1.
- ⁸³ Экипажи этих кораблей были укомплектованы воинами этих 2-х народов. См. *Schlumberger G. Un empereur byzantin au X siecle. Nicéphore Phocas.* – Paris, 1890. S. 634.
- ⁸⁴ Т. е. греческого.
- ⁸⁵ Т. е. Никифора.
- ⁸⁶ *Вергилий, Энеида, II, 65–66.*
- ⁸⁷ Шлюмберже по праву считает это указание недостоверным.
- ⁸⁸ Т. е. Адальберта.
- ⁸⁹ Т. е. Оттона I.
- ⁹⁰ Как полагает Шлюмберже, этот нигде более не упомянутый флот был направлен в Италию. Именно с ним пришлось бороться Оттону I после неудачного посольства Лиутпранда в Южной Италии.
- ⁹¹ См. *Leg.* 25; *Mystakidis J. Byzantinisch-deutsche Beziehungen zur Zeit der Ottonen.* – Tübingen, 1892. S. 23 f.; *Schlumberger.* S. 592 f.;
- Gau J. L'Italie meridionale et l'empire Byzantin depuis l'avenement de Basile I jusqu' a la prise de Bari par les Normands (867–1071) Bibl. des ecoles Francaises d'Athenes et de Rome fasc. XC.* – Paris, 1904. S. 302 f.
- ⁹² Здесь Лиутпранд также сознательно опускает содержание императорских требований, которые он определенно сообщил Оттону I.
- ⁹³ Паллинг – мера длины.
- ⁹⁴ См. *Ant.*, III, 9.
- ⁹⁵ Иронично.
- ⁹⁶ Ювенал, Сатиры, VI, 16–17.
- ⁹⁷ Делонгарис – начальник флота.
- ⁹⁸ Возможно, у самого Лиутпранда было написано правильно: Брия, вместо ошибочной Умбрии. Брия – совр. Приас – лежит между Мальтепе и Харталими в Вифинии.
- ⁹⁹ Лангобардию и Сицилию. Со времени завоевания Сицилии арабами (902 г.) для оставшейся территории входит название Калабрия.
- ¹⁰⁰ *Вергилий, Энеида, X, 597.*
- ¹⁰¹ *Салернская хроника, III, 555:* «Брат Пандульфа Ромуальд с детства жил среди греков и не хотел уже возвращаться га родину из-за своей гордыни».
- ¹⁰² По предположению Шлюмберже (*Никифор, с. 644*) Бизантий из Бари был отправлен стратигом фемы Лангобардия к Никифору в качестве вестника.
- ¹⁰³ Под зверинцами (briolia, perivolia) здесь следует понимать охотничьи уголья, где никто кроме владельца (феодала) охотиться не имел права. Ср. *Ant.*, III, 14.
- ¹⁰⁴ См. *Ant.*, III, 23. Прим. 31.
- ¹⁰⁵ См. *Ant.*, V, 29. Прим. 36.
- ¹⁰⁶ Об этом см.: *Rambaud A. L'empire grec au X siecle. Constantin Porphyrogenete.* – Paris, 1870. S. 26.
- ¹⁰⁷ Никифор правил с 16 авг. 963 г. по 11 дек. 969 г.
- ¹⁰⁸ Речь идет об Ипполите, избранном в 217 г. антипапой в Риме в противовес Каликсту I. Император Максимиан Фракиец сослал его в 235 г. на о. Сардинию, где тот вскоре после этого умер. Ипполит был автором сочи-

- нения «Об Антихристе», которое и имеет в виду Лиутпранд.
- ¹⁰⁹ В Западной Европе того времени не принято было пить сырую воду. Ее использовали за столом только для умывания рук. Однако Кёлер (с. 69 и сл.) считает, что Лиутпранд обозначал этим термином (*balnea*) так называемую «кальду» (*calda*; *calida* – досл. «теплая вода») римлян – теплую воду, смешанную с вином и медом.
- ¹¹⁰ Вергилий, Эклога I, 62 – 63.
- ¹¹¹ По каноническому праву кумовство образует духовное родство, так что брак между одним из родителей крестника и его крестным отцом или матерью запрещен. Поэтому патриарх Полиевкт заявил протест, когда Никифор женился на Феофано, вдове Романа II, ибо он был крестным отцом их детей.
- ¹¹² I Кор., 5, 5.
- ¹¹³ Патрикий Мануил Фока был сыном Льва Фоки, дяди Никифора II (см. Гийян, 1973, с. 63), то есть не племянником, а двоюродным братом Никифора II. Его войско было разгромлено в 2-х сражениях: в сухопутной битве у Раметты и в морском бою в Мессинском проливе. Этот разгром имел место в конце 965 г. (См. Лев Дьякон, История, IV, 7–8.)
- ¹¹⁴ Евнуха Никиту.
- ¹¹⁵ Никита Эксакионит был новым стратигом Калабрии.
- ¹¹⁶ Об этом голоде см. Лев Дьякон, История, VI, 8; Кедрин, История, II, 372; Георгий Амартол, VI, 6.
- ¹¹⁷ Римский секстарий = 0, 547 л. Какова величина павийского секстария – неизвестно.
- ¹¹⁸ Большинство историков считают эти обвинения Лиутпранда бесосновательными.
- ¹¹⁹ Основания, конечно, были чисто политические.
- ¹²⁰ См. *Ant.*, I, 35. Прим. 98.
- ¹²¹ Греки задерживали Лиутпранда, чтобы выиграть время для нападения на Италию. См. Гз, с. 310.
- ¹²² Псал., 22, 5.
- ¹²³ Евр., 2, 18.
- ¹²⁴ 15 августа 968 г.
- ¹²⁵ Иоанна XIII. Он был папой с 1 окт. 965 г. по 6 сент. 972 г.
- ¹²⁶ То есть посол.
- ¹²⁷ Ср. отрывок из письма папы Николая I к императору Михаилу от 28 сент. 865 г.: «Уже давно вам следовало понять, насколько смешно называть себя римскими императорами и не знать языка римлян. Ведь вы считаете латинский язык варварским, поскольку не понимаете его... Так прекратите же называть себя римскими императорами, ибо согласно вашему утверждению те, чьими императорами вы являетесь, – варвары».
- ¹²⁸ Теренций, Братья, 790.
- ¹²⁹ Манглавиты, ликторы императора, носили их, как замечает Остен-Закен, в знак своей власти и, как правило, за поясом.
- ¹³⁰ Т. е. Кресту. На этот день, 14 сентября, приходился праздник Крестовоздвиженья.
- ¹³¹ Овидий, Метаморфозы, II, 775.
- ¹³² Дело в том, что Иоанн XIII, как епископ Нарнии принявший участие в соборе, который низложил Иоанна XII, участвовал также и в соборе, проведенном этим Иоанном в 964 г. и объявившем недействительным решения предыдущего собора, а также избрание папой Льва VIII.
- ¹³³ Теренций, Формион, 378.
- ¹³⁴ Как папство, находясь под немецким влиянием, постепенно отдалялось от Византии, показано в работе: Норден В. Папство и Византия (Берлин, 1903).
- ¹³⁵ Теренций, Девушка с Андроса, 600.
- ¹³⁶ Теренций, Евнух, 1078.
- ¹³⁷ Теренций, Евнух, 255–256.
- ¹³⁸ Ср. *Ant.*, I, 26; Leg. 12.
- ¹³⁹ Матфей, 23, 27.
- ¹⁴⁰ Вергилий, Энеида, V, 305.
- ¹⁴¹ 2 Царств, 17, 8.
- ¹⁴² Иеремия, 19, 11.
- ¹⁴³ См. Schlumberger G. Sigillographie de l'empire byzantin. – Paris, 1884. S. 11.
- ¹⁴⁴ Теренций, Девушка с Андроса, 237.
- ¹⁴⁵ В латинском тексте – *obolariae*. Т. е. блудницы, стоящие 1 обол.

- ¹⁴⁶ В латинском тексте – *mandrogerontes*. Так назывались обманщики и лжецы, выдававшие себя за волшебников и звездочетов и занимавшиеся предсказанием судьбы.
- ¹⁴⁷ *Продол. Феофана*, О Конст. Багр., гл. 16 и 54; *Лев Дьякон*, История, V, 8; *Георгий Амартол*, VI, 2.
- ¹⁴⁸ Авзонского, то есть итальянского. Авзон – мифический персонаж, сын Одиссея и Цирцеи. Считался первым царем Италии. По его имени жители Италии стали звать-ся авзонами, а сама Италия – Авзонией.
- ¹⁴⁹ В латинском тексте – *induperator*. Подобная форма титула император встречается у *Ювенала* (Сатиры, IV, 29 и X, 138) и в «Деяниях Беренгара», I, 8.
- ¹⁵⁰ *Вергилий*, Энеида, II, 95.
- ¹⁵¹ Шлюмберже (*Nicerphore*. S. 599) полагает, что Лиутпранд сопровождал Оттона I в его походе против Бари, а уже оттуда через Бриндизи отправился в Константинополь.
- ¹⁵² *Вергилий*, Георгики, I, 511.
- ¹⁵³ Навпакт и Никополь – два разных города, располагавшихся в феме Эллада.
- ¹⁵⁴ Отранто (лат. Тарент).
- ¹⁵⁵ *Теренций*, Евнух, 770.
- ¹⁵⁶ Совр. р. Эвинос.
- ¹⁵⁷ Св. апостола Андрея.
- ¹⁵⁸ Ср. *Исайя*, 28, 19.
- ¹⁵⁹ *Иезекииль*, 13, 18.
- ¹⁶⁰ 2 декабря.
- ¹⁶¹ *Псал.*, 115, 3.
- ¹⁶² Об антицерковных настроениях Никифора см. *Кедрин*, История, II, 368.
- ¹⁶³ Эдикт был проведен только в населенных преимущественно греками областях. В латинско-лангобардской Апулии, где греки жили только на побережье, эдикт этот вообще не был проведен из-за протеста, заявленного архиепископом Бари. О южно-итальянской церковной политике Никифора см. *Шлюмберже*, *Nicerphore*. S. 678 f.; Гз. S. 350 f.
- ¹⁶⁴ См. *Leg* прим. 61.
- ¹⁶⁵ Города в Южной Италии.
- ¹⁶⁶ Епископ Отранто (Гидрунта) еще со времени Льва VI (882–912) имел титул архиепископа, но не имел в своем подчинении других епископов. Теперь же, благодаря этому пожалованию, он стал митрополитом с указанными Лиутпрандом правами.
- ¹⁶⁷ *Правил Римом* в 932–954 гг. См. *Ant.*, III, 45–46.
- ¹⁶⁸ 2 февраля 933 г.
- ¹⁶⁹ В действительности патриархи Востока и прежде пользовались правом вручения паллия без разрешения римского папы.
- ¹⁷⁰ *1 Тим.*, 2, 7.
- ¹⁷¹ *Ювенал*, Сатиры, I, 90.
- ¹⁷² См. *Leg* прим. 109.
- ¹⁷³ Евнухом был и патриарх Полиевкт.
- ¹⁷⁴ *Марциал*, XIII, 14.
- ¹⁷⁵ *Персий*, Сат., III, 69.
- ¹⁷⁶ *Бытие*, 47, 22.
- ¹⁷⁷ *Лев Дьякон*, История, IV, 9.
- ¹⁷⁸ *Лев Дьякон*, История, IV, 11; *Кедрин*, История, II, 375.
- ¹⁷⁹ На этом рукопись Лиутпранда обрывается.

Указатель имен

А

Абдуррахман III Победоносный, эмир Кордовы – *Ant.* I, 2; V, 2; *Введ.* 7; *Прим.* 158, 167*.

Абрахам, епископ Фрейзингенский – *Введ.* 11.

Августин, Аврелий, св. – *Введ.* 8.

Авраам, патриарх – *Ant.* IV, 26.

Аврора, см. Эос.

(Агильтруда), жена короля Видо, дочь Адельгиза, герцога Беневенто – *Ant.* I, 32; *Прим.* 160.

Адальберт фон Бабенберг, граф – *Ant.* II, 6; *Прим.* 161.

Адальберт I, маркграф Тосканы, отец Адальберта II Богатого – *Табл.*; *Прим.* 160.

Адальберт I, сын Ансария, маркграф Ивреи – *Ant.* II, 33–35; 56; 57; 61; 62; 64; III, 7; IV, 8; V, 4; *Табл.*; *Прим.* 160, 162–164.

Адальберт II Богатый, маркграф Тосканы – *Ant.* I, 30; 39; 41; 43; II, 35; 36; 38; 39; 55; III, 7; 18; 47; V, 4; *Табл.*; *Прим.* 160, 162, 163.

Адальберт II, сын Беренгара II, король Италии – *Ott.* 1–4, 7, 8, 15, 18; *Leg.* 4–6; 29–30; *Введ.* 8; *Табл.*; *Прим.* 169, 172.

Адельдаг, архиепископ Бремена – *Ott.* 9.

Аделард, епископ Реджо – *Ant.* V, 26; 29; *Прим.* 168.

* Арабские цифры в ссылках на произведения Лиутпранда (*Ant.* – «Антаподосис», *Ott.* – «Книга об Оттоне», *Leg.* – «Отчет о посольстве в Константинополь») указывают на соответствующие главы в его сочинениях; арабские цифры в ссылках на аппарат издания (*Введ.* – Введение, *Табл.* – Генеалогич. табл., *Прим.* – Примечания) указывают на номера страниц настоящего издания.

Адельгейда, дочь Рудольфа II, короля Верхней Бургундии; жена: 1) короля Лотаря; 2) императора Оттона I – *Ant.* IV, 13; *Leg.* обр.; *Введ.* 9; *Илл.* 107; *Табл.*; *Прим.* 165, 166.

Адельгиз, герцог Беневенто, отец Агильтруды – *Прим.* 160.

Адриан – *Ott.* 9.

Адриан, кардинал-священник – *Ott.* 14.

Адриан из прихода Каликста – *Ott.* 9.

Адриан из прихода Луцины – *Ott.* 9.

Адриан, император Рима – *Прим.* 165.

Александр, сын Василия I, брат Льва VI, император Византии – *Ant.* II, 45; III, 26; *Прим.* 164.

Александр Великий, царь Македонии – *Leg.* 29.

Альберик I, маркграф Сполето и Камерино – *Ant.* II, 48; III, 45; *Прим.* 162, 163, 165.

Альберик II, римский патриций – *Ant.* II, 48; III, 45; 46; IV, 3; V, 3; *Leg.* 50; 62; *Табл.*; *Прим.* 162, 165, 168.

Альберик из Труа, хронист – *Введ.* 10

Альда, дочь короля Гуго, жена Альберика II – *Ant.* IV, 3; *Табл.*; *Прим.* 162.

Альда, жена короля Гуго – *Ant.* III, 20; IV, 2; *Табл.*; *Прим.* 165.

Амадей, вассал короля Беренгара II – *Ant.* V, 18.

Амвросий, граф Бергамо – *Ant.* I, 23.

Амвросий, св. – *Ant.* V, 28.

Амикус – *Ott.* 9.

Андрей, аркарий – *Ott.* 9.

Андрей, «дворцовый граф» – *Ant.* VI, 2.

Андрей, св. апостол – *Leg.* 59; 60; *Прим.* 174.

Анна, дочь императора Византии Романа II и Берты, жена Владимира Святославича, великого князя Киевского; *Табл.*

Анна, любовница Иоанна XII – *Ott.* 10.

- Анна, пророк – *Ant.* III, 36.
 Анскарий, маркграф Ивреи – *Ant.* I, 35; *Табл.*;
Прим. 160, 162.
 Анскарий, маркграф Сполето и Камерино,
 сын Адальберта, маркграфа Ивреи, – *Ant.*
 II, 56; IV, 8; V, 4–8; 10; *Табл.*; *Прим.* 167.
 Анскарий, маркграф Сполето, сын Маро-
 ции – *Прим.* 162, 163.
 Антоний, епископ Брешии – *Ant.* V, 29; *Leg.*
 38; *Прим.* 168.
 Ардерик Котта, архиепископ Милана – *Ant.*
 V, 27; *Прим.* 168.
 Аристотель, философ – *Ant.* III, 29; *Прим.* 158.
 Аркод, рыцарь – *Ant.* V, 6; 7.
 Арнульф, герцог Баварии – *Ant.* II, 18; 19; 21;
 22; 23; III, 49–52; IV, 31; *Прим.* 161, 167.
 Арнульф, король Германии, император –
Ant. I, 5; 13; 20; 22–25; 27; 28; 30; 32–37; II, 1;
 2; *Прим.* 158–162.
 Асцензий – *Введ.* 10.
 Ательстан, король Англии – *Ant.* IV, 17;
Прим. 166.
 Атенульф, принц Капуи, отец Ландольфа I –
Прим. 163.
 Атропос, парка – *Ant.* I, 11.
 Аттила, король гуннов – *Ant.* III, 6; *Прим.* 164.
 Ахав, царь Израиля – *Ant.* V, 17; *Прим.* 163.
 Аццо – *Ott.* 9.
 Аццо, скриниарий – *Ott.* 1; 9; 20.
- Б**
 Баян (Боян, Вениамин), старший сын Симео-
 на, царя Болгарии – *Ant.* III, 29; *Прим.* 164.
 Баум В. – *Введ.* 12.
 Бегемот, демон – *Ant.* IV, 19.
 Беккер Й. – *Введ.* 6, 8–10, 12.
 Бен-Хадад (Бенадаб), царь Сирии – *Ant.* V, 17.
 Бенедикт IV, папа римский – *Прим.* 162.
 Бенедикт V, папа римский, до этого – карди-
 нал-дьякон – *Ott.* 10; 11; 14; 21; 22; *Введ.* 8;
Прим. 169.
 Бенедикт – *Ott.* 9.
 Бенедикт, духовный отец Иоанна XII – *Ott.* 10.
 Бенедикт из прихода Сикста – *Ott.* 9.
 Бенедикт, епископ Порто – *Ott.* 9.
 Бенедикт, кардинал-архидьякон – *Ott.* 9; 22.
 Бенедикт, кардинал-епископ – *Ott.* 7.
 Бенедикт, отец Булгамина – *Ott.* 9.
 Бенедикт, судьякон – *Ott.* 9.
 Бенедикт, субдьякон и облатионарий – *Ott.* 9.
 Беренгар I, маркграф Фриули, король Ита-
 лии – *Ant.* I, 5; 14; 15; 17–20; 22; 34; 37; 43; II,
 9; 10; 32; 33; 35–37; 39; 41; 42; 55–61; 63–66;
 68–71; 73; III, 2; 8; 12; V, 4; *Введ.* 7; *Табл.*;
Прим. 158, 162–164.
 Беренгар II, сын Адальберта, маркграф Ив-
 реи, король Италии – *Ant.* II, 33; 56; III, 1; IV,
 8; 11; V, 4; 10–13; 18; 26–33; VI, 2; 3; 5; 6; *Ott.*
 1–3; 5; 6; 15; *Leg.* 4; 5; 55; *Введ.* 6–8; *Табл.*;
Прим. 162, 163, 168.
 Берта, дочь Бозо, маркграфа Тосканы, и Бер-
 ты, жена Раймунда, герцога Аквитании –
Ant. IV, 11; V, 31; *Прим.* 168.
 Берта, дочь Бурхарда II, жена: 1) короля Ру-
 дольфа II; 2) короля Гуго – *Ant.* II, 60; IV, 13;
 14; *Табл.*; *Прим.* 163, 165.
 Берта, дочь Лотаря II и Вальдрады, жена:
 1) графа Тедальда; 2) Адальберта II Бога-
 того – *Ant.* I, 39; 41; II, 36; 39; 55; 56; III, 7; 18;
 47; V, 4; *Табл.*; *Прим.* 160, 162, 163.
 Берта, дочь Мароции – *Прим.* 162.
 Берта (Евдокия), дочь короля Гуго и Пецолы,
 жена Романа II – *Ant.* V, 20; VI, 2; *Leg.* 7;
Табл.; *Прим.* 167, 168, 170.
 Бертольд, сын Лиутпольда, герцог Баварии –
Ant. IV, 31; *Прим.* 167.
 Бизантий из Бари – *Leg.* 37; *Прим.* 172.
 (Билетруда), дочь Гизельберта, герцога Лота-
 рингии, жена Бертольда Баварского – *Ant.*
 IV, 31; *Прим.* 167.
 Бозо III, маркграф Тосканы, граф Арля, брат
 короля Гуго – *Ant.* III, 47; IV, 8; 11; 12; V, 31;
Табл.; *Прим.* 160, 163–165, 168.
 Бозо, король Бургундии – *Табл.*; *Прим.* 162.
 Бозо, сын Гуго от Пецолы, епископ Пьячен-
 цы – *Ant.* IV, 14; V, 30; *Табл.*; *Прим.* 166.
 Бонифаций VI, папа римский – *Прим.* 160.
 Бонифаций, маркграф Сполето и Камерино,
 сын Губальда – *Ant.* I, 21; II, 66; *Прим.* 159.
 Бонофилий, кардинал-дьякон – *Ott.* 9.
 Боэций, философ – *Ant.* I, 1; *Введ.* 8; *Прим.*
 158, 162, 169.
 Бресслау X. – *Введ.* 12.
 Бруно, 3-й сын Генриха I Птицелова, архи-

- епископ Кельна – *Ant.* IV, 15; *Табл.*; *Прим.* 166.
- Бугат, венгерский князь – *Ant.* II, 61.
- Булгамин, сын Бенедикта – *Ott.* 9.
- Бурхард I – *Прим.* 161.
- Бурхард II, сын Бурхарда I, герцог Швабии – *Ant.* II, 18; 60; III, 13–15; *Прим.* 161, 163.
- В**
- Валентиниан III, Флавий Плацидий, римский император – *Leg.* 5.
- Валда, Лоренцо – *Прим.* 171.
- Вальдо, епископ Комо – *Ant.* V, 29; *Ott.* 1.
- Вальдрада, жена Лотаря II – *Прим.* 160.
- Вальдрада, дочь Рудольфа I, сестра Рудольфа II, жена Бонифация – *Ant.* II, 66; *Прим.* 160.
- Вальперт, архиепископ Милана – *Ott.* 1; 9.
- Вальперт, судья – *Ant.* III, 39–41; IV, 14.
- Вандельмода, наложница Гуго – *Ant.* III, 20.
- (Варда Фока), отец имп. Никифора II Фоки – *Leg.* 28; *Прим.* 172.
- Василий I Македонянин, соправитель Михаила III, император Византии – *Ant.* I, 5; 8–11; *Прим.* 158, 159, 164, 170, 172.
- Василий II, сын Романа II, пасынок Никифора II, император Византии – *Leg.* 3; 10; 41; 51; *Прим.* 170.
- Василий, паракимомен – *Leg.* 15; 18.
- Вегений Ренат, римский историк – *Ant.* IV, 20; *Введ.* 8; *Прим.* 166.
- Венера, богиня – *Ott.* 10; 12.
- Вениамин – см. Баян.
- Вергилий Марон, римский поэт – *Ant.* I, 32; 35; III, 9; 16; *Введ.* 8; *Прим.* 159–162, 164, 166–168, 172–174.
- Видо I, герцог Сполето – *Табл.*; *Прим.* 159.
- Видо, епископ Пьяченцы – *Ant.* II, 65; IV, 14.
- Видо, епископ Сильва Кандида – *Ott.* 9.
- Видо, маркграф Сполето и Камерино, король Италии, император – *Ant.* I, 5; 14–21; 25; 32; 34; 37; *Табл.*; *Прим.* 159, 160.
- Видо, сын Адальберта II Богатого, маркграф Тосканы и герцог Лукки – *Ant.* II, 55; 56; III, 18; 43; 44; 47; *Табл.*; *Прим.* 160, 162, 163.
- Видо, сын Видо, короля Италии, брат Ламберта, маркграф Сполето – *Прим.* 163.
- Видо, эрцканцлер Беренгара и Оттона I, епископ Модены – *Ant.* V, 27; *Ott.* 14; *Прим.* 168.
- Видукинд Корвейский, хронист – *Введ.* 7; *Прим.* 158, 161, 164, 167, 170.
- Викберт, вассал маркграфа Ансария – *Ant.* V, 5; 6; 7.
- Виктор Тунненский – *Введ.* 9.
- Вилла, дочь Бозо, маркграфа Тосканы, жена Беренгара II – *Ant.* III, 1; IV, 8; 11; V, 10; 32; *Ott.* 1, 6; *Введ.* 7; *Табл.*; *Прим.* 163.
- Вилла, жена Бозо, маркграфа Тосканы – *Ant.* IV, 8; 11; 12; *Табл.*
- Вилла, жена Рудольфа I – *Прим.* 163.
- Владимир Святославич, великий князь Киевский – *Табл.*
- Г**
- Гай Ж. – *Прим.* 172.
- Гай Юлий Цезарь, римский полководец, консул, диктатор – *Ant.* I, 1; 26; *Прим.* 158.
- Гамилькар Барка, отец Ганнибала – *Прим.* 158.
- Ганнибал, карфагенский полководец – *Ant.* I, 1; 35; *Прим.* 158.
- Гариард, граф – *Ant.* II, 66.
- Гасдрубал, карфагенский полководец – *Ant.* I, 1; *Прим.* 158.
- Гауденций, св. – *Ant.* III, 15.
- Гебхард II Юный, герцог Лотарингии – *Прим.* 166.
- Гедвига, жена Оттона Светлого, мать Генриха I Птицелова – *Табл.*
- Генрих I Птицелов, герцог Саксонии, король Германии – *Ant.* II, 18–25; 27–29; 31; III, 21; 48; IV, 15; 19; 25; *Табл.*; *Прим.* 158, 160–162, 164, 166, 167.
- Генрих I, сын Генриха I Птицелова, герцог Баварии – *Ant.* IV, 15; 16; 18–24; 27; 32; 34; 35; *Табл.*; *Прим.* 166.
- Генрих II Сварливый, герцог Баварии – *Табл.*
- Генрих (III) II Святой, император – *Табл.*; *Прим.* 167.
- Генрих, архиепископ Трира – *Ott.* 14.
- Георгий Амартол, писатель – *Прим.* 173, 174.
- Георгий, секундицерий – *Ott.* 9.
- Герберга, дочь Беренгара II и Виллы – *Ant.* V, 32; *Табл.*

- (Герберга), дочь Генриха I Птицелова, жена
1) Гизельберга Лотарингского, 2) Людо-
вика IV Заморского – *Ant.* IV, 21; 31; 34;
Табл.; *Прим.* 166, 167.
- Гервасий, св. – *Ant.* V, 28.
- Гермагор, св., ученик еванг. Марка – *Ant.* III, 5.
- Герман I, сын Гебхарда II, герцог Швабии –
Ant. IV, 23; 29; V, 1; 10; 12; *Прим.* 166, 167.
- Герменальд, епископ Реджо – *Ott.* 9.
- Геро, архиепископ Кёльна – *Введ.* 6.
- Геродот, греческий историк – *Прим.* 160.
- Герхард фон Бронь, аббат – *Введ.* 10.
- Гецо, епископ Тортоны – *Ott.* 14.
- Гецо Эверард, судья – *Ant.* III, 39; 40; 41.
- Гизела, дочь Беренгара I, 1-я жена Адальбер-
та, маркграфа Ивреи – *Ant.* II, 33; 56; V, 4;
Табл.; *Прим.* 162.
- Гизела, дочь Беренгара II и Виллы – *Ant.* V, 32;
Табл.
- Гизела, дочь Бозо, маркграфа Тосканы – *Ant.* IV, 11.
- Гизела, дочь Людовика I Благочестивого, же-
на Эберхарда, маркграфа Фриули, мать Бе-
ренгара I – *Табл.*; *Прим.* 158.
- Гизельберт, герцог Лотарингии – *Ant.* II, 18;
IV, 21–24; 29; 31; 32; V, 1; *Прим.* 161, 166, 167.
- Гизельберт, граф Бергамо – *Ant.* II, 57; 61; 63;
64; *Прим.* 163.
- Гизельберт, пфальцграф – *Ant.* III, 39.
- Гийян – *Прим.* 173.
- Гильдебранд, граф – *Ant.* I, 39; 41.
- Глисмута, дочь Арнульфа – *Прим.* 161.
- Глицерия, персонаж комедии – *Ant.* II, 48.
- Гней Помпей Великий, римский полково-
дец – *Ant.* I, 1; 26; *Прим.* 158.
- Гораций Флакк, римский поэт – *Ant.* III, 28;
Введ. 8; *Прим.* 162, 164, 169.
- (Гормизд), папа римский – *Leg.* 22; *Прим.* 171.
- Готфрид, норманн – *Прим.* 166.
- Григорий I Великий, папа римский – *Leg.* 22;
Прим. 171.
- Григорий, епископ Альбано – *Ott.* 9.
- Григорий из Катины – *Введ.* 10.
- Гримальд, епископ Пизы – *Прим.* 169.
- Гримиццо, вассал короля Адальберта, посол –
Leg. 6; 29; *Прим.* 170.
- Губальд – *Ant.* I, 21.
- Губерт, граф Арля – *Табл.*
- Губерт, епископ Пармы – *Ott.* 9.
- Губерт, сын короля Гуго – *Ant.* III, 20; *Табл.*;
Прим. 164.
- Гуго (Злой), граф Прованса, король Италии –
Ant. I, 39; 42; II, 36; III, 12; 16–24; 39–42; 44–
52; IV, 1–3; 6; 8; 11–14; V, 3; 5; 8–10; 13–20; 27;
28; 30; 31; VI, 2; *Leg.* 7; *Введ.* 6.; *Прим.* 160,
162, 163, 165, 167, 168, 170.
- Гэ – *Прим.* 173, 174.
- Д
- Давид, царь Израиля – *Ant.* II, 41; IV, 29; V, 30.
- Даймберт, архиепископ Пизанский – *Введ.* 11.
- Дандоло Андреа – *Введ.* 10
- Даниила видения – *Leg.* 39.
- Деметрий – *Ott.* 9.
- Деметрий, знатный римлянин, посол – *Ott.* 6.
- Деметрий из Мелиоза – *Ott.* 9.
- Демосфен, афинский оратор – *Ant.* III, 29.
- Дитрих, архиепископ Меца – *Введ.* 10
- Дитрих фон Рингельхейм – *Прим.* 166.
- Доминик, венецианец, посол – *Leg.* 25; 26; 31;
Прим. 171.
- Доминик из прихода Анастасии – *Ott.* 9.
- Доминик, капеллан – *Ant.* V, 32;
- Домнин, св. – *Ant.* I, 41;
- Дурсак, венгерский князь – *Ant.* II, 61;
- Дьяволин (Михаил), воин – *Ant.* V, 22.
- Е
- Евстохий – *Прим.* 161.
- Евтихий, патриарх константинопольский –
Leg. 22; *Прим.* 171.
- Елена, дочь Романа I Лакапина, жена Кон-
стантина VII Багрянородного – *Ant.* III, 30;
35; *Прим.* 164.
- Елена, мать Константина I Великого, св. –
Ant. IV, 25; *Прим.* 160.
- З
- Зеумер (Zeumer) – *Прим.* 171.
- Зигфрид, епископ Пармы – *Ant.* V, 20; 21.
- Зикко, герцог Салерно – *Табл.*; *Прим.* 159.
- Зоя, мать Константина VII Багрянородного –
Ant. III, 26; *Прим.* 164.

- И
- Иаков – *Ant.* IV, 24; *Прим.* 166.
- Игорь (Ингер), вел. князь Киевский – *Ant.* V, 15; *Прим.* 167.
- Ида, дочь Германа I, герцога Швабии, жена Лиудольфа – *Ant.* V, 1; *Прим.* 167.
- Ида из рода Эццо, жена Gebхарда II, мать Германа I, герцога Швабии – *Прим.* 166.
- Иезавель, жена Ахава – *Ant.* III, 1; *Прим.* 163.
- Иезекииль, библ. пророк – *Прим.* 165, 168, 174.
- Иеремия, библ. пророк – *Ant.* II, 16; *Прим.* 160, 161, 170, 173.
- Иероним, св. – *Введ.* 8; *Прим.* 158, 161.
- Иессен X. – *Введ.* 12.
- Ильдуин, архиепископ Милана – *Ant.* III, 42; *Прим.* 165.
- Илья (Илия), пророк – *Leg.* 31.
- Ингельфред, граф Вероны – *Прим.* 163.
- Ингельфред, патриарх Аквилеи – *Ott.* 9.
- Иоанн I Цимисхий, император Византии – *Прим.* 170.
- Иоанн IX, папа римский – *Прим.* 171.
- Иоанн X Равеннский, папа римский – *Ant.* II, 47–49; 51; 52; III, 17; 43; *Прим.* 162, 163, 165.
- Иоанн XI, папа римский, сын папы Сергия III и Мароции – *Ant.* II, 48; III, 43; 46; *Прим.* 163, 165, 170.
- Иоанн XII (Октавиан, граф Тускуланский, сын Альберика II, римского принцепса), папа римский – *Ott.* I; 3–17, 19, 20; *Leg.* 50; *Введ.* 8; *Прим.* 168, 169.
- Иоанн XIII, папа римский (сын Иоанна Кресценция и Теодоры II) – *Leg.* 47; 50–51; 56; *Прим.* 163, 173.
- Иоанн – *Ott.* 9.
- Иоанн Бикларский – *Введ.* 9.
- Иоанн, греч. магистрат – *Leg.* 54.
- Иоанн, епископ Ананьи – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Вероли – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Галлезе – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Нарнии – *Ott.* 7; 9; 10.
- Иоанн, епископ Неви – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Нормы – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Павии – *Ant.* III, 3.
- Иоанн, епископ Пистойи – *Прим.* 169.
- Иоанн, епископ Сабини – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Тибурра – *Ott.* 9.
- Иоанн, епископ Форума Клодия – *Ott.* 9.
- Иоанн из Примицерия – *Ott.* 9.
- Иоанн из прихода Сузанны – *Ott.* 9.
- Иоанн из прихода Цецилии – *Ott.* 9.
- Иоанн из прихода Эквита – *Ott.* 9.
- Иоанн Златоуст, св. – *Leg.* 29.
- Иоанн, кардинал-дьякон – *Ott.* 1; 6; 9; 10; 20.
- Иоанн, кардинал-субдьякон – *Ott.* 10.
- Иоанн Кресценций – *Прим.* 163.
- Иоанн Мицина – *Ott.* 9.
- Иоанн Предтеча, св. – *Leg.* 65.
- Иоанн, сакелларий – *Ott.* 9.
- Иоанн, св. евангелист – *Ant.* I, 13; III, 44; IV, 26; *Прим.* 159, 163, 167.
- Иоанн, суперист – *Ott.* 9.
- Иов, св. – *Ant.* III, 15;
- Иордан, историк – *Введ.* 8; *Прим.* 161, 170.
- Иосиф, епископ Брешии – *Ant.* V, 29.
- Иосиф, сын Иакова – *Leg.* 63.
- Ипполит, епископ Сицилии (впоследствии антипапа) – *Leg.* 40; 41; 43; *Прим.* 172.
- Ипполит, церковный писатель – *Введ.* 8.
- Ирина, см. (Мария)-Ирина.
- Ирмгарда (Эрменгарда), дочь Берты и Адальберга II Богатого – *Ant.* II, 56; III, 7–10; IV, 8; V, 4; *Табл.*; *Прим.* 160, 163, 164.
- Ирмгарда, дочь Людовика II, жена Бозо, мать Людовика III Слепого – *Табл.*; *Прим.* 162.
- Ирод, царь Иудеи – *Ant.* IV, 25; V, 17.
- Иродиада – *Ant.* III, 44.
- Исайя – *Прим.* 169, 170, 174.
- Исидор – *Введ.* 8; *Прим.* 158, 165.
- Исидор Севильский – *Введ.* 11.
- Итана, дочь Зикко, герцога Салерно – *Табл.*; *Прим.* 159.
- Иуда Искарот, предатель – *Ant.* I, 30; 42; II, 70; *Ott.* 14.
- Иуда Маккавей – *Ant.* IV, 27.
- К
- Калликст I, папа римский – *Прим.* 172.
- Канизий Генрих – *Введ.* 9.
- Карл I Великий, император франков – *Ant.* II, 26; V, 30; *Табл.*; *Прим.* 162.
- Карл II Лысый, король Франции – *Ant.* I, 5; 14; 15; *Табл.*; *Прим.* 158.

- Карл III Толстый, король Франции – *Прим.* 158, 159.
- Карломан, король Баварии, король Италии – *Прим.* 158.
- Каролинги Итальянские – *Табл.*; *Прим.* 161.
- Кассиодор, Флавий Магнус Аврелий, сенатор, писатель – *Введ.* 8; *Прим.* 161.
- Катилина, Луций Сергий, римский претор – *Ant.* III, 39; *Введ.* 8; *Прим.* 162, 165, 167.
- Катон Старший, Марк Порций, гос. деятель древнего Рима, литератор и поэт – *Введ.* 8.
- Кверол – *Введ.* 8.
- Кедрин, Иоанн – *Прим.* 170, 173, 174.
- Кёллер – *Прим.* 173.
- Клото, парка – *Ant.* I, 11.
- Козьма, патрикий – *Прим.* 170.
- Кона, сын Беренгара II – *Leg.* 30.
- Конрад I, король Германии – *Ant.* II, 17; 19; 20; 24; *Прим.* 161, 166.
- Конрад, епископ Лукки – *Отт.* 9.
- Конрад Мудрый, граф Нидерлангау – *Ant.* IV, 23; 29; *Прим.* 166.
- Конрад Старший, маркграф Сорбской марки, основатель династии – *Прим.* 161.
- Конрадины, династия – *Прим.* 161, 166.
- Константин I Великий, римск. император – *Ant.* I, 7; IV, 25; *Leg.* 17; 51; 55; 62; *Прим.* 159, 160, 168.
- Константин VII Багрянородный (Порфирогенет), сын Льва VI, император Византии – *Ant.* I, 5–7; II, 45; III, 25; 26; 30; 37; V, 14; 20–22; VI, 2; 5; 7–10; *Leg.* 5; 55; *Прим.* 158, 163, 164, 167, 168, 170–172, 174.
- Константин VIII, сын Романа II, пасынок Никифора II, император Византии – *Leg.* 3; 10; 41; 51; *Прим.* 170.
- Константин, паракимомен – *Прим.* 164.
- Константин, сын Романа I Лакапина – *Ant.* III, 37; V, 14; 20–23; 25; *Прим.* 164.
- Кресценций с Мраморной площади – *Отт.* 9.
- Кресценций, сын Иоанна Кресценция и Теодоры II – *Прим.* 163.
- Крész, царь Лидии – *Leg.* 48.
- Крисп, Саллюстий, римский историк – *Введ.* 8.
- Кристина, жена Вальперта – *Ant.* III, 41.
- Кузнецова Т.И., перев. с лат. – *Введ.* 11.
- Куспиниан – *Введ.* 11.
- Л
- Лаврентий, св. – *Ant.* III, 14.
- Ламберт, архиепископ Милана – *Ant.* II, 57–59; III, 8; 12; 14; 42; *Прим.* 163, 165.
- Ламберт, сын Адальберта II Богатого, маркграф Тосканы – *Ant.* II, 56; III, 43; 47; IV, 11; *Табл.*; *Прим.* 160, 163.
- Ламберт, сын Видо, король Италии – *Ant.* I, 37; 38; 40–42; 44; *Табл.*; *Прим.* 160, 163.
- Ландвард, епископ Миндена – *Отт.* 7; 9.
- Ландольф I, герцог Беневента и Капуи – *Ant.* II, 51; 52; *Leg.* 7; *Прим.* 163, 165, 170.
- (Ландольф III), герцог Беневента – *Leg.* 15; 27; 36; 37; *Прим.* 172.
- Лаксис, парка – *Ant.* I, 11.
- Лев IV, папа римский – *Прим.* 160, 165.
- Лев VI Философ, император Византии – *Ant.* I, 5–7; 11; 12; II, 45; III, 25; 26; V, 14; 20; *Прим.* 158, 164, 168, 174.
- Лев VIII, папа римский (до этого – протоскриниарий) – *Отт.* 6; 9; 16–22; *Введ.* 6, 8–9; *Прим.* 169, 173.
- Лев – *Отт.* 9.
- Лев, вассал Адальберта, маркграфа Ивреи – *Ant.* II, 62.
- Лев Дьякон – *Прим.* 169, 172–174.
- Лев, епископ – *Отт.* 6.
- Лев, епископ Веллетри – *Отт.* 9.
- Лев, епископ Павии – *Ant.* III, 41.
- Лев из Кацунули – *Отт.* 9.
- Лев, китонит – *Leg.* 65.
- Лев, примицерий школы певцов – *Отт.* 9.
- Лев, священник из прихода Бальбины – *Отт.* 9.
- Лев, скриниарий – *Отт.* 9.
- Лев Фока, брат имп. Никифора II, domestik схол Востока и Запада, затем куропалат и логофет дрома – *Ant.* III, 26–28; *Leg.* 2; 13–15; 19; 35; 37; 54; 56; *Прим.* 164, 170, 173.
- Линцель Мартин – *Введ.* 9, 12.
- Лиудольф, герцог Саксонии, отец Отто Светлейшего – *Прим.* 160.
- Лиудольф, старший сын Оттона I, герцог Швабии – *Ant.* IV, 17; V, 1; *Прим.* 166, 167.
- Лиутгарда Саксонская, жена Бурхарда I – *Прим.* 161.
- Лиутпольд, маркграф Баварии, отец Арнульфа Баварского – *Прим.* 161, 167.

- Лиутпольдинги, династия – *Прим.* 161.
- Лиутпранд, дьякон церкви в Павии, епископ Кремоны, посол в Византию (автор) – *Ant.* I, 1; III, 1; 24; IV, 1; V, 30; VI, 1; 3–7; 9–10; *Ott.* 7; 9; 11; *Leg.* 1–9; 11–29; 31–42; 46–51; 53–55; его отец – III, 22; 23; 24; *Введ.* 6–12; *Прим.* 158–162, 164–174.
- Лиутфрид, епископ Павии – *Ant.* V, 30.
- Лиутфрид, посол Оттона I – *Ant.* VI, 4–6.
- Лотарь I, король Италии, император – *Табл.*; *Прим.* 159.
- Лотарь II, король Лотарингии. – *Табл.*; *Прим.* 159, 160.
- Лотарь, король Италии, сын короля Гуго – *Ant.* III, 20; IV, 2; 3; 13; V, 10; 28; 30; 31; VI, 2; *Табл.*; *Прим.* 165, 166.
- Лотарь, король Франции – *Табл.*; *Прим.* 165.
- Луитсвинта, дочь Эрнста Нордгау, мать Карломана – *Прим.* 158.
- Лука, св. евангелист – *Прим.* 159, 160, 162, 166, 167.
- Лукиан, римский писатель – *Ant.* I, 12; *Введ.* 8; *Прим.* 159.
- Лукреций, Тит, римский писатель – *Введ.* 8; *Прим.* 161.
- Луцидус, епископ Габий – *Ott.* 9.
- Людovic I Благочестивый, сын Карла I Великого, император – *Табл.*; *Прим.* 158, 159.
- Людovic II, сын Лотаря I, император франков, король Италии. – *Leg.* 7; *Табл.*; *Прим.* 162, 170.
- Людovic III Слепой, король Италии – *Ant.* II, 32; 35–41; *Табл.*; *Прим.* 162.
- Людovic IV Дитя, сын Арнульфа, король Германии – *Ant.* II, 1–4; 6; 17; *Прим.* 161.
- Людovic IV Заморский, король Франции – *Прим.* 167.
- М**
- Магинфред, граф Милана – *Ant.* I, 38; 42.
- Максимин Фракиец, император Византии – *Прим.* 172.
- Манассия, епископ Арля, архиепископ Милана – *Ant.* IV, 6; 7; V, 26; *Ott.* 1.
- Маниций М. – *Введ.* 12.
- Мануил Фока, патрикий, племянник имп. Никифора II – *Leg.* 43; *Прим.* 173.
- Марин, епископ Сутрия – *Ott.* 9.
- Мария, св., Богородица – *Leg.* 24; 47.
- (Мария)-Ирина, дочь имп. Христофора, жена Петра, царя Болгарии – *Ant.* III, 38; *Leg.* 16; 19.
- Марк, св. евангелист – *Ant.* III, 5; IV, 7; *Прим.* 160, 165.
- Мароция – *Ant.* II, 48; III, 18; 43–46; *Табл.*; *Прим.* 162, 163, 165.
- Марс, бог войны – *Leg.* 57.
- Марциал, Валерий, римский поэт – *Введ.* 8; *Прим.* 174.
- Матильда, дочь Дитриха фон Рингельхейма и Рейнхильды, жена Генриха I Птицелова – *Ant.* IV, 15; *Прим.* 166.
- Матфей, св. евангелист – *Прим.* 159, 160, 166–169, 173.
- Менцель В. – *Прим.* 169.
- Мило, граф Вероны – *Ant.* II, 73; III, 42; 49–52; V, 27.
- Мистакидис Ж. – *Прим.* 172.
- Михаил III Травл, император Византии – *Ant.* I, 8–10; *Прим.* 159, 173.
- Михаил, стратиг, херсонит – *Leg.* 64; 65; его сын – *Leg.* 65.
- Михаил, провожатый Лиутпранда – *Leg.* 57; 58; 65.
- Михаил, (сицилийский) страж Лиутпранда – *Leg.* 1; 13; 29; 65; *Прим.* 169.
- Моисей, библий. пророк – *Ant.* III, 44; IV, 24.
- Мольтманн – *Прим.* 170.
- Н**
- Никифор II Фока, император Византии – *Leg.* 2–14; 16–17; 19–21; 23; 25–27; 29–31; 36–38; 40–42; 44–47; 50; 53–57; 59–62; 65; *Введ.* 9; *Прим.* 169, 170, 172–174.
- (Никита), евнух, друнгарий – *Leg.* 43; *Прим.* 173.
- Никита Эксакионит, стратиг Калабрии – *Прим.* 173.
- Николай I, папа римский – *Прим.* 173.
- Норден В. – *Прим.* 173.
- О**
- Овидий Назон, Публий, римский поэт – *Введ.* 8; *Прим.* 161, 170, 173.

- Ода, дочь Отто Светлейшего, жена Центе-
бальда – *Прим.* 159.
- Одельрик, пфальцграф – *Ant.* II, 57–59; 61;
Прим. 163.
- Одо, сын Роберта Сильного, король Западно-
Франкского королевства – *Ant.* I, 15; 16;
Прим. 159.
- Олоферн – *Ant.* III, 11.
- Ордоньо II, отец Рамиро – *Прим.* 167.
- Остен-Закен – *Прим.* 173.
- Острогорский – *Введ.* 9.
- Отберт, маркграф – *Отт.* 1.
- Отгер, епископ Шпейера – *Отт.* 9; *Введ.* 6.
- Отгифа (Эдит), дочь Эдуарда, короля Ан-
глии, первая жена Оттона I – *Ant.* IV, 17;
Илл. на с. 80; *Прим.* 166.
- Отто Светлейший, сын Лнудольфа, герцог
Саксонии – *Ant.* I, 24; *Табл.*; *Прим.* 159–161.
- Отто Фрейзингенский – *Введ.* 11; *Прим.* 161,
170.
- Оттон I Великий, сын Генриха I Птицелова,
король Германии, император – *Ant.* I, 5; 24;
IV, 15–21; 23–25; 27–35; V, 1; 12; 13; 18; VI, 6;
Отт. 1–12; 14–22; *Leg.* обр.; 1–7; 9; 11; 14; 16;
17; 19–21; 23; 25–27; 29–31; 36–38; 40–42; 44–
47; 50; 53–57; 59–62; 65; *Введ.* 6–10, 12; *Илл.*
81, 107, 112, 121, 124; *Табл.*; *Прим.* 158, 160,
161, 164, 166–170, 172, 174.
- Оттон II, сын Оттона I, король Германии,
имп. – *Отт.* 2; 8; 22; *Leg.* обр.; 1–7; 9; 11; 19–21;
23; 29–30; 38; 40–42; 55; 57; 59–62; 65; *Введ.* 6,
9; *Табл.*; *Илл.* 107, 128; *Прим.* 168–170, 172.
- Оттон III, сын Оттона II, король Германии,
император – *Табл.*; *Прим.* 169.
- П**
- Павел Дьякон – *Введ.* 11; *Прим.* 171.
- Павел Орозий – *Прим.* 165.
- Павел, св. апостол – *Ant.* II, 54; V, 17; *Отт.* 1; 2;
8; *Leg.* 65.
- Пандульф Железная Голова, князь Капуи –
Leg. 15; 27; 36; 37; *Прим.* 172.
- Певтингер, иезуит – *Введ.* 11.
- Персий, Флакк Авл, римский поэт-сатирик –
Введ. 8; *Прим.* 160, 161, 174.
- Персефона – *Прим.* 165.
- Петит Вильгельм – *Введ.* 10
- Пецола, наложница короля Гуго – *Ant.* IV, 14;
V, 20; *Прим.* 167, 168.
- Пётр, архиепископ Равенны – *Ant.* II, 48; *Отт.*
9.
- Пётр, брат папы Иоанна X – *Ant.* III, 43.
- Пётр, епископ Болоньи – *Прим.* 163.
- Пётр, епископ Камерино – *Отт.* 9.
- Пётр, епископ Комо – *Ant.* III, 39.
- Пётр из прихода Дамаса – *Отт.* 9.
- Пётр из прихода Памахия – *Отт.* 9.
- Пётр из Канапарии – *Отт.* 9.
- Пётр Имperiола – *Отт.* 9.
- Пётр, кардинал-священник – *Отт.* 10.
- Пётр, св. апостол – *Ant.* I, 27; 31; II, 27; 40; 54;
III, 29; IV, 7; 26; V, 17; *Отт.* 1–4; 6; 9; 11; 15–17;
Leg. 60; 62; *Введ.* 8.
- Пётр, царь Болгарии – *Ant.* III, 29; 38; *Leg.* 16;
19; *Прим.* 164.
- Пилат, Понтий, прокуратор Иудеи – *Ant.* IV,
25.
- Платон, философ – *Leg.* 26; *Введ.* 8; *Прим.* 158,
171.
- Плиний Старший, Гай Плиний Секунд, рим-
ский государственный деятель, ученый и
писатель – *Введ.* 8; *Прим.* 159.
- Полиевкт, патриарх константинопольский –
Leg. 21; 62; *Прим.* 173, 174.
- Помпей, Гней – *см.* Гней Помпей Великий.
- Приап – *Ant.* V, 32; *Прим.* 168.
- Продолжатель Феофана, хронист – *Прим.*
172, 174.
- Протасий, св. – *Ant.* V, 28.
- Пруденций, Аврелий Клеменс, римский
поэт – *Введ.* 8.
- Псевдо-Августин – *Прим.* 171.
- Р**
- Раймунд, герцог Аквитании – *Ant.* V, 31;
Прим. 168.
- Райнер, вассал папы; его вдова – *Отт.* 4; 10.
- Рамбо А. – *Прим.* 172.
- (Рамдульф), брат князей Беневента и Капуи –
Leg. 37.
- Рамиро, король Леона и Галисии – *Ant.* V, 2;
Прим. 167.
- Ратер, епископ Вероны – *Ant.* III, 42; 49; 52.
- Рахевин – *Введ.* 11.

- Регилинда, жена Германа I, мать Иды – *Прим.* 167.
- Регинар I Длинная Шея, граф Геннегау – *Прим.* 161.
- Регино, хронист – *Введ.* 11; *Прим.* 161, 167, 170, 171.
- Реглинда, дочь Эберхарда фон Цюлихгау, жена Бурхарда II – *Прим.* 161.
- Рейнхильда, дочь норманна Готфрида – *Прим.* 166.
- Рецемунд, епископ Либерританы – *Ant.* I, 1; 2; III, 1; IV, 1; 6; V, 2; *Прим.* 163.
- Рецемунд, епископ Эльвиры – *Введ.* 7.
- Риккард – *Отт.* 9.
- Рихильда, дочь Бозо, маркграфа Тосканы – *Ant.* IV, 11.
- Роберт, 1-й епископ Меца – *Прим.* 159.
- Роберт Сильный, граф Анжу, герцог Франции, основатель династии – *Прим.* 159.
- Робертины, династия – *Прим.* 159.
- Роза, дочь Вальперта, жена пфальцграфа Гизельберта – *Ant.* III, 39.
- Роза, дочь Вальперта, наложница короля Гуго – *Ant.* IV, 14.
- Роман I Лакапин, император Византии – *Ant.* II, 45; III, 22–28; 30; 35–38; V, 9; 14; 15; 20–23; 25; VI, 2; *Leg.* 5; 7; 62; *Прим.* 164–167, 170.
- Роман II, сын Константина VII Багрянородного, император Византии – *Ant.* V, 14; 20; *Leg.* 7; *Табл.*; *Прим.* 167, 168, 170, 173.
- Роман – *Отт.* 9.
- Роман, греч. магистрат – *Leg.* 54.
- Роман, епископ Ферентино – *Отт.* 9.
- Ромуальд, брат Пандульфа – *Прим.* 172.
- Ромул, основатель Рима – *Ant.* I, 26; *Leg.* 12.
- Ротбальд, граф Арля – *Табл.*
- Ротруда (Ротхильда), дочь Видо, герцога Сполето, жена Адальберта I, маркграфа Тосканы – *Табл.*; *Прим.* 160.
- Рудберт, историк-крестоносец – *Введ.* 11.
- Рудольф I, король Бургундии – *Табл.*; *Прим.* 160, 163.
- Рудольф II, король Верхней Бургундии и Италии – *Ant.* II, 60; 64–68; III, 2; 8–13; 16; 48; IV, 13; 25; *Табл.*; *Прим.* 163, 165, 166.
- Рудольф, дьякон из Аквилей – *Отт.* 9.
- Руфь – *Прим.* 170.
- С**
- Саббатин, епископ Террачины – *Отт.* 9.
- Сагиттус, вождь сарацин – *Ant.* IV, 4.
- Саксонская династия – *Прим.* 161.
- Салард – венгерский князь – *Ant.* III, 2.
- Салек, болгарин – *Отт.* 6.
- Саломон, китонит – *Ant.* VI, 4.
- Самсон, граф – *Ant.* III, 41; IV, 25.
- Сарлион (Сарлиус), маркграф Камерино и Сполето – *Ant.* V, 5; 7; 8; *Прим.* 167.
- Саул, царь Израиля – *Ant.* II, 41.
- Светоний Гранквилл, Гай, римский историк – *Введ.* 8.
- Святополк, князь Моравии – *Прим.* 158.
- Седулий, христианско-латинский поэт – *Введ.* 8.
- Сенека, Люций Анней, римский философ и поэт – *Введ.* 8.
- Сергий III, папа римский – *Ant.* I, 29; 30; II, 48; III, 43; *Прим.* 160, 163.
- Сергий – *Отт.* 9.
- Сергий, примицерий охранников – *Отт.* 9.
- Сивиллы (книги) – *Leg.* 39.
- Сигиберт – *Введ.* 10, 12.
- Сигизмунд, эрцгерцог – *Прим.* 167.
- Сигульф, епископ Пьяченцы – *Отт.* 14.
- Сикко, епископ Бледы – *Отт.* 9.
- Сикко, епископ Остии – *Отт.* 9.
- Сильван, миф. персонаж – *Leg.* 10.
- Сильвестр I, папа римский – *Прим.* 171.
- Сималион – *Ant.* V, 6.
- Симеон, протасикрит – *Leg.* 15; 19.
- Симеон, царь Болгарии – *Ant.* I, 5; III, 26; 27; 29; 38; *Прим.* 158.
- Сир, св., мученик – *Ant.* III, 5; 6.
- Сирик – *Ant.* V, 6.
- Сихелин, епископ Флоренции – *Прим.* 169.
- Соломон, царь Израиля – *Ant.* I, 1.
- Стасколевич М.М. – *Введ.* 11; *Табл.*
- Стефан V, папа римский – *Прим.* 160.
- Стефан VI, папа римский – *Прим.* 160.
- Стефан VII, папа римский – *Прим.* 165.
- Стефан – *Отт.* 9.
- Стефан, амминикулятор – *Отт.* 9.
- Стефан, архиаколит – *Отт.* 9.
- Стефан, епископ Цере – *Отт.* 9.
- Стефан из Имизы – *Отт.* 9.

Стефан из прихода Сабины – *Отт.* 9.
 Стефан, кардинал-архипастырь из прихода
 Неря и Ахиллея – *Отт.* 9.
 Стефан, сын Романа I Лакапина, цезарь – *Ant.*
 III, 37; V, 14; 20–23; 25; *Прим.* 164, 168.
 Стефан, сын супериста Иоанна – *Отт.* 9.
 Стефания, любовница папы Иоанна XII –
Отт. 4; 10.
 Стефания, наложница короля Гуго – *Ant.* IV,
 14.
 Сузанна, дочь Беренгара II – *Табл.*
 Сулла, Луций Корнелий, диктатор – *Введ.* 8.
 Сципион Африканский, Публий Корнелий,
 римский полководец – *Ant.* I, 1; *Прим.* 158.

Т

Таксис, венгерский князь – *Ant.* V, 33.
 Танкмар – *Прим.* 166.
 Тевдин – *Ant.* III, 47.
 Тедбальд (Теутбальд), граф Арля, маркграф
 Камерино и Сполето – *Табл.*; *Прим.* 160,
 162, 165.
 Тедбальд, маркграф Камерино и Сполето –
Ant. IV, 9; 10; V, 4; 5; *Табл.*; *Прим.* 166.
 Тедбальд, сын короля Гуго от Стефании, ар-
 хидьякон Миланской церкви – *Ant.* IV, 14;
Табл.
 Тедберга (Теутберга), дочь Тетбальда, графа
 Арля, и Берты Лотарингской, жена Верне-
 ра, графа Труа – *Табл.*; *Прим.* 160, 165.
 Теодор из Руфины – *Отт.* 9.
 Теодора I – *Ant.* II, 48; *Прим.* 162, 163.
 Теодора II, 2-я дочь Феофилакта и Теодо-
 ры I – *Ant.* II, 48; *Прим.* 163.
 Теренций, автор комедий – *Ant.* II, 59; *Leg.* 58;
Введ. 8; *Прим.* 158, 159, 161, 163, 166–169,
 171, 173, 174.
 Тимофей – *Прим.* 162.
 Тиресий, прорицатель – *Ant.* III, 41; *Прим.* 165.
 Титмар, епископ Мерзебургский – *Прим.* 161,
 169, 171.
 Тритемий Спонхеймский – *Введ.* 11.

У

Удо, брат Германа I, герцога Швабии, граф
 Веттерау и Рейнгау – *Ant.* IV, 23; 29; *Прим.*
 166.

Улисс (Одиссей), др.-греч. герой – *Ant.* V, 18;
Leg. 3.
 Ульрих, епископ Кремонский (преемник Ли-
 утпранда) – *Введ.* 6, 9.
 Ульриц – *Прим.* 170.
 Урсо – *Отт.* 9.

Ф

Фабер Иоганн, епископ Венский – *Введ.* 11.
 Фаида, персонаж комедии – *Ant.* V, 6.
 Фараон, царь Египта – *Leg.* 63.
 Феодосий II, римский император – *Leg.* 5.
 Феофано, императрица, жена императоров
 Романа II и Никифора II – *Leg.* 7; 41; *Прим.*
 170, 173.
 (Феофано), дочь Романа II и Феофано – *Leg.*
 7; 57; *Илл.* 128; *Введ.* 6; *Прим.* 170.
 Феофил, император Византии, отец Михаила
 III – *Прим.* 159.
 Феофилакт – *Отт.* 9.
 Феофилакт, епископ Пренесте – *Отт.* 9.
 Феофилакт из прихода Хрисогона – *Отт.* 9.
 Феофилакт из прихода 4-х коронованных
 святых – *Отт.* 9.
 Феофилакт, маркграф Тускула – *Прим.* 162,
 163.
 Феофилакт, отец Романа I Лакапина – *Прим.*
 164.
 Феофилакт, сын имп. Романа I, патриарх
 константинопольский – *Leg.* 62; *Прим.* 164.
 Фишер Ф.М. – *Введ.* 12.
 Фламберт, убийца короля Беренгара I – *Ant.*
 II, 68–71; 73; *Прим.* 163.
 Фома, св. – *Ant.* IV, 26.
 Формоз, папа римский – *Ant.* I, 5; 28–31;
Прим. 159, 160.
 Фрасон, персонаж комедии – *Ant.* V, 6.
 Фридрих, 10-й архиепископ Майнца – *Ant.*
 IV, 27; 32; 33; *Прим.* 167.
 Фрутольф фон Михельсберг – *Введ.* 10
 Фурии – *Leg.* 57.

Х

Хатто I, 7-й архиепископ Майнца – *Ant.* II, 6;
Прим. 161.
 Хатто, граф – *Ant.* V, 8.
 Хремет, персонаж комедии – *Ant.* V, 6.

- Христос Иисус – *Ant.* I, 1; 10; 13; 30; 42; II, 22; 26; 46; 70; III, 26; 33; IV, 7; 24–26; V, 24; VI, 8; *Ott.* 2; 14; *Leg.* 19; 22; 24; 41; 62; 63.
- Христофор, патрикий – *Leg.* 46; 50–51.
- Христофор, сын Романа I Лакапина, император Византии – *Ant.* III, 37; 38; *Leg.* 16; 19; *Прим.* 164, 165.
- Хукберт, аббат св. Маврикия – *Прим.* 165.
- Ц**
- Цахей, епископ – *Ott.* 6.
- Центебальд (Святополк), кн. Моравии – *Ant.* I, 5; 13. *См.* также Святополк.
- Центебальд (Цвентибольд), сын Арнульфа, король Лотарингии – *Ant.* I, 20–22; *Прим.* 159.
- Цицерон, Марк Туллий, римский оратор, политик – *Ant.* I, 1; III, 39; IV, 30; *Введ.* 8; *Прим.* 158, 161, 162, 165, 167, 170.
- Ш**
- Шлезингер В. – *Введ.* 12.
- Шлумберже Г. – *Введ.* 19; *Прим.* 172–174.
- Э**
- Эберсольт Й. – *Прим.* 170.
- Эберхард, герцог Франконии, брат Конрада I – *Ant.* II, 18; IV, 20–24; 29; 32; V, 1; *Прим.* 161, 166.
- Эберхард, граф Цюлихгау – *Прим.* 161.
- Эберхард, епископ Арецо – *Ott.* 9.
- Эберхард, маркграф Фриули, отец Беренгара, маркграфа Фриули – *Табл.*
- Эберхард, маркграф Фриули, отец Беренгара I, короля Италии – *Табл.*; *Прим.* 158.
- Эвер, отец Тиресия – *Прим.* 165.
- Эводисий, переводчик – *Leg.* 54.
- Эгмонд – *Введ.* 12.
- Эдит, жена Оттона I. *См.* Оттифа.
- Эдуард, король Англии – *Ant.* IV, 17; *Прим.* 166.
- Эйнхард – *Введ.* 11.
- Эксакионит, Никита, магистр – *Leg.* 43.
- Эмма, дочь Лотаря, короля Италии и Адельгейды, жена Лотаря, короля Франции – *Табл.*; *Прим.* 165.
- Эннодий, епископ Павии – *Leg.* 22; *Прим.* 171.
- Эос, Аврора – *Leg.* 10.
- Эреб – *Ant.* IV, 19.
- Эрменгарда, дочь Берты и Адальберта II Богатого – *См.* Ирмгарда.
- Эрнст, граф Нордгау – *Прим.* 158.
- Ю**
- Ювенал, Децим Юний, римский поэт-сатирик – *Введ.* 8; *Прим.* 159, 161, 164, 165, 167–170, 172, 174.
- Юлиан Отступник, римский император – *Ant.* III, 29; IV, 7.
- Юлий Цезарь – *см.* Гай Юлий Цезарь.
- Юнона, богиня – *Ant.* III, 41.
- Юпитер (Зевс), бог – *Ant.* III, 41; *Ott.* 10; 12.
- Юстиниан I, римский император – *Leg.* 5.

Указатель географических названий

- А**
Ааре – *Прим.* 167.
Авасги, народ – *Ant.* I, 11.
Авзония, авзоны (т. е. Италия, итальянцы) –
Ant. III, 15; *Leg.* 57.
Австрия Нижняя – *Введ.* 10.
Адда, р. – *Ant.* II, 10.
Адриатическое море – *Ant.* II, 7.
Азия – *Ant.* V, 22.
Аквилея, г. – *Ant.* II, 9; III, 6; IV, 7; *Ott.* 9.
Аквитания, область – *Ant.* V, 31; *Табл.*
Аквы (Аккуи), г. – *Ant.* II, 43; IV, 4; *Прим.* 162.
Алатри, г. – *Ott.* 9.
Александрия, г. – *Ant.* IV, 7.
Алфея, см. *Пииза*.
Альбано, г. – *Ott.* 9.
Альпы, горы – *Введ.* 10; *Прим.* 160.
Альпы Котийские, горы – *Ant.* IV, 5.
Амаликитяне, библ. народ – *Ant.* IV, 24.
Амальфитане, жители г. Амальфи в Южной
Италии – *Ant.* V, 21; *Leg.* 45; 55.
Ананьи, г. – *Ott.* 9.
Англия – *Прим.* 166.
Англы, народ – *Ant.* IV, 17.
Андернах, г. – *Ant.* IV, 29.
Андрос, остров – *Прим.* 158, 159, 163, 169, 173.
Анкира, г. – *Leg.* 21.
Анкона, г. – *Leg.* 33; 35; *Прим.* 160.
Антиохия, г. – *Ant.* IV, 7; собор в А. *Leg.* 21.
Анхиал – *Прим.* 164.
Аоста, г. – *Прим.* 160.
Апулия, область – *Ant.* II, 44–45; *Leg.* 7; 62;
Прим. 170, 174.
Аральское море – *Прим.* 168.
Арар, р. (Сона) – *Leg.* 40.
Арещо, г. – *Ott.* 9.
Аргос (т. е. Греция, Византия) – *Ant.* I, 26; III,
26; 38. Арг. войско – *Leg.* 29; 30. Арг. вера –
Leg. 57; *Прим.* 160.
Аркадия, область – *Ant.* I, 41.
Арль (Арелат), г. – *Ant.* III, 16; IV, 6; V, 26; 31;
Ott. 1; *Табл.*; *Прим.* 162, 165.
Армяне, народ – *Ant.* I, 11; III, 36.
Ассирийцы, народ – *Leg.* 31; 34; 39; 44; 45;
Асти, г. – *Прим.* 162.
Атезис (Эч), р. – *Ant.* II, 40.
Аттическое красноречие – *Leg.* 15.
Аугсбург, г. – *Ant.* II, 3; *Введ.* 11; *Прим.* 161.
Африка, африканский – *Ant.* I, 1; 11; II, 44–45;
50–51; IV, 5; V, 22.
Африканское море – *Ant.* IV, 5.
Африканцы – *Ant.* II, 44; 50; 51;
Ахейцы – *Ant.* III, 22; 27. см. также *греки*.
Ахелой, р. – *Leg.* 61; *Прим.* 164.
Ахен, г. – *Ant.* III, 48; *Прим.* 168.
Ахиллей, г. – *Ott.* 9.
Ачеренца (Acirentila), г. – *Leg.* 62.
- Б**
Бабенберг (Бамберг), г. – *Ant.* II, 6; *Прим.* 161.
Бавария, баварский – *Ant.* II, 2–3; 15; 18; 21;
23–24; III, 49–52; IV, 31; *Leg.* 17; *Введ.* 10;
Прим. 161, 166, 167.
Бавары (баварцы) – *Ant.* I, 5; 21; II, 5; 21; 24; 42;
III, 21; 50; *Leg.* 11; 12; 54; *Табл.*
Багдад, г. – *Ant.* I, 11.
Базель, г. – *Прим.* 167.
Бальбина – *Ott.* 9.
Бард, крепость – *Прим.* 160.
Бардо, гора – *Ant.* I, 34; 40; *Прим.* 160.
Бардус, перевал – *Ant.* I, 35.
Бари, г. – *Leg.* 11; 30; 37; 45; 57; *Прим.* 170, 172,
174.
Белек – *Прим.* 166.

- Беневент, г. — *Ant.* 44; 48; 51–52; *IV*, 9; *Leg.* 7; 15; 27; 36; *Прим.* 160, 163, 166, 172.
 Бергамо, г. — *Ant.* I, 23; *Прим.* 160, 163.
 Берлин, берлинский — *Введ.* 10, 12.
 Биртен, г. — *Ant.* IV, 24.
 Бледа — *Ott.* 9.
 Болгария, болгарский — *Ant.* II, 7; III, 38; *Leg.* 16; 19; 20; *Прим.* 158, 164.
 Болгары, народ — *Ant.* I, 5; 11; II, 26–29; 38; *Ott.* 6; *Leg.* 21.
 Болонья, г. — *Ant.* II, 48; *Прим.* 160, 163.
 Борго Сан-Донино, замок — *Ant.* I, 41; *Прим.* 160.
 Бормида, р. — *Прим.* 162.
 Боцен (Больцано), г. — *Прим.* 168.
 Брейзах, г. — *Ant.* IV, 27.
 Брента, р. — *Ant.* II, 7; 13; 15; *Прим.* 161.
 Брешия, г. — *Ant.* I, 19; II, 61; V, 29; *Прим.* 159.
 Бриксен, г. — *Прим.* 168.
 Бриндизи, г. — *Прим.* 174.
 Брия (ошиб.) — *см.* Умбрия.
 Бургундия, бургундский — *Ant.* II, 32; 67; III, 8; 13; 16; 48; *IV*, 12–13; 25; V, 28; *Табл.*; *Прим.* 160, 165, 166.
 Бургундия Верхняя — *Прим.* 163.
 Бургундия Нижняя — *Прим.* 162.
 Бургундцы (бургунды) — *Ant.* I, 16; II, 60; III, 45; V, 5; 6; 18; 28; *Leg.* 12.
- В**
 Вавилон (Вавилония) — *Ant.* I, 11; *Ott.* 10; *Leg.* 17.
 Веллетри, г. — *Ott.* 9.
 Вена, г. — *Прим.* 166.
 Венгрия, венгерский — *Ant.* II, 9; 21; 31; *Leg.* 45; 19; *Прим.* 161.
 Венгры (турки) — *Ant.* I, 5; 11; 13; II, 1–5; 7–8; 10–15; 19; 24–26; 28–29; 31; 42; 44; 61–62; III, 2–4; 6; V, 19; 33; *Leg.* 45; 46.
 Венеция, венецианцы — VI, 4; *Leg.* 14; 31; 45; 55.
 Вернавола, р. — *Ant.* I, 20.
 Вероли — *Ott.* 9.
 Верона, г. — *Ant.* I, 23; 34–35; 37; II, 9; 11; 37; 39–41; 61; 64; 66; III, 42; 49; 52; *IV*, 6; V, 26–27; *Прим.* 163.
 Веттерау, графство — *Прим.* 166.
 Византий — *см.* Константинополь.
- Виншгау, округ — *Ant.* V, 26; *Прим.* 168.
 Виньола — *Ant.* V, 27; *Прим.* 168.
 Вифиния, область — *Прим.* 172.
 Вольски, народ — *Ant.* II, 9.
 Вормс, г. — *Прим.* 166.
 Вуколеон — *Прим.* 164.
 Вьенна, г. — *Прим.* 162.
- Г**
 Габии, г. — *Ott.* 9.
 Галисия, область — *Ant.* V, 2; *Прим.* 167.
 Галлезе — *Ott.* 9.
 Галлия, галльский — *Ant.* I, 14; III, 48; *Leg.* 29.
 Гамбург, г. — *Прим.* 167, 169.
 Ганновер, г. — *Введ.* 12.
 Гаргара, г. — *Leg.* 11; *Прим.* 170.
 Гарильяно (Монте д'Аргенто), гора — *Ant.* II, 44–45; 50; 52; *Прим.* 162, 163, 170.
 Гарильяно, р. — *Прим.* 162, 163.
 Гаузеннинг, замок — *Ant.* III, 50.
 Гаэтане, жители г. Гаэты — *Ant.* V, 21.
 Геннегау, графство — *Прим.* 161.
 Генуя, г. — *Ant.* IV, 5; *Прим.* 162.
 Германия, германцы — *Введ.* 7–9; *Leg.* 40; *Табл.* *Прим.* 158, 161, 164.
 «Город Льва» (в Риме) — *Ant.* I, 27.
 Готы, народ — *Ant.* V, 23.
 Гравины, г. — *Leg.* 62.
 Гранада, г. — *Прим.* 158.
 Греция, греки — *Ant.* I, 5–6; II, 7; 51; 53–54; III, 22; 27; 38; *IV*, 9–10; 13; V, 9; 14–16; 20; VI, 2–4; 6; *Leg.* 28; 31; 38; 39; 40; 41; 43; 45; 47; 54; 55; 57; 62. Гр. язык — *Leg.* 46; 62. Гр. отвлага — *Leg.* 29. Греколон — *Leg.* 46. Гр. вино — *Leg.* 1. *См.* также ахейцы, данайцы, аргосцы.
- Д**
 Данайцы (т. е. греки) — *Leg.* 30.
 Дармштадт, г. — *Введ.* 12.
 Датчане (дань), народ — *Ant.* III, 21; 48.
 Деканея, Деканнеакубита, палата — *Ant.* VI, 8.
 Дижон, г. — *Прим.* 160.
- Е**
 Европа — *Ant.* I, 1; V, 22; *Введ.* 7.
 Европа Западная — *Прим.* 173.
 Египет — *Ant.* I, 11; *Leg.* 17; 63.

- Ж**
Жамблу – *Введ.* 10, 12.
- З**
Зальцбург, г. – *Прим.* 162, 171.
Зама – *Прим.* 158.
Западная Римская империя – *Прим.* 171.
Западно-Франкское королевство – *Прим.* 159.
Золотой Рог, залив – *Прим.* 171.
Золотые ворота в Константинополе – *Leg.* 2;
Прим. 169.
Зондерсхаузен, г. – *Прим.* 162.
- И**
Иберия – *Отт.* 10.
Иврея, г.; маркграфство – *Ant.* I, 35; II, 33; 56–57; III, 7; 13; 15; IV, 8; V, 4; 10; *Табл.*; *Прим.* 160, 162, 163.
(Горы) Иды – *Прим.* 170.
Иерусалим, г. – *Ant.* IV, 26.
Израиль – *Ant.* II, 18; V, 17; *Прим.* 163.
Имиза – *Отт.* 9.
Ингельгейм, г. – *Ant.* IV, 35.
Индия – *Отт.* 10.
Испания – *Ant.* I, 3; 4; V, 19; VI, 4–6; *Прим.* 158.
Италия, королевство Италия, итальянский, итальянцы – *Ant.* I, 1; 5; 14–15; 17; 20–22; 34; 35; 37–39; II, 7; 9; 13; 15; 32; 33; 35–39; 42–45; 57; 60; 64; 67; III, 1–2; 6–8; 12–14; 16–17; 41–42; 47–50; IV, 6; 8; 12; 25; V, 2; 4; 9–10; 17–19; 26; 28; 30–33; *Отт.* 1–2; 4; 7; 9; 15; 22; *Leg.* 5; 7; 11; 17; 32; 53; 54; *Введ.* 7–11; *Табл.*; *Прим.* 158, 159, 161–163, 165, 166, 172–174.
Италия Верхняя – *Введ.* 8.; *Прим.* 161, 164.
Италия Нижняя – *Введ.* 9.
Италия Южная – *Прим.* 166, 172, 174.
Иудея – *Leg.* 17.
- К**
Калабрия, область – *Ant.* II, 44; 45; *Leg.* 62;
Прим. 172, 173.
Кальцинария (Кальцинате), замок – *Ant.* II, 62; *Прим.* 163.
Камерино, камеринцы – *Ant.* I, 17; 21; 25; II, 9; 51–52; 66; IV, 9; V, 4–5; *Отт.* 9; 18; *Табл.*;
Прим. 159, 163, 164, 166, 167.
Канапария – *Отт.* 9.
Каппадокиец – *Leg.* 10.
Капуя, г. – *Ant.* II, 51; *Отт.* 6; *Leg.* 7; 15; 27; 36;
Прим. 163, 172.
Каринтия – *Ant.* III, 49; *Прим.* 158; *Прим.* 167.
Карфаген, г.; собор в К. – *Leg.* 21.
Катасирт, г. – *Прим.* 164.
Катина, г. – *Введ.* 10.
Кацунули – *Отт.* 9.
Кведлинбург, г. – *Ant.* IV, 15.
Кёльн, г. – *Ant.* III, 48; *Введ.* 6; *Табл.*; *Прим.* 166.
Киевский (вел. кн.) – *Табл.*
Кипр, остров – *Прим.* 169.
Комо, г. – *Ant.* III, 39; V, 26; 29; *Отт.* 1.
Компьень, г. – *Прим.* 159.
Константинополь (Византий; Новый Рим) –
Ant. I, 5; 7–8; 11–12; 52; III, 1; 26; 28–29; IV, 12;
V, 9; 14–15; 20–21; VI, 2–5; *Отт.* 6; *Leg.* 1; 2; 21;
22; 25; 34; 36; 39; 45; 46; 48; 51; 57–59; 65. К.
патриарх (епископ) – *Leg.* 21; 22; 62. К. им-
ператоры – *Leg.* 12; К. империя – *Leg.* 4; 6;
15; 25; 31; 33; 36; *Введ.* 6–9, 12; *Прим.* 158–
160, 164, 170, 171, 173, 174.
Кордова, г. – *Ant.* V, 19; *Введ.* 7; *Прим.* 158.
Корфу, остров – *Leg.* 64; *Введ.* 9; *Введ.* 12.
Коцит, р. в Аиде – *Ant.* V, 8; *Прим.* 167.
Краков, г. – *Прим.* 166.
Кремона, г. – *Отт.* 7; 9; 11; *Leg.* 33; 38; 41; 57. Кр.
церковь – *Leg.* обр.; 55; Кр. епископство –
Введ. 6–8; *Прим.* 169.
Крит, остров – *Ant.* I, 11; *Прим.* 169.
(Ксенодоксейон), «ненавистный дом» – *Leg.*
1; 2; 13; 19; 24; 31; 57.
- Л**
Ла-Гарде Френе – *Прим.* 158.
Лаго ди Браччиано – *Прим.* 169.
Лангобардия, лангобарды – *Leg.* 7; 12; *Прим.*
172.
Лангр, г. – *Прим.* 159.
Латеран – *Ant.* III, 43; *Отт.* 4; 9; 16; 22; *Введ.* 8.
Латины – *Ant.* II, 54; *Leg.* 33; 57. Лат. народ –
Leg. 37. Лат. язык – *Leg.* 46; 62.
Лаубах (Лоббес), монаст. – *Введ.* 10.
Левкада, остров – *Leg.* 61; 63; 64.
Леон, область – *Прим.* 167.
Лех (Леман), р. – *Ant.* II, 3.
Либерритана (Иллиберис, Эльвира), г. – *Ant.*

I, 1; *Прим.* 158.
 Ливия, область – *Leg.* 17.
 Лигурия, область – *Ott.* 12; 14.
 Лондон, г. – *Введ.* 11.
 Лорш, г. и монастырь – *Ant.* IV, 28.
 Лотарингия, лотарингцы – *Ant.* I, 5; 16; II, 18; 24; III, 21; 48; *Ott.* 9; 14; 22; *Leg.* 12; *Введ.* 10; *Табл.*; *Прим.* 159, 161, 165, 166.
 Лукка, г. – *Ant.* II, 38; *Ott.* 9; *Прим.* 160, 163.
 Льеж, г. – *Ant.* III, 42.

М

Мавр, гора – *Ant.* I, 3; V, 16.
 Мавры, народ – *Ant.* V, 11.
 Магнавра, палата – *Ant.* VI, 5; *Прим.* 168.
 Майнц, г. – *Ant.* II, 6; III, 1; IV, 27; 32–33; VI, 4; *Прим.* 161, 167.
 Македония, македонцы, македонский – *Ant.* I, 8; V, 22; *Leg.* 29; 31; 45.
 Мальтеп – *Прим.* 172.
 Мантуя, г. – *Ant.* II, 55; III, 17; IV, 6; V, 26.
 Маренго – *Ant.* I, 40; 42.
 Матера, г. – *Leg.* 62.
 Мелиоз – *Ott.* 9.
 Мемлебен, г. – *Ant.* IV, 15.
 Меран, г. – *Прим.* 168.
 Мерзебург, г. – *Ant.* II, 28–29; 31; *Прим.* 162.
 Месопотамия, область – *Leg.* 17; 44; 49.
 Мессинский пролив – *Прим.* 173.
 Метавр, р. – *Прим.* 158.
 Мефимна, г. – *Leg.* 11.
 Мец, г. – *Ant.* I, 16; IV, 32; *Введ.* 10; *Прим.* 159.
 Милан, г. – *Ant.* I, 24; 38; 42; II, 57; III, 8; 12; 14–15; 42; IV, 7; 14; V, 26–29; *Ott.* 1; 9; *Введ.* 8; *Табл.*; *Прим.* 163, 165, 168.
 Минден, г. – *Ott.* 7; 9.
 Модена, г. – *Ant.* V, 27; *Ott.* 14; *Прим.* 160, 168.
 Монтефельтро, г. – *Ott.* 5–6; *Прим.* 169.
 Монтерано (Мантурианум) – *Прим.* 169.
 Моравия – *Ant.* I, 5; 13; *Прим.* 158, 161.
 Мюнхен, г. – *Введ.* 10, 12.

Н

Навпакт, г. – *Leg.* 11; *Прим.* 174.
 Нарния, г. – *Ott.* 7; 9; 10; *Прим.* 173.
 Неа или Эннеа, в честь архангела Михаила в Константинополе – *Ant.* I, 10.

Непи, г. – *Ott.* 9.
 Нерей – *Ott.* 9.
 Нидерлангау, графство – *Прим.* 166.
 Никея, г.; собор в Н. – *Leg.* 21; *Прим.* 171.
 Никополь, г. – *Leg.* 58; *Прим.* 174.
 Новара, г. – *Ant.* III, 15; *Прим.* 163.
 Нонантула – *Ant.* V, 27.
 Нордгау, графство – *Прим.* 158.
 Нордманны («люди севера») – *Ant.* I, 11; V, 15.
 Норма – *Ott.* 9.

О

Орте – *Ott.* 9.
 Остия, г. – *Ott.* 9.
 Отранто (Гидрунта) – *Прим.* 174.
 Оттерберг, монаст. – *Введ.* 10.
 Оффидар, р. – *Leg.* 59.
 Ош – *Прим.* 160.

П

Павия (Тицин), г. – *Ant.* I, 1; 20; 24; 35; 37; 39–41; II, 9; 38; 67–68; III, 2–6; 8–9; 14; 17; 39; 41; 52; IV, 4; V, 27–28; 30; VI, 4; *Ott.* 3; 6; *Leg.* 22; *Введ.* 6, 8; *Прим.* 158, 159, 164, 171.
 Паксу, остров – *Ant.* III, 1; *Введ.* 12; *Прим.* 164.
 Париж, г. – *Введ.* 10; *Прим.* 159.
 Парма, г. – *Ant.* V, 20; *Ott.* 9; *Прим.* 160.
 Парф – *Leg.* 40.
 Патримониум св. Петра (будущая Папская область) – *Прим.* 171.
 Патры, г. – *Leg.* 59.
 Персия, персы – *Ant.* I, 11; *Leg.* 17.
 Печенег, народ – *Ant.* I, 11.
 Пиза (Алфея), г. – *Ant.* III, 16; 19; *Ott.* 9; *Прим.* 169.
 Пистойя, г. – *Ott.* 9; *Прим.* 169.
 По (Эридан), р. – *Ant.* III, 9; VI, 4; *Ott.* 5; *Leg.* 33; *Прим.* 161, 162, 168.
 Польша – *Прим.* 170.
 Помбия, графство – *Табл.*
 Порто, г. – *Ant.* I, 5; 29–30; *Ott.* 9.
 Пренесте, г. – *Ott.* 9.
 Примицерий – *Ott.* 9.
 Прованс, провансальцы – *Ant.* I, 1; 4; III, 12; 16; V, 31; VI, 2; *Табл.*; *Прим.* 162, 164.
 Прот, остров – *Прим.* 168.
 Птичья гора (Фогельберг) – *Ant.* V, 10–11.

- Пуны (т. е. африканские сарацины), народ – *Ant.* II, 48–54; IV, 5.
 Пьяченца, г. – *Ant.* I, 18; 41; II, 65; IV, 14; V, 30; *Ott.* 14; *Табл.*
- Р**
 Равенна, г. – *Ant.* II, 48; *Ott.* 5; 9; *Leg.* 15; *собр.* – *Введ.* 6; *Прим.* 162.
 Раметта – *Прим.* 173.
 Реджо, г. – *Ant.* V, 29; *Ott.* 9; *Прим.* 168.
 Рейн, р. – *Ant.* III, 48; IV, 24; 29; *Прим.* 167.
 Рейнгау, графство – *Прим.* 166.
 Рейс – *Прим.* 167.
 Рим, г. – *Ant.* I, 5; 15; 25; 27–29; 31; 40; 44–45; 48; 50; III, 6; 43–46; IV, 2–3; 7; V, 3; 18; 21; *Ott.* 1–4; 7–12; 15–22; *Leg.* 4; 5; 15; 17; 18; 22; 51; 62; *Введ.* 8. Р. церковь – *Leg.* 17; 18. Р. папа (патриарх) – *Leg.* 5; 22; 47; 50–52; 56; 62. Р. сенат – *Leg.* 51; Р. народ – *Leg.* 51. Р. города – *Leg.* 51. Римляне – *Leg.* 4; 12; 53. Р. императоры – *Leg.* обр.; 5; 25; 40; 41; 47; 50; 51; *Прим.* 158–160, 162, 163, 169, 171, 172, 174.
 Рим Восточный – *Введ.* 9.
 Рона, р. – *Прим.* 164.
 Руссы, народ – *Ant.* I, 11; V, 14–15; *Leg.* 29.
 Руфина – *Ott.* 9.
- С**
 Сабина – *Ott.* 9.
 Саксония, саксы – *Ant.* I, 5; 24; II, 5; 15; 18; 20; 24–26; 28; 31; 42; III, 21; IV, 15; 27; 33; VI, 4; *Ott.* 2; 7; 9; 11–12; 15; 22; *Leg.* 11; 12; 17; 21; 22; 38; 53; 54; *Табл.*; *Прим.* 159–161.
 Салерно, салернский, салернцы – *Табл.*; *Прим.* 159, 170, 172.
 Самос, остров – *Прим.* 164.
 Сан-Бернардино (Фогельберг) – *Прим.* 167.
 Сан-Лео (Замок св. Льва) – *Ott.* 6; *Введ.* 7.
 Сан-Марино – *Прим.* 169.
 Сарацины, народ – *Ant.* I, 3–4; II, 43–45; III, 26; IV, 4; V, 9; 17; *Ott.* 4; *Leg.* 7; 11; 39; 40; 43; 46.
 Сардиния, остров – *Прим.* 172.
 Св. Акакия церковь в Константинополе – *Прим.* 169.
 Св. Андрея церковь в г. Патрах – *Leg.* 60.
 Св. Апостолов церковь в Константинополе – *Leg.* 19.
- Св. Маврикия, аббатство – *Прим.* 165.
 Св. Петра церковь в Риме – *Прим.* 160.
 Св. Софии церковь в Константинополе – *Leg.* 9; 10.
 Септимания, область – *Прим.* 168.
 Сена, г. – *Ott.* 9; *Прим.* 169.
 Сикион (сиксионские башмаки) – *Leg.* 3.
 Сильва Кандида, г. – *Ott.* 9.
 Симанка – *Прим.* 167.
 Синтан-Капу – *Прим.* 169.
 Сирия – *Ant.* V, 17; *Leg.* 38.
 Сицилия, сицилийцы – *Leg.* 1; 40; *Прим.* 172.
 Сицилийское море – *Leg.* 43.
 Славяне, народ – *Ant.* II, 28; III, 21; 24; *Leg.* 16; 23.
 Сорбская марка – *Прим.* 161.
 Сполето, сполетцы – *Ant.* I, 17; 21; 25; II, 9; 51–52; 66; IV, 9; V, 4–5; *Ott.* 9; 18; *Табл.*; *Прим.* 159, 160, 162–164, 166, 167, 169.
 Спонхейм, г. – *Введ.* 11.
 Средиземноморье Восточное – *Прим.* 170.
 Средиземноморье Западное – *Введ.* 7.
 Стефана (коронный зал), дворец – *Leg.* 3.
 Стикс, р. в Аиде – *Ant.* II, 26; *Прим.* 162.
 Стирон, р. – *Ant.* I, 41.
 Сутрий, г. – *Ott.* 9.
 Сцилла (легенд.) – *Leg.* 43.
- Т**
 Таро, р. – *Ant.* I, 37.
 Тевтонские королевства – *Прим.* 162.
 Тевтонцы, тевтонский язык – *Leg.* 33; 37.
 Теер – *Прим.* 161.
 Тенна, р. – *Прим.* 160.
 Террачина, р. – *Ott.* 9.
 Тибр, р. – *Ant.* I, 27; 30; II, 40; III, 45; *Прим.* 160.
 Тибур – *Ott.* 9; 15.
 Тигр, р. – *Leg.* 40.
 Тироль Южный, провинция – *Прим.* 165, 168.
 Тирренское море – *Ant.* III, 16; V, 16.
 Тицин, р. – *Ant.* III, 9. Тицин, г. *см.* Павия.
 Тоди, г. – *Ott.* 10.
 Тортона, г. – *Ott.* 14.
 Тоскана (Тусция, тосканцы, туски) – *Ant.* I, 30; 39–40; II, 9; 35; 37–39; 55; III, 7; 16; 18; 20; 43; 47; IV, 8; 11; V, 4; *Ott.* 9; 12; *Табл.*; *Прим.* 160, 162, 163.

- Треббия, р. – *Ant.* I, 18; *Прим.* 159.
Треви – *Отт.* 9; *Прим.* 169.
Тридент (Триент), г. – *Ant.* III, 49; IV, 6; V, 26.
Трикарико, г. – *Leg.* 62.
Трир, г. – *Ant.* III, 48; *Отт.* 14; *Введ.* 10–11.
Троада – *Прим.* 170.
Труа, г. – *Введ.* 10; *Прим.* 160.
Турси, г. – *Leg.* 62.
Тускул, графство – *Прим.* 162, 168.
Тюрингия, тюринги – *Ant.* II, 18; 20; 24; 28; IV, 15.
- У**
Умбрия, провинция (совр. Приас) – *Leg.* 36; 46; *Прим.* 172.
Утрехт, г. – *Ant.* IV, 15.
- Ф**
Фарфа, монаст. – *Введ.* 10.
Ферентин, г. – *Отт.* 9.
Фессалоника (Салоники), г. – *Ant.* III, 24; *Leg.* 45.
Фирм (Фермо), г. – *Ant.* I, 32; *Прим.* 160, 162, 163.
Флегетон, р. в Аиде – *Прим.* 162.
Флорентиол (Фьоренцуол) – *Ant.* II, 65; *Прим.* 163.
Флоренция, г. – *Отт.* 9; *Прим.* 169.
Фонтень, г. – *Введ.* 10.
Формигар (Формикария, Зигмундскрон), замок – *Ant.* V, 26.
Форум Клодии (совр. Сан-Либерато), г. – *Отт.* 9; *Прим.* 169.
Фракия, провинция – *Прим.* 164.
Фраксинет, г. – *Ant.* I, 1; 2; 3; II, 43; 44; IV, 4; V, 9; 16; *Отт.* 4; 7; *Введ.* 7; *Прим.* 169.
Франки (тевтонские и латинские) – *Ant.* I, 5; 15; 16; 17; II, 5; 17; 21; 42; III, 20; 21; *Leg.* 7; 12; 19; 33; 43; 53; 54; *Прим.* 158.
Франкония – *Ant.* II, 3; 15; 18; 24; 33; 35; V, 17; *Отт.* 9; 12; *Прим.* 158, 161, 166.
Франкский король/император – *Leg.* 40.
Франкфурт, г. – *Ant.* III, 1; *Leg.* 21; *Введ.* 7; *Прим.* 171.
Франция, королевство Франция – *Ant.* I, 14–16; *Табл.*; *Прим.* 158, 165, 167.
Фрежюс – *Прим.* 158.
Фрейзингенское епископство – *Введ.* 9–11.
- Фриули, марка – *Табл.*; *Прим.* 158, 163.
Фульда, г. – *Прим.* 167.
- Х**
Хазары, народ – *Ant.* I, 11.
Халдеи, народ – *Ant.* I, 11.
Халкедон, г. – *Leg.* 21; собор в Х. – *Leg.* 39.
Харибда (легенд.) – *Leg.* 43.
Хаутмонт, монаст. – *Введ.* 10.
Харталими – *Прим.* 172.
Херсонес – *Leg.* 64.
Хорезм, хорезмийцы – *Ant.* VI, 6; *Прим.* 168.
- Ц**
Центумцеллы (Чивитавеккья), г. – *Отт.* 7.
Цере, г. – *Отт.* 9.
Цуканистрий, ипподром – *Ant.* V, 21.
Цюлихгау, округ – *Прим.* 161.
- Ч**
Чехия – *Прим.* 171.
Чивита Кастеллана, г. – *Отт.* 9.
- Ш**
Швабия, швабы – *Ant.* I, 5; II, 3; 5; 15; 18; 24; 42; 57; 60; III, 13; 21; IV, 23; 25; 29; V, 1; 10; 12; 17; 26; *Leg.* 11; 12; 54; *Прим.* 161, 163, 166, 167.
Швейнфурт, г. – *Прим.* 161.
Шевремон, замок – *Ant.* IV, 34.
Шпейер, г. – *Отт.* 9; епископство – *Введ.* 7.
- Э**
Эвинос, р. – *Прим.* 174.
Эйс Пегас – *Leg.* 25.
Эльвира, область – *Введ.* 6.
Эллада (т. е. Греция) – *Прим.* 174.
Эльзас, область – *Ant.* IV, 27; 29; 30; 32–33; *Прим.* 167.
Эмилия, область – *Отт.* 14.
Эммаус, кр. – *Ant.* IV, 26.
Эфес, г. собор в Э. – *Leg.* 21.
Эфиоп – *Leg.* 3.
- Ю**
Юпитерова гора (Большой Сен-Бернар) – *Ant.* I, 35; V, 10–11; *Прим.* 160, 167.
Юра – *Прим.* 167.

Научное издание

Лиутпранд Кремонский
АНТАПОДОСИС (в 6 книгах); КНИГА ОБ ОТТОНЕ;
ОТЧЕТ О ПОСОЛЬСТВЕ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Утверждено к печати
Редколлекцией серии «MEDIEVALIA:
средневековые литературные памятники и источники»

ISBN 5-93165-160-8

9 785931 651606

Редактор издательства *Ю. В. Яшнев*
Художник *И. А. Настенко*
Технический редактор *О. Е. Пугачева*
Корректор *О. Е. Пугачева*

Лицензия ЛР №030734 от 29 апреля 1997 г.
Подписано к печати 12.07.2006. Формат 70 x 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Миньон-S. Печать офсетная. Печ. л. 12.
14 усл. печ. л. Тираж 1200 экз. Тип. зак. 187.

ООО «СПСЛ», НП ИД «Русская панорама».
Адрес: 109028, Россия, г. Москва, Серебряническая наб., 27, офис 1-03.
Телефон: (495) 917 5983; 917 7094.
E-mail: in@rus-pan.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»
248649, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5